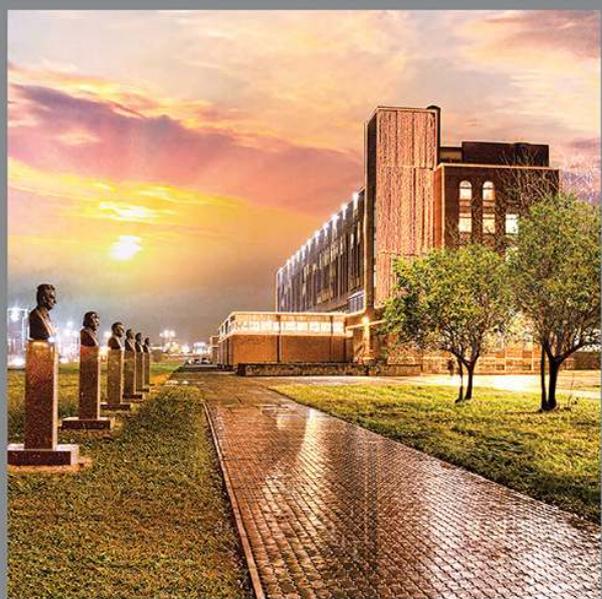

СОЦИАЛЬНО-
ТРУДОВЫЕ
КОНФЛИКТЫ

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Выпуск
14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА,
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РЕСУРСЫ И СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ

Издано в рамках Программы получателя субсидии
Министерства труда и социальной защиты РФ в 2019 году

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Выпуск 14

Санкт-Петербург
2019

ББК 60.55.44
С69

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, член-корреспондент РАН,
доктор культурологических наук, профессор

Авторский коллектив:

А. П. Марков (руководитель), **Г. М. Бирженюк**, **В. В. Горшкова**, **Т. В. Ефимова**,
А. С. Запесоцкий, **Е. А. Кайсаров**, **Е. С. Кутузова**, **С. Н. Соколова**, **В. Е. Триодин**

Рецензенты:

А. А. Сукало, профессор кафедры социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского государственного института культуры,
доктор педагогических наук;

Е. П. Тонконогая, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП,
доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Социально-трудовые отношения в постсоветской России:
С69 национально-культурная специфика, проблемы формирования,
ресурсы и стратегии оптимизации / науч. ред. **А. С. Запесоцкий**. — СПб. : СПбГУП, 2019. — 240 с. — (Социально-
трудовые конфликты ; Вып. 14).

ISBN 978-5-7621-1039-6

В монографии характеризуются структура и проблемы становления социально-трудовых отношений постсоветской России, анализируется национально-культурная специфика социально-трудовых конфликтов, предложена комплексная национально ориентированная система стратегий и условий оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики конфликтов, гарантирующая защиту прав работников и конструктивный баланс интересов государства, бизнеса и профсоюзов как основных субъектов социального партнерства.

Издание подготовлено в рамках двух исследовательских проектов: «Национально-культурная специфика социально-трудовых конфликтов: источники, мотивация, условия и стратегии минимизации» и «Цивилизационные ресурсы и институциональные условия оптимизации социально-трудовых отношений в России», осуществленных на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Монография адресована органам государственной власти, профсоюзам, корпоративным бизнес-сообществам, ученым, преподавателям, студентам и аспирантам, обучающимся по направлениям подготовки «Конфликтология», «Экономика», «Управление персоналом», «Экономическая безопасность», а также специалистам в области мониторинга и разрешения социально-трудовых конфликтов.

ББК 60.55.44

ISBN 978-5-7621-1039-6

© СПбГУП, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ И ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	17
1.1. Структура и модели социально-трудовых отношений	18
1.2. Мировоззренческие истоки и этапы эволюции капиталистической трудовой этики и социально-трудовых отношений	28
1.3. Социально-трудовые отношения в постсоветской России: проблемы становления	35
1.4. Маркетинг как глобальная рыночная среда и фактор динамики социально-трудовых отношений	54
1.5. Социально-трудовые отношения и конфликты в грядущей экономике «шестого уклада»: сценарный прогноз	68
Глава 2. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	80
2.1. Российская ментальность и рыночная модель экономики: зоны диссонанса и возможности консенсуса	80
2.2. Консолидирующая миссия духовно-нравственной составляющей социально-трудовых отношений	96
2.3. Государство как субъект регулирования социально-трудовых отношений	103
2.4. Либеральная концепция модернизации, блокирующая каналы востребованности отечественного опыта реформ	104
2.5. Стратегия заимствования западноевропейских институтов и моделей экономики, девальвирующая национально-культурные ресурсы преобразований	117
Глава 3. ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ КАК АТРИБУТ И КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	123
3.1. Источники социально-трудовых конфликтов в постсоветской России	123
3.2. Правовой нигилизм субъектов социально-трудовых отношений и низкая культурная легитимность института права	129

3.3. Поляризация общественного сознания как индикатор протестного потенциала в системе социально-трудовых отношений	138
3.4. Низкая социальная ответственность субъектов медиасферы как источник усиления конфликтной мотивации	143
Глава 4. РЕСУРСЫ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	157
4.1. Консервативное мировоззрение как фактор оптимизации социально-трудовых отношений	158
4.2. Корректировка концепции права с учетом национально-культурной специфики	168
4.3. Корпоративная культура как социально-психологическая среда диалога работодателей и работников	179
4.4. Востребованность смыслообразующих матриц отечественной культуры — условие солидарности и согласия субъектов социально-трудовых отношений	190
4.5. Адресная программа оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики социально-трудовых конфликтов	203
Заключение	219
Литература	228

ВВЕДЕНИЕ

Фундаментальной проблемой России в современном геополитическом контексте становятся реалистичность и сроки реализации проекта модернизации. Утверждение России в качестве мировой цивилизации предполагает построение мобилизационной экономики и формирование «социально эффективного общества» как «субъекта стратегического действия», с низким уровнем социального неравенства и высокой социальной ответственностью. Высокотехнологичную мобилизационную экономику в нынешних условиях может создать только «общество с высокой социальной эффективностью, членам которого будет за что биться и что защищать»¹.

Ключевым фактором успешности отечественного проекта модернизации является совершенствование модели социально-трудовых отношений, учитывающей национально-культурные особенности и императивы социально ориентированной экономики, а также формирующийся технологический уклад, основанный на достижениях четвертой промышленной революции. Модернизация предполагает технологическую революцию, но главное условие ее успеха — развитие «человеческого капитала», утверждение в общественном сознании ценностей, способных придать духовно-нравственное измерение социальным отношениям и трудовой этики постсоветской России².

Система социально-трудовых отношений составляет производственную основу общества, создающую материальный базис и определяющую его конкурентоспособность в глобальной системе постиндустриальной экономики. Она определяет качество жизни народа и экономическую конкурентоспособность государства, обеспечивая его безопасность во внешней и внутренней политике³. Поэтому не только научный, но и практический интерес представляет проблема выявления базовых институциональных и цивилизационных ресурсов оптимизации моделей социально-трудовых отношений

¹ Фурсов А. Воля побеждать. URL: <https://izborsk-club.ru/14651>.

² Запесоцкий А. С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений). СПб. : СПбГУП, 2018. С. 321.

³ Культура социально-трудовых отношений в современной России / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2018. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 9). С. 11.

постсоветской России. Соответствие мировоззренческих, нормативно-правовых и инфраструктурных уровней социально-трудовых отношений позволит выстроить взаимовыгодные формы и надежные механизмы социального партнерства государства, бизнеса и профсоюзов; обеспечить эффективные способы социальной защиты работающего населения; оптимально использовать трудовые ресурсы в условиях частной собственности и частного предпринимательства; минимизировать пространство социально-трудовых конфликтов, снизить градус противостояния людей наемного труда, работодателей и государства.

Подходы к правовому и организационному регулированию социально-трудовых отношений претерпевают существенные изменения в процессе формирования новой социально-экономической системы. Изменяется структура общества, что оказывает влияние и на социально-трудовую сферу (главное изменение — появление класса собственников и предпринимателей). Совершенствуются формы диалога между трудом и капиталом, расширяются масштабы договорных методов регулирования и усложняются формы социального партнерства, позитивно влияющие на условия труда¹.

Однако российская модель социально-трудовых отношений вот уже третье десятилетие переживает кризис, который протекает на фоне стагнации рыночных механизмов, разрушения традиционных стереотипов трудового поведения и усиления социально-экономического неравенства. Постсоветская модель социально-трудовых отношений страдает национально-культурной неукорененностью, в ней слабо просматриваются исторически устойчивые мировоззренческие доминанты национальной культуры. «Переход к капитализму неизбежно привел к демонтажу прежней системы и постепенному изменению ценностно-смыслового наполнения социально-трудовых отношений. Утверждение экономического либерализма, ставшего противоположностью прежнего государственного регулирования, вызвало к жизни комплекс идей, согласно которым работодатели и работники оставлены наедине в своем противоборстве за распределение результатов труда. Однако время показало, что набор социальных практик классического либерализма отрицательно воспринимается большей частью населения, кроме того, экономические результаты приватизации и свободного рынка в России подвергаются непрерыв-

¹ Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2018. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 11). С. 29.

ной критике»¹. Опыт предыдущих десятилетий показал, что без участия государства фундаментальное противоречие между интересами работодателей, работников и профсоюзов способствует перерождению частных трудовых конфликтов в массовую конфронтацию, дестабилизирующую все общество.

Дезинтеграцию социально-экономического пространства страны усиливает диссонанс между разными уровнями социально-трудовых отношений постсоветского периода, которые не в полной мере соответствуют специфике этоса и ментальным матрицам национальной культуры. Не приводит автоматически к гармонизации социально-трудовых отношений и совершенствование законодательства в области охраны труда, о чем свидетельствует статистика, отражающая рост коллективных трудовых споров². Достижению высокого уровня культуры социально-трудовых отношений мешает низкий уровень правовых знаний практически у всех участников партнерских отношений: работников, работодателей и в ряде случаев — представителей государства. Специфика современного этапа проявляется также в слабой забастовочной активности и формальном участии персонала в управлении, в дискриминационной практике института договорного регулирования, широком распространении неформальных отношений, пронизывающих все уровни социально-трудовых отношений.

Деформация модели социально-трудовых отношений определяет расширение пространства социально-трудовых конфликтов. Причиной роста конфликтного противостояния в социально-трудовой сфере становятся снижение жизненного уровня значительной части населения, углубляющаяся социально-экономическая дифференциация общества, недостатки и просчеты в реализации политики занятости; расширение границ безработицы и увеличение количества безработных; несовершенство правовой базы социально-трудовых отношений; дисфункция институтов социальной защиты; неэффективность постсоветской модели регулирования социально-трудовой сферы,

¹ Макаров Е. И. Социально-трудовые отношения и ценность «человека труда» в контексте российских перемен // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 126.

² Более того, практика показывает обратную корреляцию — именно на предприятиях, организации и фирмы, где имеются колдоговоры, приходится основная масса конфликтов. При этом имеют место конфликты как процедурного характера (подготовка, переговоры, подписание колдоговора), так и связанные с изменением условий, выполнением и прекращением действия данного документа.

инерция которой порождает кризисные явления в реальном секторе экономики; низкий уровень компетентности руководителей организаций, ответственных за предотвращение и разрешение социально-трудовых конфликтов¹.

В социально-культурной плоскости к источникам расширения пространства социально-трудовых конфликтов можно отнести диссонанс системы организации производства с духовными основаниями русской цивилизации; нравственную нелегитимность в общественном сознании российского бизнеса, вызванную его эгоистической и социально безответственной политикой в сфере социально-трудовых отношений; отторжение института права в его либеральной версии; деформированную трудовую этику, копирующую западные модели социально-правовых и экономических институтов, сформированных на иных мировоззренческих матрицах. Глубинной причиной слабой эффективности институтов и механизмов регулирования социально-трудовых отношений и профилактики их конфликтной составляющей является несбалансированность ключевых элементов системы социально-трудовых отношений и основ национальной культуры. Структуру социально-трудовых конфликтов постсоветской России составляют противоречивое единство ценностей западной капиталистической этики и сохранившихся стереотипов трудового поведения советского периода.

Оптимизация социально-трудовых отношений постсоветской России предполагает многовекторное и многоуровневое исследование, продуктивность которого определяется фундаментальностью методологической базы и интеграцией различных гуманитарных наук. Отрефлексировать сущностные и исторически устойчивые мировоззренческие доминанты русской культуры, выступающие ресурсом оптимизации ключевых социокультурных институтов (что чрезвычайно актуально в «пограничных» ситуациях развития), способна отечественная культурологическая мысль.

Специфика и оптимизация модели социально-трудовых отношений на основе культурологической методологии включают: а) теоретическое осмысление негативных тенденций, усилившихся в структуре социально-трудовых отношений в ситуации спада производства в ключевых отраслях народного хозяйства; б) сравнительный анализ западноевропейской трудовой этики и отечественного трудового

¹ Социально-трудовые отношения в современной России: перспективные модели социального партнерства / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2017. (Социально-трудовые конфликты; Вып. 2). С. 5.

этоса, сформировавшегося на этапах «русской реформации» и форсированной модернизации советского периода; в) корректировку основных социально-культурных институтов, определяющих мотивационные стратегии бизнеса и менеджмента по отношению к работникам, соотношение в рамках корпоративной бизнес-культуры эгоистической или альтруистической мотивации и т. д. Философско-культурологический анализ национально-культурной специфики социально-трудовых отношений и возникающих конфликтов, включая их истоки и мотивацию, позволяет сформулировать стратегию их предупреждения и разрешения, которую, в свою очередь, можно рассматривать в качестве концептуальной основы для выработки комплексной национально ориентированной программы социально-экономических механизмов и правовых условий, которые будут гарантировать защиту социально-трудовых прав трудящихся и поддерживать конструктивный баланс интересов основных субъектов трудовых отношений.

Цель исследовательского проекта — на основе анализа национально-культурной специфики отношений ключевых субъектов производственной деятельности сформировать концепцию оптимизации социально-трудовых отношений, опирающуюся на отечественный духовный опыт, учитывающую технологический уклад и императивы современной социально ориентированной экономики.

Задачи исследования: обосновать социально-трудовые отношения как культурный институт и пространство конфликтов; обобщить теоретические подходы исследования социально-трудовых конфликтов в организациях с позиции культурологического подхода; охарактеризовать проблемы становления социально-трудовых отношений постсоветской России; определить ключевые факторы расширения пространства социально-трудовых конфликтов в постсоветской России; раскрыть позитивное и негативное влияние на социально-трудовые отношения национально-культурной ментальности; охарактеризовать влияние либеральной доминанты модернизации на расширение кризисного спектра в структуре социально-трудовых отношений; исследовать характер институциональных преобразований социально-трудовых отношений на основе западного опыта реформ; определить корпоративную культуру как элемент социально-трудовых отношений и пространство солидарности работодателей и работников; обосновать методологию выстраивания социального партнерства государства, бизнеса и профсоюзов как ключевых институтов регулирования социально-трудовой сферы и минимизации

конфликтов; разработать адресную программу профилактики и разрешения социально-трудовых конфликтов в постсоветской России.

Предварительно была сформулирована гипотеза исследования, которая включала несколько положений.

1. Духовная сущность и культурная самобытность народа, специфика его ментального мира острее всего осознаются в кризисные для общества периоды его развития, изучение которых представляет особый интерес для понимания факторов и причин сегодняшнего кризиса и выработки условий его преодоления.

2. Базовым источником деформации социально-трудовых отношений постсоветской России является дисбаланс основных составляющих капиталистической модели хозяйствования: а) института частной собственности, неустойчивость которого связана с дисфункцией отечественного института права; б) рыночно-ценового механизма координации интересов и формирования договорных отношений между производителем и потребителем; в) «человеческого фактора» хозяйственной деятельности, легитимность которого определяется духовно-нравственной основой национальной культуры.

3. Основными факторами оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики конфликтов являются: а) востребованность и пропаганда социально-экономическими институтами мировоззренческих «моделей корпоративности» этапа «русской реформации» досоветского периода истории, а также элементов трудовой этики и конструктивных механизмов социально-трудовых отношений этапа форсированной модернизации советского периода; б) сохранение ведущей роли государства как главного субъекта социальной политики, гаранта социально-трудовых прав и организатора социального партнерства; в) создание социально ответственными силами общества политико-правового и духовного контекста, способного обеспечить социальную инфраструктуру модернизационных процессов; мобилизовать антропологические ресурсы, опирающиеся на человеческую энергию и энтузиазм, осмысленное и сознательное участие в общем деле национального спасения и развития. В качестве мировоззренческой основы социально-трудовых отношений следует рассматривать духовную самобытность и ментальные особенности русской цивилизации.

4. В основе выбора эффективных методов социального управления в условиях общественно-политической напряженности и политизации социально-экономических процессов лежит понимание генезиса и причин социально-трудовых конфликтов.

5. Рост конфликтного потенциала в сфере труда обусловлен низкой эффективностью институтов и механизмов, регулирующих социально-трудовые отношения в рамках либеральной парадигмы. Мировой опыт регулирования социально-трудовых отношений свидетельствует о кризисе классической либеральной доктрины, ограничивающей вмешательство государства в сферу отношений между трудом и капиталом.

6. Ключевым условием минимизации социально-трудовых конфликтов выступает взаимосогласованность подсистем общества, обеспечивающих в совокупности необходимые условия для нормального функционирования социального организма (Т. Парсонс).

Методологию исследования составили:

1) трактовка феномена социально-трудовых отношений как результата системного взаимодействия нескольких групп факторов: а) этоса национальной культуры, определяющего ее духовную доминанту, иерархию базовых ценностей и смыслообразующие жизненные сценарии; б) ментальности, концентрирующей душевные энергии и практики субъекта культуры, обеспечивающей целостность культуры и национальное своеобразие на протяжении исторически длительного времени; в) трудовой этики, выступающей ключевой формулой и основанием культурной и нравственной легитимности типа хозяйственной деятельности; г) экономической модели, краеугольными камнями которой являются: обеспечиваемая институтом права форма собственности, рынок и «человеческий фактор» трудовой активности; д) корпоративной культуры организации как ценностно-нормативной системы, разделяемой руководством и сотрудниками компаний, которая находит выражение как во внешних атрибутах (миссия, фирменный стиль, стандарты поведения персонала), так и внутренних нормах, фиксируемых корпоративной моралью;

2) понимание этоса культуры и ее ментальных матриц как «неформальных институтов», обеспечивающих легитимность власти и ее программ, формирующих солидарность человека, общества и государства, снижающих конфликтный потенциал участников социально-трудовых отношений;

3) востребованность с учетом специфики настоящего времени опыта «сензитивных» периодов русской истории, сформировавших «ресурсный банк» мобилизационной экономики.

Методы исследования: метод сравнительного анализа публикаций, позволяющий оценить возможности адаптации зарубежного опыта профилактики и разрешения социально-трудовых конфликтов

к российским условиям; культурологический анализ факторов и условий становления моделей социально-трудовых отношений как института профилактики конфликтов; метод аналитического проектирования позитивных и негативных сценариев развития социально-трудовых конфликтов.

Информационная база исследования:

1) результаты научно-мониторингового исследования «Социально-трудовые конфликты: мониторинг, анализ, типология», выполненного на базе Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов (научный руководитель Е. И. Макаров);

2) диссертационные исследования динамики организационной культуры и ее трансформаций в процессе глобализации, а также ценностных ориентиров корпоративной культуры в контексте национальной ментальности, выполненные в рамках научной школы «Культурология социально-трудовых отношений», действующей на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (Ю. Н. Митрофанова, А. Ю. Хабаров);

3) выборочные исследования гибкости рынка труда, проблем трудовых отношений и социальной защищенности работников (Центр исследования рынка труда Института экономики РАН);

4) монографии, диссертационные исследования, материалы российской и зарубежной периодической печати и интернет-изданий, в которых представлен анализ:

— проблем развития отечественной экономики переходного периода (Л. Абалкин, М. Воейков, Н. Волгин, В. Иноземцев, Е. Капустин, Д. Карпухин, А. Колганов, В. Костаков, Л. Костин, В. Куликов, Л. Никифоров, Ю. Павленко, С. Перегудов, Б. Ракитский, Н. Римащевская, А. Шевяков);

— тенденций трансформации российских социально-трудовых отношений (Л. Бородкин, И. Караваева, Б. Миронов, Р. Нуреев, А. Соколов, Н. Сычев);

— трудовой мотивации работников, их отношения к администрации, профсоюзам, забастовочному движению (Е. Авраимова, Е. Данилова, М. Кривицкий, Е. Маневич, Б. Маркус, В. Кабалина, Е. Козина, Б. Максимов, С. Прокопович, С. Солнцев, М. Сонин, С. Струмилин, В. Ядов);

— программ модернизации и технологий управления социально-трудовой сферой (Е. Антосенков, Е. Гонтмахер, А. Дадашев, Р. Иванова, Т. Малева, С. Смирнов, Т. Четвернина, Р. Яковлев);

— генезиса и динамики ценностных аспектов корпоративной культуры и основных подходов к ее формированию (Э. Шайн, К. Роджерс, Г. Лэндрет, В. Спивак, Е. Кузьмин, В. Шепель, Е. Руденский);

— социально-трудовых отношений как основы реализации «человеческого капитала», профилактики и разрешения конфликтов в сфере труда (включая исследование причин появления и механизмов функционирования социально-трудовых конфликтов, условий и технологий разрешения конфликтных ситуаций в организациях)¹.

Результаты исследования

1. Определены ресурсы и стратегии оптимизации социально-трудовых отношений постсоветской России и профилактики конфликтов.

¹ *Александрова Е. В.* Социально-трудовые конфликты: пути их разрешения. М., 1993 ; *Генкин Б. М.* Экономика и социология труда. 6-е изд. М., 2006 ; *Данакин Н. С. и др.* Конфликты и технология их преодоления. Белгород, 1996 ; *Дмитриев А. В. и др.* Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993. Ч. 1 : Юридическая конфликтология ; *Зайцев А. К.* Социально-трудовой конфликт — это норма // Социологические исследования. 1993. № 8 ; *Он же.* Социальный конфликт на предприятии. Калуга, 1993 ; *Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995 ; *Игнатова Т. В., Игнатов В. Г.* Экспертные оценки социальной политики и взаимодействия государства и бизнеса на юге России // Российское предпринимательство. 2012. № 12 (210) ; *Критский М. М.* Человеческий капитал. Л., 1991 ; *Кудрявцев В. Н.* Проблемы и перспективы российской конфликтологии // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1994. Вып. 7 ; Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов : материалы круглого стола // Социологические исследования. 1991. № 12 ; *Лукьянова А. Л.* Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М., 2010 ; *Марцинкевич В. И., Соболева И. В.* Экономика человека. М., 1995 ; *Некипелов А. Д.* Формирование института партнерства науки, образования и бизнеса в реализации курса государства на технологическое перевооружение // Управление бизнесом. 2008 ; *Нуреев Р. М.* Человеческий капитал и его развитие в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4 ; *Пригожин А. И.* Анатомия организационного конфликта // Организация: системы и люди. М., 1983 ; *Рофе А. И.* Экономика трудовых отношений: теоретический курс. М., 1993 ; *Рофе А. И., Збышко Б. Г., Ишин В. В.* Рынок труда, занятость населения, экономика ресурсов для труда. М., 1998 ; *Симкина Л. Г.* Человеческий капитал в инновационной экономике. СПб., 2000 ; Социальная политика : энцикл. / под ред. Н. А. Волгина. М., 2006 ; *Степанов Е. И.* Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. М., 1996 ; *Трунова Н. П.* Управление разрешением социально-экономических конфликтов в российских фирмах : дис. ... канд. социол. наук. М., 2000 ; *Чумиков А. Б.* Управление конфликтом. М., 1995 ; *Утинова С.* Изоморфный рынок труда в России. М., 2003 ; *Шаленко В. Н.* Конфликты в трудовых коллективах. М., 1992 ; *Щербина В. В. и др.* Современные концепции структурных изменений в организациях // Социологические исследования. 1996. № 1 ; Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1993. Вып. 4.

1.1. Консервативное мировоззрение как фактор минимизации антагонизма социально-трудовых отношений в постсоветской России.

1.2. Усиление роли государства как ключевого фактора профилактики и минимизации пространства социально-трудовых конфликтов.

1.3. Корректировка концепции права с учетом национально-культурной специфики.

1.4. Утверждение нормативной функции корпоративной культуры как элемента социально-трудовых отношений и пространства солидарности работодателей и работников.

1.5. Усиление смыслообразующей и консолидирующей роли духовно-нравственной составляющей в структуре социально-трудовых отношений.

1.6. Востребованность смыслообразующих матриц отечественной культуры как пространства солидарности и согласия субъектов социально-трудовых отношений.

2. Выработаны рекомендации, адресованные ключевым субъектам, участвующим в концептуализации и регулировании социально-трудовых отношений и профилактики конфликтов.

2.1. *Субъектам социально-трудовых отношений* адресована национально ориентированная концепция оптимизации социально-трудовых отношений:

а) учитывающая национально-культурную специфику и опирающаяся на фундаментальные культурные ценности и ментальные качества;

б) использующая европейский опыт последних десятилетий, включающий усиление гуманитарной составляющей труда, отработку гибких механизмов регулирования отношений, соответствующих динамизму рынка труда, специфике трудовой деятельности различных категорий работников;

в) поддерживающая конструктивный баланс интересов основных субъектов трудовых отношений и гарантирующая защиту социально-трудовых прав работников;

г) способствующая профилактике и разрешению трудовых конфликтов;

д) утверждающая ведущую роль государства как субъекта инвестиционной и социальной политики, гаранта социально-трудовых прав, организатора и координатора социального партнерства;

е) обеспечивающая активизацию антропокультурных ресурсов нации, необходимых для мобилизационного рывка в экономическом развитии.

2.2. *Органам государственной власти:*

2.2.1. Определены приоритеты государственной политики в области оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики социально-трудовых конфликтов:

а) корректировка концепции права с учетом национально-культурной специфики;

б) формирование общенациональной системы социально-экономических гарантий в сфере труда, законодательно регламентирующей нормы поведения бизнеса в отношении наемных работников и прописывающей меры по принуждению к их исполнению;

в) стимулирование инвестиционных стратегий развития рабочей силы методами стимулирования и механизмами институционального принуждения;

г) обеспечение эффективного использования человеческого капитала в целях инновационного экономического развития России путем разработки трудосберегающих национальных программ, сокращения стихийного рынка рабочей силы и усиления дифференцированных критериев миграционной политики, разработки антидемпингового законодательства, лишаящего работодателя возможности намеренно снижать заработную плату.

2.2.2. Сформулированы задачи государственного регулирования социально-трудовых отношений:

а) разработка социально-правовых механизмов, способствующих эффективной занятости населения, гарантирующих защиту человека труда;

б) обеспечение взаимного дополнения рыночных и государственных механизмов регулирования в соответствии с реальным многообразием форм собственности и занятости;

в) формирование общенациональной системы социально-трудовых гарантий и создание условий для реализации человеческого потенциала на основе гуманизации основных параметров трудовой деятельности;

г) утверждение практики справедливой оплаты труда; д) возвращение регуливающей роли налоговой системы; е) обеспечение финансовой стабильности экономики как приоритета трудовой политики государства.

2.3. *Работодателям, профсоюзам, корпоративным профессиональным сообществам:*

2.3.1. Сформулирована концепция корпоративной культуры бизнеса, которая на уровне отдельной организации:

- а) стимулирует социально ответственное поведение бизнеса;
- б) мотивирует сотрудников к участию в разработке и реализации социально ориентированных программ путем совершенствования институционального и социального уровня производственной организации, создания благоприятного социально-психологического климата, утверждения принципа справедливости, имеющего особое значение для российского менталитета;
- в) формирует корпоративную среду, репродуцирующую конструктивную трудовую мотивацию.

2.3.2. Определены принципы и технология проектирования программ регулирования социально-трудовых отношений и профилактики социально-трудовых конфликтов, обеспечивающие защиту социально-трудовых прав работников; продуктивное смещение акцента с разрешения трудовых конфликтов на их предупреждение; создание условий для реализации способностей, сохранения и выращивания человеческого капитала, обеспечивающего развитие и процветание страны.

2.3.3. Представлена модель института социального партнерства государства, бизнеса и профсоюзов (включая обоснование миссии, функций, компетенции и ответственности государства, бизнеса и профсоюзов) как организационной формы выражения и сохранения общественной солидарности и утверждения справедливости, формы консолидированного взаимодействия социальных сил и структур по решению жизненно важных проблем.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ И ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучение динамики и характеристика проблем формирования социально-трудовых отношений постсоветской России стали предметом целого ряда исследований¹. Существенный вклад в понимание специфики и определение условий оптимизации модели социально-трудовых отношений внесли исследования социально-трудовых отношений, проведенные на базе СПбГУП². *Результаты* исследования позволили охарактеризовать модели социального партнерства (по степени и механизмам участия властных и управленческих структур, взаимодействия профсоюзов с управленческими структурами и работодателями), определить критерии результативности используемых стратегий и технологий предупреждения и разрешения социально-трудовых конфликтов.

В основу настоящей работы была положена культурологическая методология анализа социально-трудовых отношений, которая предполагает:

- 1) исследование причин дисбаланса основных составляющих современной модели хозяйствования;
- 2) изучение базовых источников деформации социально-трудовых отношений постсоветской России;
- 3) трактовку духовной самобытности и ментальных особенностей русской цивилизации в качестве мировоззренческих основ социально-трудовых отношений постсоветской России;
- 4) характеристику «человеческого фактора» хозяйственной деятельности, легитимность которого определяется духовно-нравственной основой национальной культуры;

¹ В частности, исследованию социально-трудовых отношений как основы реализации «человеческого капитала», профилактики и разрешения конфликтов в сфере труда посвящены работы В. Белкина, С. Дятлова, А. Добрынина, М. Критского, Г. Клейнера, И. Ильинского, С. Егерева, В. Марцинкевич, Р. Нуреева, А. Некипелова, А. Татаркиной, И. Соболевой, М. Скорева и др.

² Культура социально-трудовых отношений в современной России / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2018. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 9). С. 98.

5) теоретическое осмысление негативных тенденций, усилившихся в структуре социально-трудовых отношений в ситуации спада производства в ключевых отраслях народного хозяйства, а также корректировку основных социально-культурных институтов, определяющих мотивационные стратегии бизнеса и менеджмента по отношению к работникам, соотношение в рамках корпоративной бизнес-культуры эгоистической или альтруистической мотивации.

1.1. СТРУКТУРА И МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Социально-трудовые отношения представляют собой совокупность регламентируемых правовыми нормами отношений, складывающихся между участниками производственной деятельности. Их назначение состоит в создании механизмов соблюдения социально-правовых гарантий участников трудового процесса в области оплаты и условий труда, социальной защиты и социального страхования, повышении трудовой активности, развитии предприимчивости и деловой инициативы¹. Социально-трудовые отношения определяют систему: а) механизмов и условий распределения результатов труда (уровни дифференциации заработной платы, налоги, связь оплаты труда с производительностью и т. п.); б) способов включения работника в трудовой процесс (естественно-патриархальный, принудительный, рыночный); в) совокупности институциональных структур представительства интересов работников и работодателей (социальное партнерство), обеспечивающих социальную стабильность в сфере трудовых отношений, а также человеческого фактора, опирающегося на национальные духовные традиции.

Социально-трудовые отношения формируются и функционируют под воздействием различных уровней, базовыми из которых являются:

1) национальный этос и ментальность, обеспечивающие: а) процесс передачи духовного опыта и традиций от поколения к поколению; б) сохранение национальной культуры как системной целостности, которая живет в «большом» историческом времени, самоидентичность и целостность социума; в) общественное согласие и консолидацию человеческих сообществ;

¹ Никулин Ю. И. Регулирование социально-трудовых отношений и направления его совершенствования : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Белгород, 2008.

2) трудовая этика как система моральных ценностей и норм, выражающих ключевые концепты, коды и смыслы национальной культуры и определяющих характер взаимоотношений людей в сфере трудовой деятельности. Трудовая этика фиксирует социально-экономический генотип общества, определяя парадигмы хозяйственной деятельности, трудовую мотивацию, характер управления и регулирования социально-экономических процессов;

3) технологический уклад (аграрный, индустриальный, постиндустриальный, или смешанный, тип экономики);

4) институты экономической и социальной политики, обеспечивающие регулирование социально-трудовой сферы, включая регулирование сферы труда в масштабах организации, корпоративную культуру¹.

Важное условие оптимизации социально-трудовых отношений — статус и возможности профсоюзов как основных акторов регулирования взаимодействий работодателя и работников. Российские профсоюзы предпринимают усилия, чтобы вернуть лидирующие позиции в защите прав трудящихся и восстановить институт партнерства государства, бизнеса и профсоюзов. К сожалению, исследования фиксируют слабую готовность профсоюзных лидеров к работе в условиях капиталистических отношений, недостаточно высокую квалификацию и профессиональную компетентность профсоюзного актива².

Значимым инструментом является институт социального партнерства, обеспечивающий правила регулирования социально-трудовых отношений и соблюдение интересов работников и работодателей, позволяющий добиться социальной стабильности в обществе. Результаты исследования показали, что оптимизация социально-трудовых отношений неразрывно связана с усилением роли социального партнерства в сфере трудовых отношений³. Наиболее успешными

¹ Доминирующее воздействие того или иного фактора получает обоснование в рамках определенных теоретических концепций: концепции «path dependence» — зависимости от традиций и стереотипов прошлого (ее частным случаем является концепция особого пути России — евразийство); концепции технологического детерминизма (техника определяет трудовые отношения); концепции авангардизма, в рамках которой источником новых социально-трудовых отношений, включая уровень и дифференциацию оплаты труда, выступает государство (см.: *Соболев Э. Н.* Регулирование социально-трудовых отношений в России: генезис, механизмы, направления трансформации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010).

² Культура социально-трудовых отношений в современной России. С. 195.

³ При этом наиболее результативно социальное партнерство в случаях невыплаты заработной платы и нарушения условий труда, что обусловлено исполнением законодательства РФ и работой надзорных органов.

являются модели социального партнерства с полным составом сторон (работник, работодатель, органы государственной власти и местного самоуправления) и других субъектов (профсоюзные организации, надзорные органы, органы социального партнерства) Решение этой проблемы требует не только системного подхода, совершенствования его правовых, организационных и экономических основ, но и соответствующего уровня развития общества¹.

В Трудовом кодексе РФ социальное партнерство определяется как «система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»². В концептуальном плане социальное партнерство представляет собой «систему взаимоотношений между работодателями, государственными органами и представителями наемных работников, опирающуюся на переговоры, поиск взаимоприемлемых решений в регулировании трудовых и иных социально-экономических отношений»³, условие и механизм достижения социальной и политической стабильности, позволяющие эффективно реализовать социально-экономический потенциал общества.

Органы социального партнерства представляют двусторонние и трехсторонние комиссии, регулирующие социально-трудовые отношения на соответствующем уровне. В сферу их компетенции входят проблемы не только трудовой сферы, но и социально-трудовых отношений: медицинское и социальное страхование, пенсионное обеспечение, защита малоимущих и безработных и т. д. Полномочия посто-

¹ Культура социально-трудовых отношений в современной России. С. 97.

² ТК РФ прописывает также принципы, согласно которым осуществляется социальное партнерство: «равноправие сторон; уважение и учет интересов сторон; заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях; содействие государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе; соблюдение сторонами и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; полномочность представителей сторон; свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда; добровольность принятия сторонами на себя обязательств; реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами; обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений; контроль за выполнением принятых коллективных договоров, соглашений; ответственность сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективных договоров, соглашений» (см.: Трудовой кодекс РФ. Ст. 23 // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256).

³ Эрус. 1992. № 3. С. 49.

янной Российской трехсторонней комиссии, определяющей характер социально-трудовых отношений в масштабах всей страны, связаны с ведением коллективных переговоров и разработкой генерального соглашения, нормотворческой деятельностью (участие в разработке нормативно-правовых актов, регламентирующих социально-трудовые отношения, а также вынесение на рассмотрение законопроектов, регламентирующих указанную сферу), консультативной и информационной деятельностью (консультирование федеральных органов государственной власти по вопросам социально-трудовых отношений и связанных с ними вопросов социально-экономической политики страны).

Ведущей формой социального партнерства является разработка коллективного договора — действенной правовой формы участия трудящихся в управлении производством и регулировании трудовых отношений, эффективного инструмента улучшения хозяйственной деятельности предприятия, условий труда, материального и культурно-бытового положения трудящихся¹. Коллективный договор — это «соглашение, заключенное профсоюзом от имени коллектива рабочих и служащих с администрацией предприятия, организации, производственного объединения (комбината, фирмы), о нормативных условиях по вопросам труда и заработной платы, разрабатываемых для соответствующего предприятия в пределах установленных прав и в соответствии с действующим законодательством. В нем определяются взаимные обязательства администрации и коллектива рабочих и служащих или администрации и профсоюза по вопросам выполнения и перевыполнения производственных планов, совершенствования организации производства и труда, развития социалистического соревнования, вовлечения рабочих и служащих в управление производством, осуществление планов социального развития коллективов и многим другим вопросам»². Коллективный договор обеспечивает более высокий уровень гарантий по сравнению с трудовым законодательством путем количественного расширения уровня и перечня гарантий, расширения круга работников, имеющих доступ к гарантиям, и т. д.³

¹ Тищенко А. И. Коллективный договор на современном этапе // Проблемы трудового права. М., 1968. С. 139.

² Шебанова А. И. Коллективный договор сегодня // Социалистический труд. 1983. № 5. С. 52.

³ Причинами расторжения коллективного договора в соответствии со ст. 43 Трудового кодекса РФ могут быть истечение срока действия, реорганизация, смена собственника, ликвидация организации.

Стратегии развития социально-трудовых отношений формируются с учетом национальных традиций, опираются на трудовую этику и исторически устойчивые институты. В рамках отечественной истории динамику социально-трудовых отношений можно представить в виде смены различных моделей: трудовая этика старообрядчества; форсированное догоняющее развитие по европейским лекалам конца XIX — начала XX века; советская модель, представляющая собой симбиоз традиционных и новаторских форм регулирования; постсоветская модель, обнажившая проблемы и противоречия предыдущих периодов. Однако фактор преемственности не исключает определенной свободы выбора, которая возрастает в переломные моменты исторического развития — так называемые точки бифуркации.

В структуре отношений наибольшей инерционностью обладают базовые уровни, корни которых уходят в национальный этос и выстраиваются на ментальных матрицах, определяющих характер трудовой этики и содержание всех последующих уровней, рассогласование которых ведет к дисбалансу и усилению нестабильности в социально-трудовых отношениях. В частности, проблематичный характер трансформационных процессов в эпоху модернизации конца XIX — начала XX века (внедрение фабричной организации труда, Столыпинские реформы и последующий постреволюционный «откат» в форме «военного коммунизма») был обусловлен «сопротивлением» национальных традиций и ментальных матриц.

В рамках доминирующей — рыночной, капиталистической — парадигмы действует несколько моделей регулирования социально-трудовых отношений, специфику которых обеспечивает культурная база и в значительной мере религиозные традиции.

Европейская модель выстраивает высокие институциональные барьеры для увольнения работника, опирается на широкое участие государства и профсоюзов в регулировании оплаты труда, обеспечивает нормативное регулирование тарифных соглашений всех уровней, что существенно ограничивает свободу предпринимателей, обеспечивая более низкую дифференциацию в оплате труда в сравнении с американской моделью. Значимым достижением западного рабочего движения стала политика поддержки умеренных профсоюзов, что нашло отражение в существенном расширении профсоюзных прав рабочих, усилении государственного регулирования социально-трудовых отношений, которое в известной степени нивелировало преимущество работодателя на рынке труда.

Понимая опасность недооценки социальных проблем, правящие элиты индустриальных стран своевременно пришли к необходимости более активного вмешательства в социально-трудовую сферу. С одной стороны, усиление государственного регулирования социально-трудовых отношений нивелирует преимущество работодателя на рынке труда. С другой — усиливается стратегия поддержки профсоюзов со стороны государства, что нашло отражение в расширении прав профсоюзов и рабочих.

В итоге складывается система государственного регулирования, которая фиксирует: государственные гарантии по воспроизводству работника; гарантированную минимальную заработную плату на основе разработки прожиточного минимума и его разновидностей; налоговое регулирование доходов; порядок индексации заработной платы в случае инфляции; закрепление прав и обязанностей субъектов трудовых отношений при найме и увольнении работников; страхование работников на случай потери работы и достижения пенсионного возраста; регламентирование продолжительности времени работы и отдыха, норм безопасности труда и предупреждения профессионального риска, а также ответственности работодателя за причиненный работнику вред вследствие производственной травмы, профессионального заболевания и иного повреждения здоровья на производстве¹.

Либеральная модель, в наибольшей степени характерная для США², включает вопросы занятости и оплаты труда в компетенцию работодателя и работника, которые согласуют свои интересы в форме индивидуальных контрактов; ограничивает права профсоюзов; выводит институт социального партнерства из зоны действия национально-культурной специфики. В рамках либеральной классической доктрины государство не должно вмешиваться в сферу отношений между трудом и капиталом. Нежелание работодателей и профсоюзов идти на взаимные уступки способствовало переходу отдельных трудовых конфликтов в массовую конфронтацию, которая играла большую роль в дестабилизации общества. Это заставило правящие элиты индустриальных стран более адекватно оценить значимость социальных проблем и выработать политику более активного вмешательства

¹ *Соболев Э. Н.* Указ. соч.

² Однако и в США действуют механизмы защиты интересов работника, обеспечивающие минимум заработной платы, политику закрепления и подготовки высококвалифицированной рабочей силы.

в социально-трудовую сферу¹. Ядром либеральной парадигмы социально-трудовых отношений становится развиваемая теоретиками постиндустриального капитализма идеология «корпоративной социальной ответственности» (corporate social responsibility) (М. Фридман, П. Ардженти и др.), декларирующей в качестве основного условия «умного бизнеса» (smart business) непрерывный профессиональный и общекультурный рост сотрудников².

При всех различиях между моделями обнаруживаются общие принципы регулирования социально-трудовых отношений, сформировавшиеся на европейском пространстве в начале 1950-х годов и составляющие методологическую основу цивилизованного регулирования³: сочетание рыночных и институциональных рычагов регулирования; запрет принудительного труда; система коллективно-договорного регулирования, включающая трудовой договор как основную форму найма на работу; общенациональная система базовых правовых и социально-экономических гарантий в сфере труда (минимальная зарплата, продолжительность рабочего дня, оплачиваемого отпуска, оплата сверхурочных, определенные гарантии занятости и т. д.); многосубъектный характер регулирования (государство, бизнес, профсоюзы) и формирование институциональных механизмов, обеспечивающих взаимодействие этих субъектов, активную роль профсоюзов и предпринимательских союзов; смещение акцента с разрешения трудовых конфликтов на их предупреждение или, по крайней мере, блокирование на ранней стадии; развитие участия наемного персонала в управлении⁴.

В настоящее время в России сложилась целостная система социально-трудовых отношений, включающая:

¹ Альтернативой либеральной концепции социально-трудовых отношений можно считать японскую модель, в которой господствуют патерналистские отношения работодателей и работников, действует пожизненный найм и зависимость оплаты труда и должностного оклада от стажа. Трудовая этика и законы бизнеса стимулируют политику подготовки высококвалифицированной рабочей силы, программы закрепления кадров и стимулирования длительного стажа работы (чему способствует повышение зарплаты за выслугу лет, предоставление социальных выплат и льгот, в том числе дополнительные пенсии, медицинское страхование за счет предприятий, дополнительное страхование на случай безработицы и др. (см.: *Соболев Э. Н.* Указ. соч.).

² *Митрофанова Ю. Н.* Ценностные ориентиры корпоративной культуры в контексте национальной ментальности : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2013.

³ Эти принципы в значительной степени стали результатом усилий профсоюзов, утверждения в рамках национальных систем конвенций и рекомендаций Международной организации труда (МОТ).

⁴ См.: *Соболев Э. Н.* Указ. соч.

1) генеральное соглашение, которое заключается полномочными представителями общероссийских объединений профсоюзов, общероссийских объединений работодателей и Правительства РФ на основании Трудового кодекса РФ и устанавливает общие принципы регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений на федеральном уровне и совместные действия сторон по их реализации;

2) межрегиональные соглашения, которые устанавливают общие принципы регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений на уровне двух и более субъектов Российской Федерации;

3) региональные соглашения, определяющие общие принципы регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений на уровне субъекта Российской Федерации;

4) территориальные соглашения, которые устанавливают общие условия труда, гарантии, компенсации и льготы работникам на территории муниципального образования;

5) отраслевые (межотраслевые) соглашения, определяющие общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли (отраслей); могут заключаться на федеральном, межрегиональном, региональном, территориальном уровнях социального партнерства¹.

В нормативно-правовом плане социально-трудовые отношения регулируются Трудовым кодексом РФ от 30 декабря 2001 года (Федеральный закон РФ № 197-ФЗ, в ред. от 03.07.2016, с изм. и доп. от 03.10.2016); Федеральным законом РФ от 1 мая 1999 года № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений»; Федеральным законом от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Отечественная модель социально-трудовых отношений корректировалась с учетом фундаментальных сдвигов в экономике на фоне перехода общества в постиндустриальную стадию развития в соответствии с перестройкой структуры занятости, изменением системы мотивационных механизмов, углублением глобализационных процессов. Особую роль сыграли международные трудовые стандарты, закрепленные в актах ООН, МОТ, Совета Европы, Европейского союза.

Субъектами социально-трудовых отношений в современной России являются работник, работодатель и государство, которое, с одной

¹ Культура социально-трудовых отношений в современной России. С. 29.

стороны, предстает в роли работодателя, с другой — обеспечивает институционализацию и корректировку отношений работников и работодателей, проводит социальную политику, выступает советчиком, судьей и денонсатором договоренностей¹.

Ключевой субъект социально-трудовых отношений в России — профсоюзы, которые по мере развития гражданского общества принимают все более активное участие в создании «человеческого капитала», профилактике и разрешении социально-трудовых конфликтов, развитии производственной демократии, формировании трудовой этики и ее распространении в обществе, реализации концепции социального государства, борьбе с новыми формами эксплуатации². Полномочия профсоюзной организации как ключевого субъекта и гаранта социально-трудовых отношений закреплены Федеральным законом РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». В частности, в нем говорится, что профсоюзы имеют право на защиту законных прав и интересов работников по вопросам регулирования социально-трудовых отношений. Защита интересов работников происходит как в индивидуальных, так и в коллективных трудовых спорах. При этом профсоюзы защищают работников вне зависимости от их членства в профессиональной организации. В случае отсутствия профсоюзов или при нежелании со стороны работников их представительства трудовой коллектив имеет право назначить иную организацию, уполномоченную представлять их интересы. Такой организацией может выступить другой профсоюз, частное лицо или досуговое объединение при клубе предприятия³.

Основные функции института профсоюзов связаны, во-первых, с формированием и стимулированием общественных практик (разрешение социально-трудовых конфликтов, социальное партнерство, коллективные переговоры, акции протеста, организация членства и участия в профсоюзах, международные профсоюзные связи); во-вторых, с регулированием социально-трудовых отношений, создаваемых на паритетной основе, с привлечением всех участников социального партнерства; в-третьих, с защитой трудящихся (в том числе правовой) и представлением интересов трудящихся (в том числе посредством юридически определенного права профсоюзов представлять работников в процессе переговоров с целью заключения коллек-

¹ Культура социально-трудовых отношений в современной России. С. 27.

² Гражданское общество и профсоюзы : сб. материалов. М., 2006. С. 34.

³ О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности : федер. закон Рос. Федерации от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

тивных договоров и соглашений, а также на всех уровнях социального партнерства); в-четвертых, с обеспечением контроля за соблюдением трудового законодательства. Профсоюзы ответственны за снижение уровня социальной напряженности, уменьшение эксплуатации трудящихся, улучшение условий труда, институционализацию и урегулирование ряда социальных конфликтов. Большой заслугой профсоюзов является развитие демократических принципов в сфере социально-трудовых отношений, очеловечивание взаимоотношений между работниками и работодателями, улучшение бытовых условий жизни трудящихся и рост их благосостояния¹.

Важнейшие функции в системе социального партнерства выполняют коллективные договоры и соглашения, на основе которых реализуется потенциал договорного регулирования трудовых отношений, в частности происходит:

- конкретизация норм права, которые содержатся в законах и нормативных актах, в том числе в отраслевых соглашениях любого уровня (эта функция позволяет уточнить и воплотить нормы, которые подчас носят рамочный или рекомендательный характер);

- повышение уровня и расширение трудовых прав и гарантий для работников (данная функция создает условия для назначения дополнительных гарантий и льгот для работников по сравнению с теми, что установлены законами, иными нормативными правовыми актами);

- восполнение пробелов в праве, которые либо содержатся в нем изначально, либо возникают в процессе развития социально-трудовых отношений;

- первичное правовое регулирование социально-трудовых отношений на локальном уровне;

- реализация образовательно-просветительной функции в процессе подготовки коллективного договора, переговоров по его заключению, контроля над исполнением, что способствует формированию правовой культуры профсоюзных работников, актива и членов трудового коллектива и в итоге положительно сказывается на регулировании коллективно-договорных отношений на локальном уровне.

«Реализация этих функций является условием эффективности коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, а мера реализации указанных функций может выступать в качестве критерия

¹ Культура социально-трудовых отношений в современной России. С. 176.

эффективности коллективно-договорных отношений на уровне предприятия. Однако в практическом плане эти функции нуждаются в де-таллизации и переводе в формат практических действий»¹.

1.2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Зарождение капитализма предполагает, во-первых, понимание человека как рабочей силы, уровень которой определяется производительностью; во-вторых, представление о процессе организации трудовой деятельности как механизированном распределении функций; в-третьих, религиозное оправдание первых двух элементов системной моральных норм, способной обосновать данный тип общественных отношений как единственно правильный и оправданный в глазах Бога².

Эти задачи решила протестантская мораль, основы которой были заложены во времена Реформации. Источником духа капитализма становится религиозная по своей сути протестантская этика, превратившая «делового человека» (человека, делающего деньги) в существо, угодное Богу, в носителя христианской нравственности и морали (М. Вебер). Стержень «нового смысла» человеческого бытия и истории составила новая концепция избранных — «блаженные» становятся богатые, успешные в мирской деятельности, активные и трудолюбивые, преобразующие природу и творящие мир. Протестантизм трактует призвание как предопределенное божественным порядком предназначение человека к выполнению определенных обязанностей, следование голосу Бога в душе верующего — категоричному и требующему абсолютного подчинения. В этом контексте свобода человеческой воли трактуется как производная от жесткой предопределенности. «Человек обладает свободной волей, но не потому, что у него есть свобода выбора между добром и злом, а потому, что он поступает по своей воле, а не по принуждению. <...> Вне присутствия Божьего Духа воля человека не свободна <...> Свободная воля — плен-

¹ Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2018. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 11). С. 60.

² Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 70.

ница и не в состоянии делать добро... Она не станет свободной, пока не освободит ее милость Бога...»¹.

Начиная с эпохи Возрождения, европейская культура делает очевидный поворот в сторону языческой антропологии, утверждая в качестве жизненных приоритетов силу, власть, богатство, наслаждение, автономию, успех.

Культурная революция эпохи Реформации расчистила поле для безудержной активности человека, который стал стремиться доказывать свою избранность все новыми и новыми успехами в земных делах. В центр человеческой жизни Реформация ставит труд, религиозно освящает его и видит в нем путь духовного спасения. Труд становится «абсолютной самоцелью», «призванием». Смыслоориентирующая формула капиталистической модели жизнеустройства убедительна и проста: «работа — религиозное служение; богатство — критерий богоизбранности». Религиозная ценность труда совпадает в глазах протестанта с его экономической эффективностью, со способностью приносить прибыль, измеряемую в денежных единицах. Время, в течение которого делаются деньги, становится для человека главным временем его жизни². Уже в середине XVII века индустриально организованное капиталистическое производство становится самоочевидной данностью и вытесняет индивидуальных ремесленников, вынужденных продавать свой труд купцам, которые «заставляют бедных людей продавать им свой труд по цене, которая устанавливается ими же, купцами, так что обычно эти бедные люди могли бы получать лучшее содержание при помощи работы в работном доме в Бранднеймле, чем посредством прядения, ткачества и других подобных работ, выполняемых ими; единственное, чем они могут себе немного помочь, — это своей небрежной работой, к стыду для наших мануфактур»³. Ключевым институтом капиталистической модели экономики становится рынок — совокупность технологий и форм

¹ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1997. Т. 1, кн. I–II. С. 203, 260.

² «Помни, что время — деньги», — цитирует М. Вебер слова Бенджамина Франклина, поясняя при этом: «Приобретение денег — при условии, что оно достигается законным путем, — является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему призванию, а эта деловитость, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина» (см.: Вебер М. Указ. соч. С. 76). Пуританский тезис, который цитирует Вебер в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма», производит культурную легитимацию стяжательства: «Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и... стремились к богатству» (URL: http://благовестсама.рф/-public_page_8622).

³ Гоббс Т. Избранные произведения. М.: Мысль, 1978.

взаимодействия производителя и потребителя; воплощение процессов добровольного обмена; система связи взаимодействующих индивидов, преследующих свои интересы и действующих в соответствии с поставленными целями.

Новый смысл бытия становится основой и источником человеческой энергии и активности, сотворивших западную цивилизацию. На утверждение новых «заповедей блаженств» в качестве цивилизационной основы «европейского дома» ушло около трех веков: XVI век был потрачен на мировоззренческую революцию, в XVII веке созревшая система ценностей породила промышленную революцию, а XVIII век завершается становлением капитализма как Цивилизации.

Логика развития капитализма — выход из христианской антропологии и реабилитация человеческих пороков. Осуществив корректировку этического идеала христианства, Реформация произвела сущностную модификацию экзистенциального ядра христианской антропологии. По сути, Реформация заложила основание для «ценностной инверсии» худшего из пороков — алчности, поставив эту страсть во главу угла общественного бытия и в основу смысла человеческой жизни. Кальвинизм становится религиозной доктриной, оправдывающей ростовщический капитал и делающий морально легитимным трудовое закабаление человека, и эти принципы определили мотивацию и энергию зарождающейся буржуазии эпохи первоначального накопления капитала с ее безудержной эксплуатацией рабочих на европейском пространстве и рабского труда в колониях. Повиновение хозяину и добросовестная работа на него становятся в проповедях кальвинистских священников «долгом, указанным Богом»¹.

Апологеты капитализма, такие как американский экономист Л. М. Хэкер, видели в его критике «вопиющую клевету». Отстаивая гуманность капитализма, Хэкер писал: «По меньшей мере в трех пунктах это обвинение абсолютно необоснованно. Ведь именно в XIX веке впервые появилось такое явление, как государственная политика в области здравоохранения и образования. Выпуск дешевой продукции в XIX веке сделал возможным значительный рост реальной заработной платы в странах с индустриальной экономикой. Масштабное движение капитала в XIX веке открыло внутренние районы отсталых стран для производства и развития»².

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 6. С. 870–871.

² Хэкер Л. М. Об антикапиталистическом уклоне американских историков // Хайек Ф. Капитализм и истории. Челябинск, 2012. С. 74

Однако капиталистическая модель и в пространстве западной цивилизации не является единственно возможной. Во все века она отторгается определенной частью европейского общества. Например, в начале XIX века французские рабочие в протестных формах выступали против атомизации общества, культа индивидуализма, личной выгоды и стяжательства, который утверждает капиталистическая мораль. И даже в начале XX века в аграрных и католических районах Германии ускоренная индустриальная модернизация сопровождалась взаимоотчуждением и утратой смысла происходящего. «Платой за необычайные технические достижения становится возрастающее неприязненное чувство не-культуры; платой за блага цивилизации... — чувство бессмысленности. Вздвываются ввысь величайшие предприятия, но в полутени остается вопрос: а зачем все это вообще и какое мне до этого дело?»¹ Распространение индустриального капитализма в странах, где доминировал протестантизм, сопровождается социальной депривацией значительных групп населения, разрушением традиционных форм коллективного общежития, вытеснением религии, утрачивающей свои регулятивные функции. В частности, католическая Испания так и не смогла пережить полноценной индустриализации. Основным препятствием стал духовный фактор — господство коллективистской морали, которую активно проповедовал католицизм и в рамках которой частная собственность и личная инициатива рассматривались как бессмысленные и постыдные. Эта установка не изменилась даже после веков колониального могущества, когда Испания владела гигантскими территориями в Америке. Она могла существовать за счет сырьевой ренты и поставок золота в другие страны Европы — приток ценных металлов делал ненужными любые формы общественной и экономической модернизации².

Во второй половине XIX — начале XX века реакцией на системную капитализацию жизни в индустриально развитых странах Европы становится, с одной стороны, растущее социальное отчуждение, с другой — коллективная самоорганизация в протестных формах и возникновение политических идеологий, анархизма и коммунизма, проповедовавших возврат к традиционным формам общежития (в коллективной жизнедеятельности, определяющей необходимость

¹ *Слотердайт П.* Критика цинического разума. М. : АСТ ; Екатеринбург : У-Фактория, 2009. С. 578.

² *Pérez-Sánchez G.* Queer transitions in contemporary Spanish culture. N. Y. : State University, 2007. P. 17–20.

производства материальных благ и их распределения по формуле «От каждого по способностям, каждому — по потребностям»). Появляется ряд социальных и культурных институтов, отражающих утраченное чувство коллективной солидарности, общей ответственности за справедливое развитие человека, включая систему социального страхования, пропорциональное налогообложение, смягчение законов об авторском праве и т. п.¹

Центром современного неолиберального капитализма (и общества) становится человек потребляющий, для которого смысл и цель жизни — максимально возможное наращивание уровня потребления. Абсурд «капиталистического спектакля жизни» состоит в том, что публично «провозглашается видимое единство, однако классовое разделение никуда не исчезает — да и как оно может исчезнуть, когда на нем основывается капиталистический способ производства! То, что обязывает трудящихся участвовать в построении мира, также и отчуждает их от этого мира. То, что связывает людей независимо от их локальных и национальных различий, одновременно и отдаляет их друг от друга. То, что призывает к торжеству рационального, на деле содействует иррациональной иерархической эксплуатации и подавлению. То, на чем основывается власть в обществе, обуславливает и его конкретную несвободу»². В этом контексте пустым и циничным выглядит дискурс политической и экономической элиты о социальной справедливости и социальном характере западных государств. Реальность с годами становится все хуже: если в предыдущие десятилетия организованные усилия профсоюзов вынуждали работодателей идти на уступки, то сегодня рабочее движение уже не в состоянии оказывать подобное давление. Неравенство между богатыми и бедными в последние годы углубляется, реальные зарплаты сократились или, по крайней мере, не растут (это характерно для Японии, юга еврозоны, США, Британии). Вновь сложилась теневая банковская система, и сегодня она еще обширнее, чем в 2008 году. В результате 1 % самых богатых становятся еще богаче³. Так, исследование, проведенное международной организацией «Oxfam», показывает, что во-

¹ *Mauss M.* The gift. The form and reason for exchange in archaic societies. L. ; N. Y. : Routledge, 2007. P. 83–91. См. также: *Стародумов А. А.* Символический обмен как феномен современной массовой культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 22.

² *Дебор Г. Э.* Общество спектакля. URL: https://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html.

³ Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше? URL: <http://left.by/archives/6825>.

семь самых богатых людей планеты обладают бóльшим богатством, чем половина человечества¹. В системе экономических отношений, ориентированной на максимизацию прибыли, человек представляет собой товар, у которого есть цена и стоимость. Эти простые истины становятся элементами интеллектуальных конструкций, авторы которых получают высшее признание в современном мире. В частности, американский экономист Гэри Беккер (один из столпов неолиберализма) получил Нобелевскую премию 1992 года за применение теории микроэкономического анализа к различным аспектам поведения человека, в рамках которой все сферы его жизнедеятельности, включая создание семьи, воспитание детей, получение образования, сведены к выгоде (преимущественно материальной), которую человек получает в результате выбора предпочтительного варианта². В рамках этой модели вступление в брак и создание семьи представляет собой учреждение своего рода партнерской фирмы, которая позволяет партнерам вместе больше производить и потреблять товаров и услуг, чем поодиночке. Решение завести ребенка автор рассматривает как вид инвестиций, а дети для него являются «благами длительного пользования». Таким образом, мировоззренческим ядром капитализма является максимизация прибыли, а в метафизическом основании жизнедеятельности современного западного общества лежит принцип максимизации благосостояния и удовлетворенности жизнью.

Мировоззренческая матрица русской цивилизации находится на противоположном конце шкалы координат. Ее аксиологические доминанты утверждают социальную справедливость как важнейший принцип отечественного этоса, критерий и условие общественной солидарности; универсализм и надэтническую идентичность;

¹ См.: Максимизация прибыли как метафизика капитализма. URL: <http://rossaprimavera.ru/essay/maksimizaciya-pribyli-kak-metafizika-kapitalizma>.

² Суть своей концепции Беккер определил как «экономический подход к социальным вопросам», в основе которого лежит идея рациональности человеческого поведения. Плодотворность своей концепции он продемонстрировал на примере анализа принципиально внерыночных форм деятельности — дискриминации, образования, политики, преступности, брака, планирования семьи, а также использовал для объяснения иррационального и альтруистического поведения. Надо отдать должное западной общественности — теоретические новации Беккера не были приняты педагогическим сообществом, которое увидело в них попытку девальвации культурной ценности образования, низведения человека до уровня машины. Непонимание вызвал также «экономический подход» к человеческому поведению, в частности предметом резкой критики со стороны демографов и экономистов стал «Трактат о семье» (см.: *Кателюшиников Р. И.* Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию : послесл. // Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории : пер. с англ. / предисл. М. И. Левина. М. : ГУ — ВШЭ, 2003).

пассионарный пафос служения и стремление к общечеловеческому единству. Глубинная оппозиция русской культуры и западной цивилизации очевидна: культура утверждает духовность, исповедует социальность и соборность; цивилизация агрессивна, индивидуалистична и самодостаточна; в культуре действуют моральные регуляторы, в цивилизации доминирует сила и внешние формы принуждения¹.

Смена рыночной парадигмы в ближайшей перспективе будет определяться усилением манипулятивных и деструктивных по отношению к личности технологий, провоцирующих протестные движения. Эта тенденция обусловлена кризисом капиталистической модели экономики и соответствующей парадигмы бытия человека и общества. Капитализм в его классическом варианте доживает последние дни². Кризис усиливается глобальной геополитической конкуренцией Запада и Востока, в которой стратегическим направлением являются информационные войны. Ключевая причина обострения геополитической конкуренции — исчерпанность европейского цивилизационного проекта и глобальное доминирование мусульманской и азиатской цивилизационных матриц³. Кризис капитализма и дезинтеграция социальной составляющей мировой финансово-экономической си-

¹ В контексте этих событий становится понятной формула Шпенглера: западная цивилизация образовалась на «кладбище культуры» — на обломках и развалинах ее духовных основ, формировавшихся в лоне христианства.

² «Кризис 2008 года снизил на 13 % общемировое производство и на 20 % глобальную торговлю. Глобальный рост стал отрицательным — а ведь рост меньше 3 % в год и так считается рецессией. На Западе возникла депрессия более долгая, чем в 1929–1933 годах, и даже сегодня масса экономистов тревожится по поводу возможной долгосрочной стагнации. Пока из решений предлагаются жесткая экономия плюс избыток денежных средств. Но это не работает. В наиболее пострадавших странах разрушена пенсионная система, пенсионный возраст поднимается до 70 лет, а образование приватизируется настолько, что выпускников ждет перспектива пожизненного долга. Услуги разваливаются, инфраструктурные проекты останавливаются. <...> Между тем в отсутствие альтернативной модели складываются условия для нового кризиса. <...> Неoliberalизм превратился в систему, запрограммированную на постоянные катастрофические провалы. Сломалась 200-летняя схема промышленного капитализма» (Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?).

³ В одном из номеров американского журнала «The Atlantic» («Атлантический океан») опубликована статья управляющего директора «Thomson Reuters» Христи Фриланд «Дезинтеграция мира» («The Disintegration of the World»), где автор представляет анализ глобальных изменений в системе общественных настроений, выразителем которых является средний класс. В статье приводятся следующие данные. Если в 2009 году доля среднего класса составляла: в Северной Америке — 18 %, в Центральной и Южной Америке — 10 %, в Европе — 36 %, в Азии — 28 %, то к 2030 году этот показатель достигнет 7, 6, 14 и 66 % соответственно. С перемещением глобального среднего класса в Азию мировой центр приобретет «незападные» черты. Следовательно, в общественном сознании среднего класса как представителя современного общества с вы-

стемы, ввергающие западные экономики в затяжную стагнацию¹, проявляются в исчерпанности его краеугольных камней — института рынка и частной собственности, а также «человеческого фактора», энергию которого питала идея максимизации прибыли. «Главное противоречие сегодня — это между возможностью бесплатного изобилия товаров и информации и системой монополий, банков и правительств, которые стремятся к закрытости, дефициту и коммерциализации. Все сводится к борьбе между сетью и иерархией, между старыми формами общественной жизни, основанными на капитализме, и новыми формами, которые предопределяют, что будет дальше»². В контексте происходящих изменений гуманитарии все громче говорят о том, что основой выживания нации в духовном плане являются сохранение ее культурной самобытности, возрождение и реконструкция ключевых ценностей отечественной культуры.

1.3. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Российская модель социально-трудовых отношений переживает трансформационный кризис с начала 1990-х годов. Социально-экономическая формация, сложившаяся в СССР, разрушена, а новая построена, очевидно, крайне неудачно. Существующие рыночные механизмы неэффективны, традиционные стереотипы трудового поведения деформированы, в стране усилилось социально-экономическое неравенство. Налицо нарушение социальных прав трудящихся, обострение социальной отчужденности и снижение престижа производительного и добросовестного труда. Среди четко фиксируемых проявлений кризиса можно выделить: функционирование огромного сектора неформальных трудовых отношений, препятствующего формированию социально ориентированной экономики; непрозрачность хозяйственной деятельности; коррупцию контролирующих органов; слабость системы правоприменения, правовой нигилизмом

сокой социальной устойчивостью и мобильностью модель мира неуклонно изменяется с западного на восточный.

¹ «У капиталистического Постзапада нет времени. „Портрет Дориана Грея“ стремительно разьежжается, и на месте образа бравого мужчины во цвете лет проступает что-то среднее между суперстарческим лицом столетнего Рокфеллера, физиономиями с полотен Босха или Грюневальда и безжалостно-холодной мордой рептилии» (см.: *Фурсов А.* Воля побеждать. URL: <https://izborsk-club.ru/14651>).

² Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?

населения¹. Массив данных, накопленных Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов в ходе мониторинга социально-трудовых конфликтов в последнее десятилетие, «заставляет не только по-новому взглянуть на сами социально-трудовые конфликты, их формы и содержание, но и поставить вопрос о роли и месте социально-трудовых отношений в современной социальной, экономической и политической повестке дня»². Характерно, что только в 2016 году зарегистрировано 186 социально-трудовых конфликтов (в 2014 г. — 140, в 2015 г. — 161 СТК)³. В 63 % случаев конфликты протекали в наиболее острой и разрушительной форме — забастовки. В 25 % завершенных конфликтов решение трудовых споров было найдено под угрозой забастовки.

Кризис социально-трудовых отношений советского периода завершился болезненным реформированием 1990-х, который усилил остроту противоречий между разными уровнями социально-трудовых отношений, прежде всего между национальными традициями и духовным опытом народа, определяющими характер трудовой этики, с одной стороны, и институтами регулирования социально-трудовой сферы и осуществления социальной политики организации — с другой. На развалинах советской идеологии в постсоветской России активно возрождается западническая доминанта в ее либерально-демократической форме, которая последовательно отторгалась национальной историей на предыдущих этапах. Модель социально-трудовых отношений постсоветского периода строилась на изменении форм и принципов социальной организации трудового процесса на фоне частичной ратификации нормативных документов МОТ. Отличие российской модели при внешнем копировании опыта стран с развитой экономикой состояло в отсутствии полноценного экономически и институционально сформированного рынка труда, зависимости от государства организационных институтов наемной рабочей силы и предпринимательства.

¹ См.: *Запесоцкий А. С.* Трудовая этика в системе трансформаций постсоветской России // *Контуры будущего в контексте мирового культурного развития* : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 82.

² *Макаров Е. И.* Социально-трудовые отношения и ценность «человека труда» в контексте российских перемен // *Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации* : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 126.

³ Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2017. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 1). С. 145.

Видимая легкость в смене ориентации с «коммунизма» на «капитализм» во многом объясняется все теми же особенностями российской ментальности — ее ценностной инверсированностью, утопичностью, обращенностью в идеальное будущее. Теперь уже рыночная экономика, правовое государство и демократическое общество обретают образ «заветной цели», к которой надо стремиться и ради которой можно терпеть лишения. Однако содержание этой цели искажено отражением идеалов и ценностей российской культуры. «Прочно утвердившиеся у власти западнические элиты» значительно эволюционировали: «либерал-демократические идеи постепенно стали уступать место западническому консерватизму... прямая русофобия младореформаторов на глазах уступает место „просвещенному консерватизму“ и „умеренному европеизму“»¹.

«Капитализация» социально-трудовых отношений 1990-х годов в России носила откровенно шокирующий характер, противореча базовым ценностям и традициям отечественной культуры. С начала 1990-х годов насильственные изменения форм социальной организации трудового процесса, отношений собственности, организационных структур управления трудом и характера распределения его результатов осуществлялись без учета культурной специфики. Навязывание населению пассивно-потребительной идеологии в ущерб ценностям производительного труда стало причиной деформаций социальной структуры общества, а оглушительные перемены в системе самоуправления служили, по мнению многих, прикрытием очередного передела собственности. Между тем известно, что высокий по мировым стандартам разрыв в заработках руководителей производства и наименее оплачиваемых работников существенно ослабляет мотивацию к эффективному труду, снижает производительность и экономический рост (Э. Н. Соболев). Низкая эффективность существующей системы поддержки слабо защищенных категорий трудящихся, массовая безработица и снижение уровня жизни значительной части населения, для которой наемный труд является основным источником дохода, стали в постсоветской России источником коллективных действий протестного характера, в центре которых — трудовые споры и конфликты между наемными работниками и работодателями.

¹ См.: *Дугин А.* Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах : докл. в Институте философии РАН, февраль 2002 г. URL: <http://med.org.ru/article/818>.

К сожалению, предприниматели непрерывно ищут способы урезания прав работников наемного труда и ужесточения их эксплуатации. «Одна из тенденций современной цивилизации — обслуживание прагматических ценностей. Все больше развиваются манипулятивные технологии управления людьми; правящие элиты пытаются вытеснить законы справедливости на обочину цивилизации, выработать не пути решения социальных проблем, а способы наиболее эффективной манипуляции обществом. Пытаясь подменить профсоюзы, работодатели все чаще позиционируют себя как социально ответственный бизнес, предлагая будущему работнику „полные социальные пакеты“. Работодатель стремится доказать работнику неэффективность и ненужность такого института, как профсоюз»¹. Можно ли добиться успеха в конкуренции с ведущими экономистами мира стране, где этика чиновников, бизнесменов, наемных работников основана на принципе личной, индивидуальной материальной выгоды, игнорирует интересы конкретного предприятия, отрасли, потребителя продукции, страны? Можно ли ожидать от работника добросовестного отношения к труду, качественной работы, повышения производительности, если его трудовая этика расходится с этикой владельца предприятия, проверяющих владельца чиновников, производителей приобретаемых им на зарплату товаров и услуг и производителей социальных благ?

Несправедливое, по мнению работников, распределение результатов производства стало препятствием для эффективной реализации экономических реформ по западным образцам, причиной неприятия предлагаемых властью способов решения социально-экономических проблем. «Профсоюзы продолжают настаивать на том, что система распределения доходов и расходов в сегодняшней России откровенно несправедлива. На одном и том же предприятии разница в зарплатах между топ-менеджерами и работниками может достигать ста и более раз. Эти цифры учитывают только заработную плату, оставляя в стороне доходы собственника в виде дивидендов и пр.»²

«Нужно отметить, что социально-трудовая сфера в нашей стране до сих пор находится в стадии перехода от ранее существовавшей

¹ Шмаков М. В. Профсоюзное движение как явление мировой культуры в контексте глобализации // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 169.

² Шмаков М. В. Защита прав и интересов трудящихся России — ответ профсоюзов на новые глобальные вызовы // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 189.

системы, в значительной степени ориентированной на защиту интересов работников, к новой системе, контуры которой пока не до конца ясны. Неопределенность обусловлена продолжающимися дискуссиями о роли государства в регулировании экономики, колебаниями векторов экономической политики (в части собственности, налоговой, кредитно-финансовой), наличием взаимоисключающих шагов в отношении степени либерализации экономической жизни (ускорение и приостановка приватизации, шарахания в сфере тарифной политики)» и т. д.¹

Деформации социально-трудовых отношений и усиление остроты социально-трудовых конфликтов связаны с низкой эффективностью постсоветских механизмов регулирования социально-трудовой сферы, инерция которых порождает кризисные явления в реальном секторе экономики. В свое время ориентация советской системы трудовых отношений на бесконфликтное развитие общества относила проблематику исследования социально-трудовых конфликтов к разряду второстепенных². В результате эта область практики и профессиональной деятельности оказалась не обеспеченной в теоретическом, методическом и кадровом отношении. Не приносят необходимых результатов и попытки копировать западный опыт разрешения социально-трудовых проблем, который сформировался на мировоззренческой базе протестантской трудовой этики.

Подавляющее большинство россиян не воспринимают производственную деятельность в качестве сферы реализации индивидуальных способностей, а власть — как силу, стоящую на страже правды и справедливости в спорах с работодателями. Все это не способствует повышению эффективности производства. «Нередко можно слышать, что в стране низкая производительность труда и потому якобы „работнику и так платят слишком много“. Но производительность труда — это функционал организаторов производства, собственников и менеджеров. С другой стороны, остается загадкой: как при такой „низкой“ производительности труда и низкой зарплате работников собственники предприятий, где трудятся эти работники, являются миллиардерами и мультимиллионерами?»³

¹ Макаров Е. И. Диалог и конфликты культур в сфере социально-трудовых отношений // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 99.

² Деметьева Н. А. Индивидуальные социально-трудовые конфликты в организациях: технологии управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2004.

³ Шмаков М. В. Защита прав и интересов трудящихся России... С. 189.

Значимая проблема современной экономики — слабое развитие институциональных способов и недостаточно полная реализация роли государства в регулировании социально-трудовых отношений в условиях экономической нестабильности¹. Процесс деформации социально-трудовых отношений углубился в связи с регулярными попытками госорганов уменьшить роль в них профессиональных союзов. Налицо сокращение числа членов профсоюзов и их доли в общей массе работников наемного труда, снижение уровня забастовочной активности, уменьшение роли профсоюзов в связи с лишением их в постсоветском государстве функций социально-культурного патронажа, права распоряжения основной частью социальных фондов, фрагментация профдвижения и манипулирование трудящимися со стороны власти и бизнес-структур и др. «Переориентация экономики на внутренний спрос, ее реструктуризация не могут проходить без серьезного общественного контроля, который со стороны работников осуществляют профсоюзы, а на уровне предприятий — первичные профорганизации. Именно те первичные профорганизации, которые сегодня защищают своих членов профсоюза, оказываются под ударом со стороны работодателя. Отдельные экономисты либерального толка считают, что сильные институты представительства работников являются „путями на ногах“ экономики»². Негативно сказываются использование властью и бизнесом авторитарных механизмов управления развитием социально-трудовой сферы, исключающим баланс интересов субъектов трудовых отношений, имитационный характер деятельности ряда профлидеров по защите прав и интересов работников, а также нередко — социальная пассивность работников.

Источником социально-психологических проблем в системе социально-трудовых отношений стала нравственная и юридическая нелегитимность в общественном сознании существенной части российского бизнеса, особенно приватизации им государственной собственности. В условиях попустительства со стороны государства типичной для российского бизнеса стала эгоистическая и социально безответственная политика: стратегия минимизации затрат на рабочую силу, в том числе путем установления уровня оплаты труда ниже стоимости воспроизводства рабочей силы, занижение оплаты квалифицированного труда, сведение к минимуму социальных фондов предприятия, сокращение предусмотренных законом выплат

¹ Культура социально-трудовых отношений в современной России. С. 29.

² Шмаков М. В. Защита прав и интересов трудящихся России... С. 190.

и льгот; недопустимо высокая дифференциация зарплаты между высшим управленческим персоналом и работниками, отсутствие или нерегулярность индексации оплаты труда; сокращение доли гарантированной (тарифной) составляющей заработной платы; натурализация заработной платы, широкое распространение теневых выплат; сворачивание института социального партнерства.

Социально-трудовые отношения в постсоветской России были деформированы очевидными диспропорциями основных элементов концепции социальной ответственности бизнеса, в которой до последнего времени доминировала внешняя благотворительная деятельность и сотрудничество с властями при решении острых проблем регионального масштаба в ущерб инвестированию в развитие рабочей силы¹. Данная проблема обостряется на этапе модернизации, когда процесс целенаправленной трансформации социально-трудовых отношений предполагает выбор определенной модели. В такой ситуации декларируемая универсальность трудовой этики капитализма и активно внедряемые в пространство отечественной культуры соответствующие экономические институты и модели социально-трудовых отношений оборачиваются катастрофическими цивилизационными последствиями. При этом наибольшей инерционностью и сопротивляемостью обладают национальный этос и формирующиеся на основе психофизических характеристик народа ментальные матрицы, которые «формально лежат за пределами рынка труда, но фактически формируют его специфическую ментальную инфраструктуру»².

Ситуация последних лет усугубляется на фоне продолжающегося передела собственности, вступившего в новую фазу так называемого государственно-частного партнерства, суть которого состоит в перераспределении собственности в пользу менеджеров государственных компаний и представителей государственного аппарата. В сложившейся ситуации разговоры о модернизации экономики и переводе ее на инновационные рельсы лишаются всякого смысла³. Порожденные

¹ Нелегитимность современного капитализма в значительной степени обусловлена антикультурной и, по сути, безнравственной позицией публичных представителей либерально-экономической элиты и олигархической верхушки, которые беззастенчиво демонстрируют свои состояния, открыто переводимые в американские банки и ценные бумаги, философию превосходства над основной массой общества. Их активно поддерживает так называемый креативный класс либералов, демонстрирующий глубинное отвращение к государству и закону, к созидательному труду, на котором строится любое государство.

² *Соболев Э. Н.* Указ. соч.

³ «Мы имеем дело не просто с коррупцией, а с нефеодалным слиянием власти и собственности. И если коррупцию можно охарактеризовать как социальную бо-

«диким» капитализмом паразитарные формы использования сегодняшними работодателями ресурсов и достижений прошлого безо всяких усилий по их воспроизводству и развитию деформируют ценность социальной справедливости, лишая народ мотивации и энергии участия в экономическом преображении России¹.

Проект модернизации блокируется дешевой рабочей силой: квалификация низкооплачиваемых работников не соответствует сложности современного высокотехнологичного оборудования, а дешевый труд делает экономически более выгодным выплату компенсаций за нанесенный вред здоровью, чем внедрение дорогостоящих безопасных технологий. «Основной причиной кризиса системы трудовых отношений является дефицит достойного труда. Не случайно Международная организация труда — глобальный орган социального партнерства — взяла курс на достойный труд как основу устойчивого развития»². Следует констатировать, что в целом после распада СССР современной России не удалось сформировать социально-экономическую систему, конкурентоспособную в борьбе за мировое лидерство. Достаточно сказать, что в XXI веке в нашей стране задача вхождения в пятерку ведущих экономик мира ставилась уже шесть раз. Пока безрезультатно³.

Сегодня ситуацию усугубляет доминирование монетаристской модели экономики, разрушающей социальную природу хозяйства⁴. Модернизация российской экономики искусственно сдерживается по-

лезнь, а беспредельную коррупцию — как тяжелую болезнь, в принципе поддающуюся операционному лечению, то для характеристики нынешней ситуации гораздо больше подходит термин „социальная мутация“» (см.: *Ланаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика : моногр. М. : Российская академия правосудия, 2012. С. 321–322).

¹ «Именно нелегитимность возникшей в стране крупной собственности (услугу-бленная последующей ситуацией с опять-таки нелегитимными залоговыми аукционами) лишает представителей крупного российского бизнеса общественной поддержки и создает тот массовый социальный фон „негативного или злорадного равнодушия“, на котором и неправоовое перераспределение собственности (включая ее захваты путем рэкета или рейдерства), и коррупционные поборы с бизнеса со стороны части „чиновной братии“ значительной частью общества воспринимаются чуть ли не как „восстановление справедливости“» (см.: *Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 327).

² *Шмаков М. В.* Защита прав и интересов трудящихся России... С. 188.

³ См.: *Занесоцкий А. С.* Указ. соч. С. 78–82.

⁴ Россия повторяет ошибку конца XIX века, связанную с реформами С. Витте, открывшими дорогу иностранному капиталу: это привело к тому, что после форсированной индустриализации и интенсивного развития промышленности производства в 1890–1910-х годах к 1917-му Россия потеряла ключевые отрасли производства.

литикой удорожания и сжатия денежного предложения. В отсутствие доступа к долгосрочному кредиту российские предприятия не могут освоить даже имеющиеся у них разработки, покидая перспективные рынки новой продукции. В результате экономика попадает в «стагфляционную ловушку», которая делает неизбежным отставание на фоне стремительного развития нового технологического уклада в других странах. Такая макроэкономическая политика обрекает Россию на поражение в конкурентной борьбе за освоение ключевых технологий новой длинной волны экономического подъема, зарождающейся в настоящее время¹. Отечественный конкурентный потенциал стремительно обесценивается по мере освоения другими странами производств нового технологического уклада².

Конфликт между вульгарной капиталистической моделью социально-трудовых «рыночных» отношений и духовным кодом русской культуры 1990–2000-х годов деформировал обе составляющие, причем острота и глубина конфликта отличаются от предыдущих этапов индустриализации (1880–1910-х и 1930–1950-х гг.). Дело в том, что трудовая этика и принципы индустриальной корпоративности в дореволюционной России и в Советском Союзе формировались с учетом мировоззренческих доминант культуры и ее традиционных ментальных матриц, таких как солидарность, патернализм, высочайшая ценность социальной справедливости, отторжение прагматически ориентированного западного индивидуализма и меркантилизма, негативное отношение к богатству и т. д. На предыдущих этапах индустриализации традиционно значимой была роль государства, которое в целом определяло ценностные ориентиры трудовой этики, контролируя их практическое воплощение. К сожалению, на протяжении 1990-х годов и первой половины 2000-х государственное вмешательство в социально-трудовую сферу было минимальным: практически не регулировалась минимальная зарплата, произошел отказ от прогрессивной шкалы подоходного налога. Власть демонстрирует непонимание значимости проблем, связанных с системной и многоуровневой оптими-

¹ «Двадцать лет идут реформы... не будем говорить о разворовывании России, о полном провале реформ с точки зрения экономики — все это очевидно: мы не можем достичь даже 50 % производства от уровня 1986 года! (заметим, что после войны уровень 1940 г. был достигнут за 4 года, то есть в 1949 г.)» (*Грунтовский А. В.* Православие и суверенитет России. URL: <http://mirznanii.com/a/184714/pravoslavie-i-suverenitet-rossii>).

² *Фурсов А.* Указ. соч.

заций трудовых отношений в реальном секторе экономики¹. «Российская Федерация снова демонстрирует всему миру, как не надо действовать, на собственном опыте показывая пагубность либеральной экономической и финансовой политики. Хотя мировой экономический кризис 1920–1930-х годов и Великая депрессия 1929–1933 годов наглядно продемонстрировали последствия, к которым приводит в экономике либеральный подход. (Это фактически „ультралиберальный“ экономический фундаментализм, как и фундаментализм леворадикалов в 1917 г., оба эти явления сродни слепой религиозной вере.)»².

Длительный этап трансформационного кризиса социально-трудовых отношений постсоветской России является составной частью многоуровневого кризиса ключевых институтов и в значительной степени связан с частичной утратой легитимности государства и власти, появлением идеологических альтернатив существующему порядку. «Идеологические новации» расширяют «пространство культурных субэлит», из которых «возникают политические партии, предлагающие те или иные доктрины, противопоставляющие себя существующему порядку». Взаимодействие новых элит и их консолидированное давление на государство порождают «организационный кризис, который постепенно перетекает в кризис социальный»³. Максимально опасный момент для власти, запоздавшей с преобразованиями, когда она вяло и непоследовательно рискует их начать. Стремительный рост ожиданий и требований раскачивает разрушительный для государства и общества маховик⁴. Исторически сложившиеся стили и смыслы жизни подвергаются преобразованию в соответствии с критериями последнего этапа развития европейской цивилизации — этапа постмодерна. Современная «машина» массовой культуры модифицирует «человеческий код» европейской культуры, подавляя духовность и провоцируя животные инстинкты, формируя опреде-

¹ Государственные инициативы в социально-трудовой сфере сегодня фрагментарны, ограничиваются мерами финансового характера. Приоритет материальной поддержки незащищенных категорий начинает контрастировать даже с ситуацией в странах Запада, где регулирование социально-трудовых отношений перестает быть прерогативой рынка.

² *Шмаков М. В.* Защита прав и интересов трудящихся России... С. 188.

³ *Булдаков В. П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–64.

⁴ «Собственно, это мы наблюдали неоднократно в мировой новой и новейшей истории, мы это наблюдали и в 1917 году, мы это наблюдали и в 1988–1991 годах» (см.: *Кудюкин П. М.* [Доклад на круглом столе «Государство и революции», 27 февраля 2012 г.] // Россия в глобальном контексте : цикл публ. дискус. М., 2012. Вып. 56 : Государство и революции).

ленный тип мировоззрения и мировидения, доминантой которого является потребительское поведение и агрессивные стратегии защиты собственных интересов и утверждения личной значимости.

Одна из ключевых проблем постсоветской модели социально-трудовых отношений — огромная шкала дифференциации в оплате труда, отрыв уровня заработной платы от профессиональных характеристик работников, значительные объемы неквалифицированного труда. На протяжении 1990-х годов государство проводило политику прямого сдерживания роста зарплат, которое рассматривалось как один из способов сокращения государственных расходов. Формами «экономии» стали: отказ от индексации заработной платы (в отдельные периоды тарифная сетка бюджетников была ниже прожиточного минимума); задержки ее выплаты; свертывание социальных льгот. Низкий уровень зарплат в бюджетном секторе отрицательно влиял на оплату труда в коммерческом секторе; нарушение обязательств государства как работодателя создавало среду правового нигилизма — нарушения закона со стороны предпринимателей, в том числе и в определении норматива заработной платы. Кроме того, доступность информации о заработках в бюджетном секторе позволяла работодателям привязывать оплату труда работников к тарифной сетке бюджетников, что укрепляло негативное отношение народа к бизнесу и формировало уверенность в антигуманной природе капитализма, исключаящую социальную справедливость. Система оплаты труда деформирована, с одной стороны, «переизбытком» статусной дифференциации, с другой — недостатком профессионально-квалификационных различий. Углубление дифференциации доходов в постсоветской модели социально-трудовых отношений в значительной степени связано с распадом единого социального и экономического пространства на отдельные регионы и корпорации. В результате разрушения механизмов солидарного хозяйствования и жизнеобеспечения регионы оказались в неравных условиях по критерию финансовых возможностей для формирования фондов оплаты труда.

Сведение к минимуму социальных фондов предприятия и предусмотренных законом выплат и льгот происходит как за счет использования экономических факторов (снижение гарантированной части заработков ниже прожиточного минимума), так и в результате прямого нарушения трудового законодательства. В стратегию минимизации затрат вписываются теневые заработки, которые, с одной стороны, не имеют нормативной фиксации и поэтому легко сокращаются при ухудшении экономической конъюнктуры, с другой — становятся

инструментом снижения издержек предприятия. Чрезвычайно ослаблено влияние рынка труда на уровень и дифференциацию зарплат и финансовые результаты деятельности предприятия, которые в основном определяются не реальными результатами хозяйственной деятельности, а интенсивностью спроса: рентными доходами, динамикой цен на товары и услуги, устанавливаемых в зависимости от степени монопольного давления на рынок и органы власти.

В результате глубоких сдвигов в социально-трудовых отношениях, связанных с обретением частным бизнесом «свободы рук» в отношениях с работниками и отказом от государственного регулирования минимальной зарплаты, оплата труда теряет связь с его результатами, утрачивает свое предназначение быть мерой труда и его стимулом. Расширяется зона несправедливости в распределении заработной платы, фонд которой формируется в соответствии с результатами деятельности организации, а распределяется в зависимости от возможностей и предпочтений менеджмента (в лучшем случае с учетом мнения представительного органа работников)¹. Происходит утрата экономической функции минимальной заработной платы, которая ранее служила расчетным нормативом для установления штрафов и социальных пособий². Игнорируются объективные различия затрат на воспроизводство рабочей силы разной квалификации. Такая ситуация требует коренных изменений критериев дифференциации в оплате труда — в качестве основных необходимо учитывать уровень образования и профессионально-квалификационные характеристики (при одновременном снижении границ дифференциации по межотраслевым и межрегиональным критериям).

К сожалению, большое количество коллективных договоров, декларируя повышение уровня оплаты труда, предоставляя различные социальные гарантии и прочее, не содержит механизмов реализации их выполнения. Зачастую они не прописаны в договоре, как уже указывалось ранее. Работодатель, в свою очередь, бывает заинтересован в срыве реализации договоренностей. Также нередко возникает ситуация, при которой первоначальные договоренности исполнялись администрацией, а затем в силу различных экономических причин (спада производства и т. п.) у работодателя появлялось желание сэкономить на издержках за счет слабой реализации условий соглашений.

¹ Яковлев Р. А. О регулировании заработной платы в Российской Федерации : докл. на Ученом совете НИИ труда. М., 2007.

² Превращение МРОТ в значимую экономическую реальность характерно для последних лет.

Все это способствует снижению популярности практики заключения коллективных договоров, а сами документы перестают рассматриваться как полноценные нормативные акты¹.

В стадии становления находится система социального партнерства, реализации задач которой препятствуют неустойчивость финансового благополучия компании; нестабильность каналов сбыта продукции; нежелание администрации брать на себя дополнительные обязанности в условиях финансово-экономической нестабильности; отсутствие на предприятиях профсоюзных организаций; стремление работодателей не допустить появления профсоюзов на предприятии; пассивность трудового коллектива в деле отстаивания трудовых прав и интересов; слабая информированность трудящихся об институте социального партнерства в целом и феномене коллективного договора.

Эффективной работе системы социального партнерства мешает низкий профессиональный уровень квалификации работников, как рядовых, так и руководителей; правовая неинформированность наемных работников и их профсоюзов; низкая правовая грамотность у большинства работодателей (особенно характерна для предприятий среднего и малого бизнеса) и специалистов, занимающихся социальным партнерством в органах социального партнерства всех уровней (как временных, так и на постоянной основе), особенно на муниципальном уровне; слабые традиции культуры партнерства, преобладание в трудовых отношениях «человека административного», для которого характерна привычка к подчинению и командованию; отсутствие у субъектов трудовых отношений «предпринимательских» установок; искаженное в массовом сознании понятие социальной справедливости, когда она воспринимается как равенство в потреблении, а не равенство в возможностях; неразвитость социальной ответственности всех сторон партнерских отношений; недостаточная законодательная проработка процедур договорного регулирования трудовых отношений².

Деструктивную с точки зрения построения национально ориентированной трудовой этики роль играет огромный сектор неформальных трудовых отношений, который становится зоной грубого нарушения прав работников, развращая бизнес отсутствием контроля,

¹ Культура социально-трудовых отношений в современной России. С. 54.

² Социально-трудовые отношения в современной России: перспективные модели социального партнерства / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2017. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 2). С. 95–96.

безответственностью и безнаказанностью. В экономике созданы необходимые условия для сокращения теневых зарплат. Однако этому препятствует сектор неформальных отношений, расширение которого в большей степени связано с непрозрачностью хозяйственной деятельности, коррупцией контролирующих органов, слабостью системы правоприменения, правовым нигилизмом населения. Неформальные трудовые отношения препятствуют формированию социально ориентированной экономики, разрушают в общественном сознании веру в социальную справедливость. Статусная дифференциация и дефицит профессионально-квалификационных различий в совокупности блокируют развитие человеческого капитала, становятся ощутимым препятствием на пути модернизации.

Значимым фактором расширения пространства социально-трудовых конфликтов стал массовый отказ предприятий от выполнения институциональных гарантий, прежде всего в использовании неоплаченного труда и нарастании объема задолженности по заработной плате. Этот противозаконный (а по сути — аморальный) принцип, который многие работодатели сознательно включали в политику организации оплаты труда, позволил увеличивать длительность периодов невыплат и долю не выплаченной в срок заработной платы¹. В структуре социально-трудовых отношений начинает доминировать цель финансовой стабилизации, косвенным рычагом воздействия которой становится либерализация цен на потребительские товары и услуги, а также отказ от государственного регулирования ценовой политики.

Деформации социально-трудовых отношений способствовала инфляция, которая усилила дифференциацию реальных трудовых доходов, а также модель приватизации в социальной сфере, в результате которой появляется спектр платных услуг, не обеспеченных ростом заработной платы. В условиях экономического спада, на фоне неблагоприятной для работника конъюнктуры российского рынка труда, в ситуации снижения спроса на труд, удорожания сферы платных услуг и слабого развития институциональных форм защиты работников резко падает уровень реальной заработной платы, что ведет к повышению стоимости жизни. Результаты исследований Института экономики РАН выявили две тенденции в системе дифференциации оплаты труда: с одной стороны, рост разрыва между заработной платой

¹ Сегодняшние масштабы задолженности по зарплате (менее 1 % общего фонда заработной платы) несопоставимы с ситуацией, которая складывалась в первое десятилетие реформ. При этом задолженность практически отсутствует в социальной сфере.

руководителей предприятия (администрации) и основной массы работников, что стало фактором усиления статусной дифференциации; с другой — сближение зарплаток квалифицированных и неквалифицированных работников. По данным исследований, 44 % промышленных предприятий удерживают фиксированную составляющую заработной платы на уровне ниже регионального прожиточного минимума, игнорируя базовые гарантии реализации воспроизводственной функции. В то же время менеджмент стремится «застраховать» собственные доходы, увеличивая стабильную часть заработной платы вне ее зависимости от экономических показателей¹. Доля зарплаты руководителей в общем фонде оплаты труда на экономически неблагополучных предприятиях составляет 20 %, на средних и благополучных — 16 %².

В результате были практически ликвидированы ключевые факторы, влияющие на зарплату в западных моделях: образование, квалификация, опыт работы. Доминирующую роль стали играть внешние по отношению к работнику факторы: сектор экономики (экспортно ориентированный или обрабатывающий); регион (нефтегазовый, сельскохозяйственный или с преобладанием военно-промышленного комплекса); размер и местоположение населенного пункта, финансовое состояние предприятия. При этом отраслевые и межрегиональные различия в сравнении с квалификационными достигли невиданных размеров, что свидетельствует о формировании нового — отраслевого и регионального — типа социального неравенства. Средний уровень зарплаты в регионе стал определяться его отраслевой структурой, доминированием высокорентабельных отраслей и концентрацией успешных предприятий. Дифференциация зарплат, произошедшая в результате формирования локальных рынков (региона, мегаполиса, города) со своими ценами на рабочую силу, наложила на специфическую сегментацию российского рынка труда, которая выражается в привязке рабочей силы к географии проживания. Сдерживающими факторами внутренней миграции населения являются неразвитость институциональной инфраструктуры (отсутствие доступного жилья) и зависимость доходов человека от его «интегрированности» в местную среду.

¹ Доходы топ-менеджеров в России значительно превосходят зарплату высшего менеджмента в западных странах. По этому показателю Россия находится на 7-м месте в мире, уступая только нефтедобывающим странам Ближнего Востока и Китаю (анализ 51 страны мира, проведенный консалтинговой фирмой Hay Group. URL: http://www.economist.com/markets/indicators /PrinterFriendly.cfm?story_id=12208835).

² См.: *Соболев Э. Н.* Указ. соч.

Кризис социально-трудовых отношений в постсоветской России становится фактором дезинтеграции социального пространства страны, сопровождается ломкой стереотипов трудового поведения, ущемлением социальных и трудовых прав, усилением социально-экономического неравенства работников в связи с неоправданными различиями в оплате труда, обострением социальной отчужденности между работодателями и работниками, снижением престижа производительного и добросовестного труда. Высокий по критериям мировых стандартов разрыв в зарплатах наиболее и наименее оплачиваемых работников существенно ослабляет трудовую мотивацию, отрицательно сказывается на производительности и экономическом росте, снижает уровень жизни значительной части населения, для которой наемный труд является основным источником дохода¹.

Разорванность социально-экономического пространства усиливается позицией профсоюзов, которые были структурированы по критерию производственно-отраслевой принадлежности, разделяющей специалистов одной и той же профессии по разным профсоюзным организациям. Такая разобщенность исключала возможность формирования единой и согласованной политики защиты прав трудящихся, что стало причиной расширения пространства социально-трудовых конфликтов.

Таким образом, глубинная причина слабой эффективности институтов и механизмов регулирования социально-трудовых отношений и профилактики их конфликтной составляющей — несбалансированность ключевых элементов системы социально-трудовых отношений и основ национальной культуры. «Капитализация» социально-трудовых отношений в 1990-е годы носила откровенно шоковый характер по отношению к базовым ценностным и ментальным матрицам национальной культуры. Насильственные изменения форм социальной организации трудового процесса, отношений собственности, организационных структур управления трудом и характера распределения его результатов осуществлялись без учета специфики национального этоса и ментальных матриц. Доминирование пассивной потребительской идеологии над производительной стало причиной разрушения социальной структуры, а «попытки селективной приватизации» и инновации в системе производственного самоуправления послужили прикрытием очередного передела собственности². Оппозицией

¹ См.: *Соболев Э. Н.* Указ. соч.

² Между тем «социальная справедливость может быть достигнута на основе труда, а не распределения его продуктов государством. Возможно, это главный урок рос-

агрессивным рыночным отношениям стал традиционный этос русской культуры и ее ментальные матрицы, исключаяющие культурно легитимную мотивацию максимизации прибыли.

В результате растущее «сопротивление» традиционных для русской культуры смыслообразующих моделей блокировало процесс реформирования, стало причиной отторжения навязанных сверху административных преобразований по западным образцам, неприятия откровенно неправовых способов решения социально-экономических проблем. И сегодня моральную базу модернизации разрушает несправедливость социально-трудовых отношений, которые становятся площадкой статусного и экономического утверждения для тех, кто неправедным путем получил доступ к приватизации государственной собственности. Это чувство не позволяет подавляющему большинству россиян воспринимать производственную деятельность как средство реализации индивидуальных способностей, а власть — как силу, стоящую на страже правды и справедливости.

Важнейшей причиной кризиса социально-трудовых отношений постсоветской России является отсутствие национально ориентированной трудовой этики, опирающейся на ценности отечественной культуры. Трудовая этика представляет собой систему моральных ценностей и норм, выражающих ключевые концепты, коды и смыслы национальной культуры и определяющих характер взаимоотношений людей в сфере трудовой деятельности. Она фиксирует социально-экономический генотип общества, определяя модели хозяйственной деятельности, трудовую мотивацию, характер управления и регулирования социально-экономическими процессами.

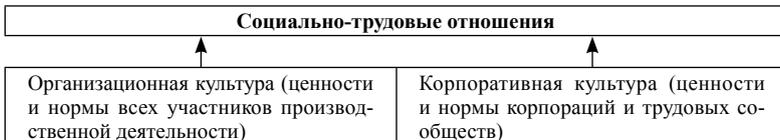
Приходится признать, что формирование модели социально-трудовых отношений последних десятилетий происходило путем некритичного, недостаточно осмысленного переноса чиновниками и предпринимателями западных принципов капиталистической экономики, форм организации производства и моделей корпоративной этики в российские реалии. Формирование новой трудовой этики с начала 1990-х годов блокировалось ультралиберальным сценарием развития государства и общества, который утверждался в качестве ключевого критерия «цивизованности». Начиная с 1990-х годов происходит форсированное внедрение в национальное самосознание западноевропейского цивилизационного проекта, основу которого составляет система либеральных ценностей, капиталистическая экономика

и образ жизни. Транснациональные корпорации становятся главным субъектом не только экономической, но и культурной политики. Религиозные и культурные отличия народов и стран от «среднеевропейской нормы» рассматриваются как негативный фактор — «архаизм», мешающий международным корпорациям наращивать прибыли, а потому подлежащий устранению. Утверждаемая в рамках либеральной концепции модель корпоративной этики рассматривается как ключевой критерий «цивилизованности» и навязывается экономическими гигантами населению стран третьего мира. Эта политика до сих строится на отрицании национальных традиций, игнорировании системообразующих ментальных матриц.

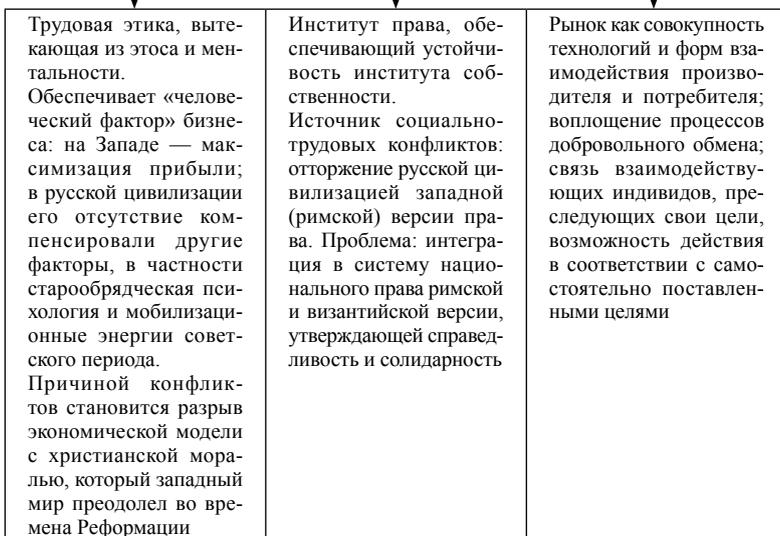
Между тем исторический опыт убедительно свидетельствует о значимости духовных традиций как ресурса экономических реформ. Например, технологический взлет (начиная с 1960-х гг.) ряда стран Тихоокеанского региона был во многом обусловлен культурным фактором — сохранившейся цивилизационной самобытностью: традиционной этикой ответственности и законопослушания, коллективистской идентичностью народов, готовностью жертвовать индивидуальным во имя общего блага. Однако ультралиберальная доктрина несет в массовое сознание ложное по своей сути понимание религиозных и национально-культурных отличий народов и стран от «среднеевропейской нормы» как негативного фактора — «архаизма».

Таким образом, корректировка модели социально-трудовых отношений в соответствии с базовыми ценностями национальной культуры — не только условие сокращения пространства социально-трудовых конфликтов, но и ключевой фактор выхода из экономического кризиса, прорыва в «шестой технологический уклад» опережающего развития, основу которого составляют био- и нанотехнологии, робототехника, новые модели природопользования, высокие гуманитарные технологии и инновационные медицинские разработки, проектирование будущего и управление им.

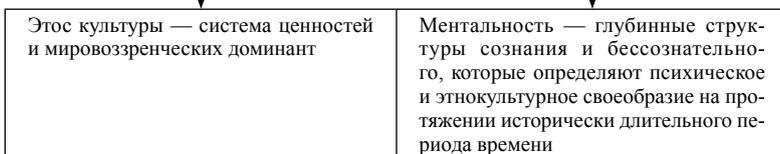
Уровни обусловленности социально-трудовых отношений национально-культурной спецификой

Модель экономики как ключевого социально-культурного института

Культурные матрицы

1.4. МАРКЕТИНГ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ РЫНОЧНАЯ СРЕДА И ФАКТОР ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Модели социально-трудовых отношений во второй половине XX века в значительной степени определялись концепциями маркетинга, модифицируясь вместе с изменением его ценностей и целей, стратегии и тактики¹. Маркетинг в широком понимании есть многоуровневая система ценностно- и целеориентированных действий рыночного субъекта, направленная на изучение, удовлетворение и формирование спроса и в конечном счете на максимизацию прибыли². Как основной инструмент рынка маркетинг представляет собой совокупность технологий, ориентированных на изучение, прогнозирование, удовлетворение и расширение спроса на товары, идеи, услуги посредством их разработки, продвижения и реализации. Предметом, который создается и продвигается с помощью различных форм маркетинговых коммуникаций, является не только товар или услуга, но и ценности, нормы, имидж, стиль жизни и т. д. По существу маркетинг — это социальная макросреда бизнеса, его культурно-нравственная оболочка.

В своем развитии маркетинг на протяжении XX века прошел несколько стадий, различных как в методологическом, так и в технологическом отношении. Ключевые изменения идеологии маркетинга обусловлены макроэкономическими процессами и динамикой мировоззренческой составляющей бизнеса. Обновление маркетинговых приемов стимулируется технологическими прорывами в области средств воздействия на сознание и поведение человека и совершенствованием технологических платформ, на базе которых осуществляются коммуникации³. Динамика маркетинга связана не только

¹ См.: *Занесоцкий А. С.* Стратегический маркетинг в туризме: теория и практика. СПб.: СПбГУП, 2003; *Марков А. П.* Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2005.

² Маркетинг определяется и как «способ убедить массы сделать покупку» (см.: *Отт Р.* Создавая спрос: пер. с англ. М.: Филинь, 1997. С. 15). Для этого маркетинг, в отличие от сбыта, который предполагает непосредственный контакт продавца с потенциальным покупателем, использует все способы внешней коммуникации с целью стимулирования потребительского спроса.

³ В частности, ресурсная исчерпанность (и в значительной степени девальвация) классических приемов и практик брендинга, рекламы и PR последнего времени обусловлена прорывом в области интернет-технологий, которые, с одной стороны, стали ресурсом инноваций в сфере маркетинговых коммуникаций, с другой — вызвали перенасыщение рынка рекламы и резкое снижение ее качества. По прогнозам, пузырь сетевой рекламы может скоро лопнуть. Неблагоприятные прогнозы на мировом рын-

с определенными этапами развития рынка, но и с соответствующей эволюцией менеджмента¹. Новые проблемы, с которыми сталкивались фирмы-производители, во многом определили динамику и смену концептуальных моделей рыночных стратегий. При этом наблюдается тенденция постоянного возрастания роли маркетинга по сравнению с функциями и задачами менеджмента.

Производственная концепция в качестве ведущей цели рассматривала повышение эффективности производства и системы распределения продуктов. Возникнув в начале XX века, она сохранялась до тех пор, пока спрос превышал предложение. Впоследствии в рамках этой стратегии сформировалась задача непрерывного совершенствования потребительских свойств продукта с целью повышения покупательной активности населения. Однако в целом превалирование спроса над предложением приводило к диктату производителя и не способствовало развитию теории и практики маркетинга.

Концепция продаж акцентировала усилия производителя на совершенствовании системы продвижения и продаж. Это стало началом формирования маркетинговых технологий².

Концепция маркетинга сформировалась в результате осознания значимости изучения запросов потребителей и их более эффективного удовлетворения по сравнению с конкурентами³. Основные проблемы, которые переживали фирмы-производители, были связаны с существенным превышением предложения над спросом. Этот специфический «вызов» рынка потребовал поиска нетрадиционных

ке интернет-рекламы содержатся в исследованиях социологической компании «Kalkis Research».

¹ Корректировка маркетинговых стратегий обусловлена также развитием и доминированием в определенные эпохи тех или иных концептуальных подходов, прежде всего в психологии, социальной психологии, социологии, которые определяли методологию и инструментарий как менеджмента, так и его составляющей — маркетинга (см.: *Занесоцкий А. С.* Стратегический маркетинг в туризме).

² Первая коммерческая маркетинговая фирма была создана в США в 1908 году. Тогда же во многих крупных фирмах появились отделы маркетинга. В 1926 году в США была организована Национальная ассоциация маркетинга и рекламы, позже преобразованная в Американское общество маркетинга. Подобные организации стали создаваться и в других странах. Затем появились международные организации типа Европейской академии маркетинга (см.: *Дегтяренко В. Н.* Основы логистики и маркетинга. М.: Гардарики, 1998).

³ Становление маркетинга как системы относится к периоду, последовавшему за Великой депрессией, охватившей Запад в 1929–1933 годах. Важнейшей проблемой того времени для большинства субъектов рынка стал поиск средств антикризисного регулирования производства — как в отдельных компаниях, так и на государственном уровне.

технологий рыночного поведения, которые и были обозначены категорией «маркетинг».

Основные маркетинговые стратегии и технологии формировались на фоне противостояния двух концепций рыночного поведения. Теория рационального выбора отстаивала идею «чистого рынка», суверенитет обыденного сознания и культ здравого смысла потребителя. В идеологическом плане она опиралась на протестантские культурные традиции и утверждала приоритет индивидуального опыта рядового потребителя, суверенного в выборе и потому выступающего системообразующим элементом рыночных отношений.

В рамках кейнсианской школы сформировалась концепция «производства потребностей». Адепты этой концепции создали модель так называемой экономики спроса, согласно которой производственный субъект должен не пассивно приспосабливаться к потребительскому спросу, а активно формировать его, создавая с помощью рекламы искусственные потребности. Внутренняя логика развития маркетинга помогла утвердиться второй концепции, что, в свою очередь, усилило и концептуально оправдало его последующие экспансионистские тенденции.

Современная концепция социально-этического маркетинга заявила о себе в последнее десятилетие XX века в связи с обострением многих проблем, прямо или косвенно связанных с нерациональным развитием производства¹.

В первоначальном варианте маркетинг рассматривался как своеобразная технология воздействия производителя на рынок с целью продвижения своего товара. На этом этапе маркетинг был неотъемлемой частью интенсивно формирующейся теории менеджмента, которая получила название классической. В ее основу были положены социально-психологические концепции, которые помогли понять и объяснить потребительское поведение человека. Маркетинговая деятельность того периода охватывала прежде всего сферу реализации уже созданных товаров и услуг и ориентировалась на поиск эффективных средств рекламы и каналов сбыта.

Развитие теории и практики маркетинга определялось целым рядом объективных обстоятельств: обострением конкуренции на рынках сбыта; повышением требований со стороны потребителей к качественным характеристикам предлагаемых продуктов; общим ростом неопределенности рыночной конъюнктуры, потребовавшим от раз-

¹ Голубков Е. П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика. М. : Финпресс, 1998. С. 13.

личных бизнес-субъектов выработки критериев оперативного принятия стратегических решений; ускорением научно-технического прогресса, обусловившим сокращение цикла жизни товаров.

Изменение рыночной ситуации и экспансия психологических концепций в сферу управления модифицировали общую стратегию менеджмента, которая теперь во многом стала определяться задачами маркетингового характера. Более того, в самой организационной модели бизнес-структур на первое место выдвигаются те отделы и подразделения, которые отвечают за проектирование стратегий и выработку технологий анализа и эксплуатации соответствующих сфер рынка. Появились исследования, в которых был дан анализ деятельности различных субъектов рынка по продвижению их товаров и услуг в условиях конкуренции, сформулированы ее принципы, направления и способы, позволяющие достичь максимального успеха в конкурентной борьбе за потребителя, предложены стратегии выживания производителей за счет их своевременной адаптации к условиям внешней среды.

Сущностные изменения философии и инструментария маркетинга во второй половине XX века были обусловлены несколькими факторами. Прежде всего они были вызваны сменой рыночных моделей: рынок производителя, для которого характерно превышение спроса над предложением, вытесняется рынком потребителя, когда предложение превысило спрос. Маркетинг теперь рассматривается не только как эффективный способ решения практических проблем бизнеса (планирование, организация и управление производством и сбытом, финансы), но и как инструмент прогнозирования и активного воздействия на рыночные процессы, включая и социальную среду организации.

Новая философия и соответствующие технологии маркетинга были подготовлены также зарождением и быстрым развитием в 1950-е годы социально-культурной и психологической концепции, получившей название «третьего» или «гуманистического» направления¹. Активное обращение маркетинга к данной концепции было связано с осознанием необходимости углубленного и многомерного

¹ Основы этого направления заложили А. Маслоу и Р. Роджерс (см.: *Maslow A. H. The farther reaches of human nature. N. Y., 1971* ; *Idem. Motivation Personality. N. Y. : Harper&Row, 1970* ; *Idem. A theory of metamotivation: The biological rooting of the value-life // Journal of Humanistic Psychology. 1967. № 7. P. 93–127* ; *Rogers C. R. Client-centered therapy: Its current practice, implications and theory. Boston : Houghton Mifflin, 1951* ; *Idem. On becoming a person. Boston, 1961*).

анализа потребителя, который теперь определял политику на рынке. Ведущей технологией маркетинга в данный период выступает изучение потребителей не только как представителей социально-демографических, этнических или профессионально-образовательных групп, но и в первую очередь — как носителей психологических характеристик, определяющих их поведение на рынке. Маркетинг, особенно в своей технологической части, опирался на созданную в рамках гуманистического направления модель человеческого поведения, которое мотивируется стремлением в актуальном опыте «здесь и сейчас» удовлетворить различные потребности человека: в безопасности, признании, соперничестве, власти, успехе, самореализации.

Если в первоначальном варианте маркетинг рассматривается как своеобразная технология воздействия производителя на рынок с целью продвижения своего товара, то с изменением форм конкурентной борьбы функции и задачи маркетинга постепенно расширяются и включают разработку идей, производство и реализацию товара в конкретном секторе рынка, а также формирование спроса. В это же время формируется концепция стратегического маркетинга, которая означает новый этап развития маркетинговой теории и практики¹. Стратегический маркетинг смещает акцент с продукта и потребителя на макросреду, определяющую состояние производителя, потребительское поведение, количественные и качественные параметры рынка в целом. Структурными элементами макросреды выступают конкуренты, государственные органы, экономические и политические организации, социальные и культурные факторы. Стратегический маркетинг становится методологией управления, интегрируясь в другие управленческие функции и технологии.

Таким образом, основная отличительная черта сегодняшней модели маркетинга — смещение акцента с совершенствования и позиционирования качеств производимого товара на воздействие на сознание потребителя. Теперь производитель не просто создает продукт, обладающий определенными потребительскими свойствами, но и формирует самого потребителя.

Историческую динамику предмета маркетинговой коммуникации можно обозначить следующим образом: товар (вещь) — качество товара — образ жизни (элементом которого является данный товар) — тип человека как потребителя данной вещи (его мы обнаруживаем в сюжетно-ролевой ситуации почти каждого рекламного ролика).

¹ См.: *Занесоцкий А. С.* Стратегический маркетинг в туризме.

Смена маркетинговой парадигмы в социокультурном плане была обусловлена глобальным изменением ценностных ориентаций и формированием общества потребления (прежде всего в странах Запада), в экономическом — вытеснением рынка производителя (для которого характерно превышение спроса над предложением) рынком потребителя (когда предложение превысило спрос), что резко обострило конкурентную борьбу и существенно повысило роль маркетинговых технологий. Происходит модификация принципов, приоритетов и инструментария традиционного маркетинга, в основе которого лежала концепция сбыта уже произведенных товаров (услуг) с ориентацией на имеющихся на данном рынке потребителей. Современный маркетинг ориентирован прежде всего на системный анализ рынка спроса, всестороннее изучение потребностей и возможностей потребителей, в соответствии с которыми определяется стратегия развития производства товаров и услуг. Маркетинговые технологии активно формируют потребительское поведение. Производитель теперь создает товары, которые обладают не только потребительскими свойствами, но и социально-статусными и символическими характеристиками, причем последние становятся часто доминирующим фактором мотивации потребления. Поэтому он вынужден тратить значительные средства на формирование самого потребителя — человека, исповедующего определенные ценности, которые он идентифицирует с конкретными товарами и потребляет их в качестве средства презентации своего социального статуса.

Если ранее стратегию и тактику маркетинга диктовал менеджмент, то теперь наоборот — маркетинговые сети, движимые логикой рыночных отношений, подчинили все институты, обеспечивающие проектирование, производство и продвижение товаров (идей, услуг, стиля жизни, брендов и т. п.). Это придает маркетингу статус интегрированной концепции бизнеса. Не случайно в группу маркетинговых задач крупные бизнес-субъекты часто включают максимизацию качества жизни, согласно которой маркетинг должен обеспечивать не только количество, качество, разнообразие и доступность товаров по приемлемым ценам, но и качество культурной и физической среды обитания человека.

Сегодня маркетинг — это огромная империя со своими институтами, армией профессионалов, тысячами журналов, интернет-сайтов и т. п. В некоторых странах оборот рынка маркетинговых коммуникаций, прежде всего рекламы и PR, во много раз превышает бюджеты культуры, образования, социальной сферы. Особенно быстро

развивается рекламная индустрия¹, в том числе и в России, которая по качественным показателям приблизилась к странам Европы.

В контексте сегодняшней идеологии рынка маркетинг трактуется максимально широко, включая в себя всю внешнюю деятельность предприятия или фирмы, — от разработки товаров и услуг до их реализации на рынке. Маркетинг рассматривается и как функция менеджмента, и как специфическая философия бизнеса, и как стратегия производства и реализации продукции с целью получения максимальной прибыли путем наиболее полного удовлетворения потребителя производимыми товарами и услугами². Появляются новые направления маркетинга, получающие статус самостоятельных технологий³.

¹ Крупнейшие рекламодатели сегодня: Procter&Gamble (47 %); Vimm Bill Dann (29 %); L'Oreal (27 %); Schwarzkopf (25 %); Nestle (25 %); Bayersdorf (22 %); Pepsicola (18 %). Самая высокая цена рекламного времени в мире была установлена во время трансляции финального матча по американскому футболу на канале NBC. 30 секунд рекламы стоили 1 млн долларов. В России самым дорогим рекламным временем остается новогодний эфир, сразу после боя курантов (см.: *Прусенкова Н.* Вы еще не дебилы? Тогда мы идем к вам. Особенности рекламного бизнеса в России // Новая газета. 2004. 12–14 апр. № 25 (955)).

² Специфической особенностью современного этапа развития маркетинга является активное формирование профессиональных сообществ — специалистов в области PR-технологий, рекламного дела и т. д. Это закономерно, поскольку любая профессия имеет несколько составляющих: производственно-технологическую, экономическую (работа является источником дохода), самореализационную, социально-статусную (общественный престиж и востребованность того или иного вида деятельности), духовно-нравственную (социальная миссия профессии). Производственно-технологический уровень обеспечивается базовым образованием и трудовым опытом. Стремление понять и отразить последние уровни и срезы профессиональной деятельности заставляет профессионалов объединяться в ассоциации и корпорации, которые позволяют человеку реализовать себя в диапазоне тех социальных ролей, которые, в отличие от профессиональных, значимы не в производственной сфере (где они различаются по функционально-технологическим, квалификационным или иным признакам), а в социально-институциональной. Они определяют возможности влияния на принятие политических решений, а также специфическую стилистику социального действия, разделяемую представителями данной субкультуры.

³ В частности, бенчмаркинг — анализ и оценка преимуществ партнеров и конкурентов однотипной или смежной отрасли с целью адаптации лучшего опыта и его использования в деятельности организации; телемаркетинг, специализирующийся на ресурсах средств телекоммуникаций и Интернета и ориентированный на ускоренный сбыт товаров и услуг на реальных и виртуальных рынках; эгомаркетинг, работающий в сфере социального и политического продвижения известных личностей путем оптимизации их имиджа и системы коммуникаций; логистика — теория и совокупность методов оптимизации материальных, трудовых, энергетических и информационных потоков, сопровождающих процессы проектирования, создания, продвижения и потребления товаров и услуг, и др.

Сегодняшний маркетинг для эффективного решения задач максимизации прибыли использует как традиционные технологии, так и инновационные стратегии¹. Идеология маркетинга концептуально связана с ценностным ядром культуры, но связь эта неоднозначная и во многом травмирующая для обеих сторон. С одной стороны, маркетинг учитывает и активно эксплуатирует универсальные для культуры ценности, образы, вербальную и графическую символику, так как при условии их органичного встраивания в текст рекламного сообщения или в дискурс PR-коммуникаций они оказывают колоссальное воздействие на сознание и поведение личности. С другой стороны, в сегодняшней маркетинговой картине мира с трудом просматривается национально-культурная специфика. Более того, современный маркетинг в значительной мере противоречит базовым ценностям культур, возникших на ценностно-нормативной основе мировых религий. Современный глобальный проект, преследующий цели создания в мире единой социально-экономической и культурно-политической системы и разворачивающийся в условиях глобальной информационно-психологической войны, ведет к глубоким качественным изменениям аксиологических доминант отечественной культуры. В этом проекте ведущим социально-культурным актором выступают маркетинговые коммуникации, осуществляющие ценностно-нормативные трансформации в обществе, формирующие доминирующую жизненную стратегию субъекта постсоветской России, в основе которой — желание непрерывного наращивания потребительских стандартов.

Безмерное и чаще всего немотивированное потребление, создающее иллюзию контроля над миром вещей, становится особой формой зависимости человека, которая квалифицируется как разновидность психического заболевания, сопоставимого по силе и деструктивным последствиям с наркоманией, игровой зависимостью². Основной психологический и поведенческий синдром человека потребляющего — быстрая смена стимулов, мотивов, немедленное удовлетворение желаний, непрерывное и немотивированное потребление — вещей,

¹ На развитие методологии маркетинговых коммуникаций оказывают влияние концепции нейролингвистического программирования, идеи трансперсональной психологии, которая центрирована не на человеческих потребностях и интересах, а на изучении предельных способностей и возможностей человека, религии и религиозного опыта, измененных состояний сознания и пр.

² Такое поведение в своих крайних вариантах приближается к границе «потребительского безумия» (см.: Графф Дж., Ванн Д., Нэйлор Т. Х. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. М.: Ультра. Культура, 2003).

людей, событий, эмоций, впечатлений. Потребительство как достойная жизненная стратегия утверждается путем поэтизации обогащения, позиционирования роскоши как базовой составляющей смысла жизни, а золотого тельца — как основного мерил человеческой состоятельности¹. Потребительская зависимость формируется (прежде всего с помощью рекламы, PR, продуктов массовой культуры) путем демонстрации в качестве высшей ценности престижных потребительских атрибутов и завышенных стандартов потребления, выполняющих функцию социальных маркеров. Энергию потребительской идеологии питает неутолимая жажда удовольствий, вечное чувство неудовлетворенности, стремление через потребительские символы достичь соответствия значимой группе или позиционировать свою социальную «крутизну». Постепенно и трудовая мотивация, и социальный статус человека, и даже смысл человеческого существования начинают зависеть от престижных потребительских атрибутов. Типичными чертами публичного поведения представителей «раскрученных» стилей жизни является беззастенчивое самолюбование, социальный стриптиз, обнажающий такие аспекты и факты личного бытия, которые ранее были предметом стыда и позора².

Характеризуя мотивационную составляющую жизненной стратегии потребительства, следует подчеркнуть, что все ключевые ценности общества потребления в определенной мере культурно оправданы в структуре человеческого бытия. Речь идет об их гипертрофии, когда обладание той или иной ценностью становится целью и смыслом жизни. Стремление постоянно наращивать качество потребления формирует потребительскую зависимость — худшую из возможных зависимостей по формам проявления и последствиям для души человеческой. Повышение любой ценой материального благополучия рождает невиданные масштабы отвратительной алчности, а по-

¹ Например, в антропологическом формате совокупного «текста» сегодняшней рекламы торжествует в основном «новый язычник» — субъект, смысл жизни которого ограничивается достижением статуса, успеха, неумным потреблением, стремлением к удовольствиям и материальному благополучию.

² «Знаменитости воплощают результат общественного труда, к которому не может прикоснуться рабочий. Звезды имитируют побочные продукты этого труда: они правят и развлекаются, принимают решения и потребляют — все это представляет собой одностороннюю коммуникацию, глумление над трудящимся, который может лишь издалека наблюдать за пиршеством на звездном Олимпе... Все эти замечательные люди, олицетворяющие собой систему, становятся известными не потому, что остались сами собой, а как раз наоборот, убили в себе всякую индивидуальность, опустились ниже действительности самой ничтожнейшей индивидуальной жизни, и это все знают» (Делборг Г. Э. Указ. соч.).

следняя — атмосферу постоянного страха потерять (страх на почве алчности — один из базовых факторов финансово-экономического кризиса); рационализация человеческих отношений и нравственных качеств, в том числе добра и сострадания, которые в системе PR-акций пересчитываются на дивиденды от приращенного имиджа или бренда, ведет к системной деградации человеческой духовности; успех как жизненный смысл распирает человеческую гордыню и «кормится» ею — неслучайно в христианстве гордость является одним из смертных грехов (наряду с сребролюбием, чревоугодием, завистью, злопамятностью, гневом, отчаянием) и считается «исчадием помраченного ума».

Нарастающая конкуренция делает маркетинг все более жестким. В нем усиливается антропоцентризм, его технологии становятся средством модификации сознания и поведения человека, способом формирования человека потребляющего как разновидности зависимого поведения; расширяется репертуар средств воздействия рекламы и PR, которые становятся частью стратегических коммуникаций, оружием информационных войн; усиливается проектная составляющая профессий маркетинговой группы, растет интерес к мониторингу и аналитике. Маркетинг активно востребует репертуар антропоцентрированных технологий и социально-коммуникативных практик. Это обусловлено «социальным заказом» — активным развитием маркетинговой культуры, образованием специализированных структур, занимающихся проектированием и организацией различных форм маркетинговых коммуникаций, разработкой инновационных практик манипулирования общественным сознанием. Дело в том, что по мере усиления технологической экспансии рекламы и PR массовое сознание становится все более резистентным к информации, растет сопротивляемость убеждающему воздействию, что побуждает специалистов вырабатывать сильнодействующие способы воздействия. Это меняет идеологическую платформу и технологический репертуар, востребует специалиста иного уровня профессиональной подготовки и личностного развития¹.

Вектор и характер развития коммуникационных стратегий маркетинга, с одной стороны, определяются научно-техническими револю-

¹ Многие учебники по маркетингу, изданные в последние десятилетия прошлого века, сегодня выглядят наивными текстами, слабо коррелирующими с жесткими реалиями. Значительная часть информации, в том числе в образовательных программах, используется, по остроумному выражению Дэвида Огилви, как фонарь пьяницей: не для того, чтобы светить, а чтобы подержаться. К реальной жизни их содержание имеет такое же отношение, как учебник шашечной теории к боевым действиям.

циями и технологическими прорывами в области средств воздействия на сознание и поведение человека. С другой стороны, расширение и совершенствование технологического репертуара маркетинга стимулируются изменениями общекультурного характера, придающими легитимность средствам воздействия независимо от меры их манипулятивности и деструктивности по отношению к базовым духовно-нравственным матрицам культуры.

Одна из глобальных проблем развития современного маркетинга — отсутствие четкого представления о базовых аксиологических матрицах, лежащих в основе происхождения и развития маркетинга как социально-культурного института (а то, что он сегодня выступает в таком качестве, уже не вызывает сомнений). Ценностный вакуум внутри профессионального сообщества препятствует формированию корпоративной культуры, не способствует профессиональной идентичности на мировоззренческом уровне, нередко лишая культурной легитимности деятельность специалистов в области рекламы и PR. Современный этап развития маркетинговых коммуникаций осуществляется в информационном (постиндустриальном) обществе. Многие негативные его аспекты и тенденции связаны с отсутствием адекватных социальных, нравственных и юридических способов обуздания финансового аппетита владельцев средств массовых коммуникаций и рекламодателей. Они также обусловлены отсутствием эффективной обратной связи — от потребителей информации к ее производителям.

Нравственный диссонанс маркетинговых коммуникаций и базовых культурных ценностей явно обнаруживается на технологическом уровне современной рекламы. Внешне безобидные коммуникативные приемы запускают мощные энергии в сфере бессознательного, то есть за пределами осознанного и вменяемого человеческого существования. Энергия бессознательного, искусственно вызываемая и актуализируемая с помощью специальных коммуникативно-образных и символических приемов, порождает обширный спектр аномальных моделей и форм самовыражения, а также иных антропологических девиаций: маний, фобий, неврозов, психозов и других социально-психологических патологий. Отработанные социально-коммуникативные технологии воздействия на личность не столько стимулируют спрос, сколько производят ненасытные человеческие желания, превращающие потребление в форму зависимого поведения, аналогичного наркотической или игровой аддикции. «Потребление товаров становится самодостаточным; потребитель исполнен религиозного

благоговения по отношению к полновластной свободе товара. Волны энтузиазма по поводу того или иного продукта молниеносно разносятся и поддерживаются средствами массовой информации. Покупая новый товар, человек на короткий срок впадает в иллюзию счастья. Эта иллюзия должна со временем разоблачить себя, замещаясь новой иллюзией <...> Каждая новая ложь рекламы — это также признание ее предыдущей лжи. <...> Товарный фетишизм доводит людей до состояния нервной лихорадки, чем мало отличается от религиозного фетишизма былых времен: такой же экстаз, конвульсии и восторг чудом исцеленных. И здесь потребляется только подчинение»¹.

Таким образом, дальнейшее совершенствование гуманитарно-центрированных технологий маркетинга при сохранении его мировоззренческой платформы становится существенным фактором разрушения аксиологической матрицы не только отечественной, но и всей европейской культуры, изменения ее антропологического основания.

В связи с этим актуальной теоретической и практической проблемой становится обоснование стратегий взаимодействия маркетинга с национально-культурным этосом, разработка эффективных моделей рекламных и PR-коммуникаций, учитывающих национальные ценности и ментальные особенности. Ценностное измерение маркетинга, видение аксиологических оснований маркетингового дискурса в контексте национальной системы ценностей позволят понять мировоззренческие основания профессий маркетинговой группы. Стабильность и видение перспектив развития зависят от того, в какой степени все субъекты маркетинговых коммуникаций разделяют единые ценности, имеют солидарное отношение к социально-культурной миссии своей профессии. Это, в свою очередь, обеспечит специалистов методологией продуктивного реагирования на те глобальные изменения, которые характерны для культуры и экономики, затрагивают концептуальные основы капиталистической модели производства (породившей, как известно, сам институт маркетинга).

Глобальные научно-технические изменения и кардинальная смена цивилизационных матриц дают основание говорить о двух тенденциях в динамике института маркетинга. В ближайшей перспективе неизбежна существенная корректировка идеологии маркетинговых коммуникаций и обновление технологического репертуара. Нарастающий кризис капиталистической модели экономики меняет систему

¹ Дебор Г. Э. Указ. соч.

современного маркетинга. В частности, повышается значимость интерактивных технологий, прежде всего, на базе веб-ресурсов. Массовое отторжение вызывают манипулятивные практики, вытесняемые сегодня технологиями конвенционального характера. Наблюдается смена групп культурно-символических ресурсов маркетинга, усиливаются позиции социального маркетинга, способного наращивать ресурсы лояльности и доверия. Происходит культурологическая и психологическая фундаментализация маркетинговых коммуникаций — за счет разработки и внедрения новых технологий конвенционального типа.

В социокультурном и технологическом плане корректировку маркетинговых парадигм диктует замена традиционных форм и моделей социума глобальным «сетевым обществом», которое сформировалось на базе технологической инфраструктуры глобальных коммуникаций и интернет-ресурсов. Сеть знаменует наступление пост-эры, которая не только преобразует структуры политической жизни и экономики, но и меняет характер культурных процессов, социальную структуру общества. Сетевое общество становится глобальным институтом, модифицирующим традиционную социальную структуру общества, на которую были ориентированы рекламные и PR-технологии¹. Работа в сетевом пространстве предъявляет специфические требования к специалистам в области рекламы и PR. Это сокращение скорости принятия решений (в том числе на основе автоматизированного, роботизированного сбора обратной информации из различных источников), обеспечивающее оперативное преимущество субъекта коммуникации; инициатива и максимальная автономность специалиста, широкие права в выборе оперативных средств — на основе общей осведомленности о проблемах, ресурсах и задачах своей организации; переход от линейной конфигурации последовательности событий и акций к точечным операциям, обеспечивающим резонансный, кумулятивный эффект; квалифицированная работа с потоками свободно циркулирующей информации: структурзация, обобщение, изменение знака с негативного на позитивный. Кроме того, неизбежным становится перемещение профессий социально-коммуникативной группы из области экономики в другие

¹ Исследования показывают, что на месте сложной социальной структуры, с которой ранее работал маркетинг, в многомиллионном сетевом пространстве доминируют три мегагруппы: наслаждающиеся жизнью, то есть стремящиеся получить в системе коммуникаций удовольствие любым способом; «члены стаи» — коммуниканты с акцентуированной потребностью в общении, признании; «эмоциональные сообщества» людей, консолидированных общностью чувств, эмоций (см. исследование «Глобальные тренды» международной компании «Синовейт Комкон»).

сферы практики, где они будут максимально востребованы, а также расширение стратегий и практик социально-коммуникативной направленности, диапазона технологий и сервисов, поставляющих услуги по управлению коммуникациями. Репертуар данной группы технологий базируется на проектной идеологии, активно востребует базовые культурные механизмы и универсальные практики воздействия на сознание и поведение человека.

В то же время все очевиднее становится потребность в корректировке маркетинговых стратегий и практик, выработке новой идеологии маркетинга. Назревает необходимость обновления коммуникативных стратегий с целью минимизации манипулятивных практик, поиска новых моделей организации сотрудничества и партнерства различных социальных сил, вовлеченных в процесс производства и потребления. В ближайшей перспективе возможна гуманизация маркетинговых коммуникаций и технологий: существенное усиление их социально-культурной легитимности, расширение культурно оправданных и лично ориентированных методов, учитывающих и щадящих мир человеческой субъективности, вытеснение манипулятивных практик конвенциональными технологиями, имеющими социально-культурную легитимность, открытый характер целей, форм и содержания, направленность на оптимизацию социальных взаимодействий субъекта и среды, создание своеобразного конвенционального поля и благоприятного социально-психологического контекста.

Отдаленная перспектива (но не столь далекая, как может показаться) — самоликвидация маркетинга как социально-культурного института (как минимум в его сегодняшнем варианте) в результате базовых изменений всей системы мирового производства, обусловленных переходом мировой экономики к шестому экономическому укладу с саморегулируемым производством и тотальным сокращением пространства человеческого участия в нем¹. Очевидно одно: современный мир стремительно меняется, и перспективы этих изменений туманны, а события даже ближайшего будущего неопределенны. Поэтому чрезвычайно трудно предсказать, каковы будут идеология, этос и технологии маркетинга в новой системе цивилизационных координат и сохранится ли он вообще как социально-культурный институт в рамках грядущего мироустройства.

¹ Драйвером «шестого уклада» становится «кибернетическая революция», формирующая сложную систему саморегулируемого производства за счет технологического прорыва в области медицины, био- и нанотехнологий, робототехники, информационных, аддитивных и когнитивных технологий.

1.5. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ В ГРЯДУЩЕЙ ЭКОНОМИКЕ «ШЕСТОГО УКЛАДА»: СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ

Концепция трудовой этики и модели социально-трудовых отношений будущего связаны с глобальными изменениями технологического и социально-культурного характера и в значительной степени обусловлены характером грядущей экономики и складывающейся технико-экономической парадигмы¹. «Сегодня весь мир вынужден переосмысливать идеологию традиционного капиталистического мироустройства, заниматься поиском более справедливой модели общества. Человечество стоит на пороге разработки новой архитектуры мировой экономической и финансовой системы»².

В связи с этим существенно возрастает роль философско-культурологического анализа, обеспечивающего рефлексию над процессами трансформации культуры и воспроизведения в системе гуманитарного знания ее доминирующих смыслов, размышлений над глубинными процессами, которые происходят в современной культуре. Фундаментальные культурологические исследования экономики как ключевого института общества способны обеспечить гуманитарную экспертизу, выполнить прогностические функции, сопряженные с задачами предупреждения о тех или иных опасностях, которые сопровождают развитие цивилизации³. Именно такого рода знание, с одной стороны, выступает фактором сохранения и стабильности культуры, с другой — выходит за рамки культурной традиции и формирует новую «категориальную модель мира», обеспечивающую «трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности»⁴, конструирует адресованные будущему смысловые сценарии.

В последние годы в философском сообществе и научно-предпринимательских кругах все активнее говорят о наступлении четвер-

¹ Техничко-экономическая парадигма — это «модель наилучшей деловой практики, состоящая из всеобъемлющих общих технологических и организационных принципов, которые отражают наиболее эффективный способ воплощения определенной технологической революции в жизнь и то, как следует пользоваться революцией для оживления и модернизации экономики» (см.: *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания : пер. с англ. М. : Дело, 2011. С. 40).

² *Шмаков М. В.* Профсоюзное движение как явление... С. 171.

³ *Миронов В. В.* Диалог культур или глобализационный монолог? // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 115.

⁴ *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 209.

той промышленной революции, которая приходит на смену нынешней информационной революции (третьей по счету после аграрной и индустриальной), о необходимости и неизбежности перехода к шестому технологическому укладу с полностью автоматизированным, компьютерно-роботизированным производством, практически исключаящим человека как субъекта труда. Данный тип производства приходит на смену пятому технологическому укладу¹, основным ресурсом которого была атомная энергетика. Основные отрасли — электроника и микроэлектроника, информационные технологии, космическая инженерия, программное обеспечение, телекоммуникации, освоение космического пространства. Ключевой фактор — микроэлектронные компоненты. Основные достижения уклада: индивидуализация производства и потребления, глобализация, высокая скорость связи и перемещения.

Ключевыми направлениями развития шестого экономического уклада, многократно повышающего эффективность производства и снижающего его энерго- и материалоемкость, являются: искусственный интеллект и робототехника; аддитивные 3D-принтеры и когнитивные технологии, нанотехнологии: биомиметика, нанобионика, нанотроника, молекулярная, клеточная и ядерная технологии, а также другие наноразмерные производства, создающие новые технологические цепочки для электронной, химической, авиакосмической промышленности; биотехнологии, опирающиеся на достижения

¹ Технологический уклад — это совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. Основным ресурсом первого технологического уклада была энергия воды. Главная отрасль — текстильная промышленность. Ключевой фактор — текстильные машины. Основное достижение уклада — механизация фабричного производства. Второй технологический уклад строился на энергии пара, угля. Главная отрасль — транспорт, черная металлургия. Ключевой фактор — паровой двигатель, паровые приводы станков. Достижение уклада — рост масштабов производства, развитие транспорта. Гуманитарное преимущество — постепенное освобождение человека от тяжелого ручного труда. Основу третьего технологического уклада составила электрическая энергия. Главная отрасль — тяжелое машиностроение, электротехническая промышленность. Ключевой фактор — электродвигатель. Достижение уклада — концентрация банковского и финансового капитала; появление радиосвязи, телеграфа; стандартизация производства. Гуманитарное преимущество — повышение качества жизни. Четвертый технологический уклад развивается на эксплуатации энергии углеводородов и связан с развитием ядерной энергетике. Основные отрасли — автомобилестроение, цветная металлургия, нефтепереработка, синтетические полимерные материалы. Ключевой фактор — двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия. Достижение уклада — массовое и серийное производство. Гуманитарное преимущество — развитие связи, транснациональных отношений, рост производства продуктов народного потребления (URL: <https://general-skokov.livejournal.com/24586.html>).

молекулярной биологии и генной инженерии и многократно повышающие эффективность медицинского и агропромышленного комплексов (использование стволовых клеток, инженерия живых тканей и органов, восстановительная хирургия и медицина); глобальные информационные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы и новые виды транспорта и коммуникаций. Комплекс данных технологий в ближайшем будущем способен модифицировать ключевые институты современного общества¹.

Существенным фактором, глобально меняющим всю систему социально-трудовых отношений, становится уже начавшаяся кибернетическая революция, формирующая сложную систему саморегулируемого производства, сокращающего пространство человеческого участия². «Кибернетическая революция» совершает переворот в основных сферах производства, связанных с: а) развитием систем управления и самоуправления; б) совершенствованием «умных» технологий и «очеловечением» их функционально-коммуникативной составляющей (использование языка, голоса, жестов); в) использованием самоуправляемых систем контроля поведения человека в обществе и управления социальными процессами; г) ростом объема информации и усложнением систем ее анализа, включая способность систем к самостоятельной коммуникации и интерактивности.

Смена технологической парадигмы сопровождается модификацией форм финансирования и сменой социальных взаимоотношений. «По всем следующим одна за другой фазам диффузий должны происходить глубокие и широкие преобразования, требующие адекватных инноваций не только в производственной сфере — в продуктах и способах организаций, — но также и в финансах, и в институтах»³. Входящий в фазу роста новый технологический уклад меняет не только технологическую структуру и институциональную систему экономики, но и список лидирующих фирм, стран и регионов. «Более конкурентоспособными окажутся те из них, которые быстрее смогут выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних стадиях развития. И наоборот, в силу нелинейности процесса распространения новых тех-

¹ Акимов А. В. Робототехника и трудосберегающие технологии: перспективы воздействия на социально-экономическое развитие // Историческая психология и социология истории. 2017. № 1. С. 173.

² См.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание будущего). М.: Учитель, 2015.

³ Перес К. Указ. соч. С. 49.

нологий вход для опаздывающих с каждым годом будет становиться все дороже и закроется с достижением новым технологическим укладом фазы зрелости»¹.

Стремительное развитие трудосберегающих технологий, заменяющих человека машинами и автоматами, ведет к «радикальному изменению производства и рынка труда». Формирующаяся новая модель хозяйственной жизни фантастически сокращает пространство участия человека, существенно меняет его роль в общественном производстве, модифицирует основные социально-культурные институты — рынок, модели частной собственности, систему образования и т. д. Шестой экономический уклад лишает человека статуса не только производителя, но и потребителя в его сегодняшнем понимании. Он переводит цивилизацию в эпоху трансмодерна, несоизмеримую с нашим жизненным миром, — время так называемого сингулярного перехода реальности в иное, «постчеловеческое» состояние². Новый уклад модифицирует капиталистическую систему производства в принципиально иное качество: фантастическое повышение производительности труда и ликвидация привычных форм конкуренции делают излишней существующую систему институтов, обслуживающих экономику³. Посткапиталистическое общество будет строиться не на экономике, а на тотальном освобождении человека, и в нем начнутся непредсказуемые процессы⁴.

Уже сегодня можно предвидеть последствия четвертой промышленной революции в основных сферах производства.

¹ См.: *Глазьев С.* Какие инновации обеспечат опережающее развитие российской экономики. URL: <https://izborsk-club.ru/14936>.

² См.: *Кутырев В. А.* Отдадим все машинам!.. И себя тоже? // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 355–357.

³ Роботизация дает бизнесу ощутимые выгоды. На некоторых фабриках в Японии машины могут уже сегодня работать без участия человека. Если перенос производства в страны с дешевой экономикой позволяет сэкономить на оплате труда до 65 %, то замена сотрудников-людей роботами снижает затраты на 90 % (см.: *Перес К.* Указ. соч. С. 35).

⁴ Эту тенденцию описал экономический редактор Би-би-си Пол Мейсон в своей книге «Посткапитализм». В свое время значительный резонанс вызвала его программная статья в «Гардиан», где он утверждал, что «капитализму положат конец не насильственные методы, а нечто более динамичное, которое уже существует, пусть и незримо, в старой системе и которое пробьется наружу и перестроит экономику вокруг новых ценностей и моделей поведения. Я называю это посткапитализмом». Посткапиталистический сектор будет еще некоторое время сосуществовать вместе с рыночным, но будущее предопределено: «это уже не просто механизм выживания, способ скрыться от нелиберального мира — это новый способ жить, формирующийся сейчас» (Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?).

1. Кибернетические инновации преобразуют традиционную капиталистическую модель с ее алчностью, беспощадной конкуренцией, репрессивным характером отношений к человеку, природе, культуре в посткапиталистическую систему.

Активно идет процесс разрушения модели рыночного производства, запрограммированной на катастрофические провалы и обладавшей ресурсами преодоления экономических кризисов, которые порождали спасающие систему новые формы технологической инновации. Затяжной финансово-экономический кризис свидетельствует о том, что капитализм исчерпал ресурсы конструктивного выхода из системной стагнации.

Существенно модифицируется капиталистическая логика изменения прибыли: сегодня информационная составляющая продуктов становится более ценной, чем физические объекты, из которых их производили. Потребительская ценность, определяемая полезностью товаров и услуг, замещает стоимость активов и ценность рыночного обмена¹.

Взлет производительности труда придает конкуренции новый, пока трудно предсказуемый характер, который снижает значимость классических маркетинговых стратегий, в перспективе делая ненужной всю систему маркетинга. По существу, капитализм сам изживает институт частной собственности, который прошел многовековой путь и в исторической перспективе обречен на исчезновение. Замена частной собственности общественной альтернативой неизбежно вызовет модификацию морали, сложившейся на базе капиталистического производства и соответствующего образа жизни.

Происходит модификация традиционных для капиталистической модели инвестиционных стратегий, которые замещаются новыми формами совместных «народных» инвестиций, позволяющих снизить экономическую зависимость от государственных финансов, ставшую основой «золотого века» прошлой технологической волны. В последние годы широкое распространение получают совместные инвестиции; люди «скидываются» на строительство парков, создание новых продуктов, выпуск фильмов и т. д. Активно внедряются Impact Investment — преобразующие инвестиции, когда владельцы свободных финансовых активов вкладчину финансируют улучшающие условия жизни проекты «малого бизнеса» и даже предоставляют долгосрочные кредиты для развития инфраструктурных секторов,

¹ «Это глубоко некапиталистическая логика» (Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?).

нуждающихся в модернизации и требующих больших капиталовложений. Активно создаются платформы (краудфандинг, блокчейн), обеспечивающие финансирование мелкого бизнеса по всему миру с одновременным использованием банковского капитала и частных накоплений. Прорабатываются схемы, в рамках которых участники фактически минимизируют потребность в инвестициях, вкладывая в проект свою продукцию и получая доход от продажи уже реализованных идей¹.

2. Технологический переворот в основных сферах производства неизбежно разрушит существующую социальную структуру общества путем массовой безработицы и существенного сокращения среднего класса. Стремительное развитие трудосберегающих технологий и вытеснение человека машинами радикально меняют систему производства и разрушают рынки труда: робототехника, искусственный интеллект, боевые роботы и оружие — все это без участия человека становится в несколько раз эффективнее и дешевле. Средний класс растворяется в массе «государственных иждивенцев», живущих на фиксированном пособии — «базовых выплатах» на регулярной основе, обеспечивающих сносное существование без каких-либо условий и обязательств независимо от того, работает человек или нет². Вытеснение труда чревато фундаментальной модификацией жизненных стратегий и социальными волнениями. Армия безработных может стать социальной базой для радикальных протестных движений и террористических организаций.

Побочным следствием кибернетической революции станет интеллектуальная деградация основной массы человечества: сберегающие технологии, с одной стороны, вытесняют с территории мирового рынка многочисленную малоквалифицированную рабочую силу, с другой — делают нерациональной и избыточной систему массового профессионального образования. Обслуживанием производства будет заниматься узкий сегмент высококвалифицированных специалистов³.

3. Экспансия информационных технологий, обеспечивающая вступление мира в посткапиталистическую эпоху, стимулирует

¹ *Перес К.* Указ. соч. С. 51, 54.

² В частности, с 2016 года в Финляндии безработные в возрасте от 25 до 58 лет получают базовый доход в сумме 560 евро (см.: *Акимов А. В.* Указ. соч. С. 183).

³ В то же время исследователи считают невозможным тотальное устранение человека из серьезной интеллектуальной деятельности: искусственный интеллект и роботизация в производственных и научных сферах открывают широкое пространство для эксперимента, создания новых направлений (см.: *Перес К.* Указ. соч.).

процесс формирования альтернативной капитализму «экономики совместного пользования», отвергающей логику традиционного капиталистического рынка и систему маркетинга в принципе¹. Уже сегодня во всем мире наблюдается спонтанный рост самостоятельных, не мотивированных прибылью форм совместного производства: появляются товары, услуги и организации, которые больше не следуют диктату рынка и менеджерской иерархии².

Формирующийся параллельный мир «экономики совместного пользования» становится альтернативой шестому укладу, который делает человека безработным и ненужным миру. Новыми источниками и ресурсами посткапиталистического богатства («валютой посткапитализма») становятся: владение информацией, которая никому не принадлежит; свободное время; бесплатные вещи и сетевая активность населения; пиринговые компьютерные сети (одноуровневые, децентрализованные), основанные на равноправии участников (в такой сети отсутствуют выделенные серверы, а каждый узел может выступать как клиентом, так и сервером). Сетевое взаимодействие генерирует новый вид благосостояния, которое образуется вне классического производства и рынка.

Кибернетическая революция, помимо существенной модификации института производства и распределения, совершает переворот в системе гуманитарных (или антропоцентрированных) технологий. Вот что имеет место уже сегодня:

— активно создаются самоуправляемые системы контроля поведения человека в обществе и управления социальными процессами;

— происходит не только совершенствование «умных» технологий, но и очеловечивание их функционально-коммуникативной составляющей (использование языка, голоса, жестов);

— разработаны системы и программы анализа огромных массивов информации, модули которой способны не только анализировать, но и вступать в самостоятельную интерактивную коммуникацию,

¹ Характерный пример: крупнейший информационный продукт в мире «Wikipedia» создается добровольцами бесплатно, что упраздняет бизнес энциклопедий и предположительно лишает рекламную индустрию доходов в размере 3 млрд долларов в год (см.: Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?).

² В частности, в Греции в массовом порядке возникают некоммерческие организации — сотни значительных проектов и мелких инициатив: от совместной езды на машине до бесплатных детских садов, от кооперативов по организации питания до параллельных валют и местных систем обмена. За 10 лет возникла альтернативная бизнес-субкультура, которую медиа окрестили «экономикой обмена» (см.: Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?).

конструировать адресную, специализированную и персонализированную (таргетированную) информацию¹.

В частности, метод «Больших данных» (Big Data) дает возможность автоматизировать анализ и управление огромными массивами информации, которые не поддаются обработке классическими способами. Метод позволяет системно характеризовать многочисленные аудитории через анализ «цифровых следов», которые каждый из нас оставляет в Сети (в том числе и психологические особенности типичных сегментов, экзистенциальное ядро личности)². «Умные» софтверные технологии становятся значимым фактором сокращения соответствующей группы работников, а также принципиального изменения функций и характера подготовки специалистов социально-коммуникативного профиля, технологический репертуар которых перемещается из гуманитарной области в техническую сферу НБИК-технологий.

Четвертая промышленная революция знаменует начало перехода современной цивилизации к новому типу развития, контуры которого пока весьма туманны. Радикальной трансформации подвергаются практически все сферы жизнедеятельности и ключевые институты общества. Формирующаяся на основе шестого технологического уклада новая цивилизационная модель вытесняет традиционные механизмы солидарности и взаимопомощи, отказывается от базовых ценностей и моральных принципов, регулирующих жизнедеятельность общества. Признаками деградации мировоззренческих матриц материалистической цивилизации являются атомизирующее социум разрушение консолидирующих идеологий, агрессивное отрицание

¹ Участие специалистов по социально-культурным коммуникациям здесь ограничено грамотной постановкой задач, от которых зависят результаты обработки и структурирования данных; раскруткой лидеров мнений; работой с блогерами и сетевыми сообществами и т. д.

² И действительно, чтобы узнать ядро личности, не надо опрашивать человека — достаточно посмотреть на его поведение в Сети или зайти на страничку в Facebook, и «цифровые следы» расскажут о человеке многое. Активно внедряется модель, основанная на анализе трех блоков информации: лайков, языка сообщений и посещаемых интернет-сайтов, включая историю поиска. Данная технология совершеннее всех ранее используемых тестов и вопросников: она позволяет (специалисты утверждают, что с точностью до 90 %) определить уровень интеллекта, вероисповедание и политические пристрастия, семейный статус, сексуальную ориентацию, наличие наркотической зависимости, причины депрессивных состояний и другие особенности. Автор методики — Михал Козински, доцент кафедры организационного поведения Стэнфордской высшей школы бизнеса. Метод «Больших данных» использовала кампания «Cambridge Analytica», которая, как утверждают ее лидеры, внесла существенный вклад в победу 44-го президента США на выборах в 2016 году.

семейных ценностей и тотальная утрата смысла жизни, ввергающая западный мир в демографическую катастрофу.

Однако уже очевидно, что безраздельно доминирующий в последние столетия западный проект модерна вступает в стадию завершения. Классическая модель капитализма, лежащая в основе западной цивилизации, исчерпала свой адаптационный потенциал, который обеспечивал опережающую рефлексию возникающих проблем и выработку сценариев трансформации в соответствии с вызовами времени. О неизбежности смены цивилизационной парадигмы свидетельствует стремительное нарастание глобальных кризисов — геополитического, культурно-антропологического, экологического.

Мировое сообщество начинает осознавать губительные последствия капитализма, который сегодня вступает в противоречие не только с этической базой мировых культур, но и со стремлением человечества к выживанию. Ведущие ученые мира сходятся в главном: сегодняшний капитализм становится недееспособным в долгосрочной перспективе даже с точки зрения его экономической целесообразности¹. Глобальные кризисы ставят под сомнение модель прогресса, реализованную на предшествующем этапе. Выстроенная на базе достижений фундаментальных наук техногенная цивилизация приблизилась к критическим рубежам, вошла в «фазу злокачественного перерождения»², исчерпав возможности экстенсивного развития и породив глобальные кризисы и проблемы³. Идея преобразования мира и подчинения природы как доминанта и «генетический код» западноевропейской цивилизации поставила на грань уничтожения среду обитания человека, существенно модифицировала его собственную природу.

Разрушительной для всего живого стала неолиберальная модель капитализма, которая строится на принципах абсолютной свободы предпринимательства и максимизации прибыли любой ценой, домини-

¹ В частности, мультифакторная производительность (производительность труда и капитала) на Западе в последние сорок лет практически не росла. Экономическая экспансия осуществлялась на базе резервов технологической революции, которая достигла своего «золотого века» в 1960-х годах (см.: *Пепес К.* Указ. соч.).

² См.: *Жутиков М. А.* Демонтаж цивилизации? // Наш современник. 2009. № 9. С. 213.

³ Как правило, в центре внимания оказываются финансовые и экономические проблемы, поскольку они затрагивают главную озабоченность любой власти — контроль над стратегическими ресурсами (см.: *Черешнев В. А., Расторгуев В. Н.* Цивилизационный кризис: оценка ситуации и задачи антикризисной политики // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 155).

нировании финансовых спекуляций и утверждении потребительства как образа жизни¹. Именно эта модель породила глобальные кризисы, связанные с истощением запасов энергии, грядущей экологической катастрофой, климатическими изменениями, миграцией и ростом насилия, растущим риском глобальных техногенных катастроф, достижениями генной инженерии, угрожающими среде обитания и биологической природе человека.

Уничтожением человечества грозят: обострение глобальной конкуренции и конфронтации между западной цивилизацией и мусульманским миром; все более ожесточенные информационные и гибридные войны; исчерпанность невозобновляемых природных ресурсов, обеспечивающих воспроизводство капиталистической социально-экономической модели. «Асфиксию и относительно скорую смерть, а точнее, демонтаж капитализма» приближает истощение к концу XX века ресурсов так называемых «некапиталистических зон», которые формировались в результате глобальной экспансии капитала². Драматизм ситуации усиливает глобальный финансово-экономический кризис, что придает проектам ближайшего будущего размытые контуры.

В результате мир оказался у «красной черты», а человечество — в транзите к новому мировому порядку, и масштабы грядущих перемен поражают воображение³. Спусковым крючком острейшего кризиса всей модели развития цивилизации может стать ожидаемый кризис мировых финансов⁴. Перед лицом финансовой, социально-экономи-

¹ *Гранин Ю. Д.* Столкновение и кризис идентичностей в глобализирующемся мире // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 387.

² «Капитализм — экстенсивно ориентированная система: как только мировая норма прибыли снижалась, капитализм вырывал из некапиталистической зоны ту или иную часть и превращал ее в капиталистическую периферию — источник дешевой рабочей силы и дешевого сырья» (см.: *Фурсов А.* Конспирология // Криптополитэкономика капитализма как основа изучения западных элит. URL: <https://izborsk-club.ru/9551>).

³ *Багдасарян Н. Г.* Культура в глобальных сценариях: партнерство или противостояние? // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 278.

⁴ «Многие наши и западные исследователи глобальных процессов делают совпадающий вывод, с которым трудно не согласиться, что глобализация по-американски (или попытка унифицировать мировое сообщество) — это тупиковый путь, который приведет к серьезным катаклизмам, может вызвать феномен мировой гражданской войны, говорят о страшной деградации и даже гибели человечества как биологического вида. Трудно не разделять подобные опасения, потому что сегодня навязывается однообразный ход развития человеческой цивилизации, которая не имеет альтернативы» (см.: *Иваилов Л. Г.* [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проб-

ческой, расово-политической и геоклиматической катастроф мир ожидает демонтаж капитализма и создание новой системы, параметры которой пока трудно предсказуемы¹.

«Глобальный переход» цивилизации в посткапиталистическую фазу связан с расширением сферы действия технологий, бизнес-моделей и поведенческих стратегий, способных «рассеивать» рыночные силы, социализировать знание, ликвидировать потребность в труде и «подталкивать экономику в сферу изобилия». Он будет опираться на энергетическую систему «с нулевой опорой на углеводороды, на производство машин, продуктов и услуг с нулевыми предельными издержками и на снижение минимального необходимого рабочего времени по возможности до нуля. <...> Мы на краю нового эволюционного скачка за пределы капитализма»². Такая перспектива может стать значимым фактором консолидированных протестных движений глобального масштаба. С одной стороны, «миллионы людей начинают понимать, что им продали мечту, которая в реальности неосуществима. Они отвечают гневом — и отступают к национальным формам капитализма, которые лишь раздирают мир на части». С другой стороны, «создав миллионы включенных в Сеть людей, инфокапитализм создал новый двигатель исторических перемен: образованное и связанное с другими человеческое существо»³.

Переход к шестому технологическому укладу сопровождается усилением духовно-нравственного дискурса в научных кругах и общественном сознании. «Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе. Чем больше он преобразует

лемы национальной идеологии] : стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманитар.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

¹ См.: Фурсов А. Конец эпохи. URL: <http://www.razumei.ru/lib/article/1698>.

² См.: Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?

³ В связи с этим Пол Мейсон напоминает, что более двух столетий тому назад английский журналист Джон Телуолл предвидел возможности превращения фабричных форм промышленности в новую и опасную форму демократии. «Сегодня все общество — фабрика. Мы все участвуем в создании и воссоздании брендов, норм и институтов, нас окружающих. В то же самое время коммуникационные сети, необходимые для ежедневной работы и извлечения прибыли, переполняются общим знанием и недоверием. Сегодня эту сеть нельзя „ни замолчать, ни распустить“⁴. Да, правительства могут закрыть Facebook, Twitter, даже Интернет и мобильные сети целиком — что парализует экономику. И они могут хранить и отслеживать каждый килобит информации, который мы производим. Но они не могут заново восстановить иерархичное, управляемое пропагандой и невежественное общество пятнадцатилетней давности» (см.: Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше?).

мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь»¹. В зарубежном и отечественном философско-культурологическом дискурсе начинает доминировать этическая рефлексия по поводу последствий внедрения новых гуманитарных технологий; поиска эффективных механизмов общественного контроля технических инноваций; утверждения приоритета социальной ответственности и механизмов ее справедливого распределения. Морально ответственные гуманитарии ставят глобальную проблему выработки ценностно-нормативного фундамента «самоограничения потребностей», поскольку взвинченная системой маркетинга потребительская зависимость чревата тотальным пожиранием земных ресурсов. Все активнее утверждается концепция «активной ответственности» (М. Бовенс), которую сознательно принимает на себя субъект. Эта концепция противопоставляется принципу «пассивной ответственности», возлагаемой извне. Активная ответственность означает, что специалист уже на стадии замысла прогнозирует возможные негативные последствия и думает об их предотвращении, тем самым наделяя технологию социальным и моральным измерениями, рассматривая ее с точки зрения приемлемости. Эти тенденции внушают надежду на гармонизацию социально-трудовых отношений в грядущем мире.

¹ *Степин В. С.* Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 45.

Глава 2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ: ЗОНЫ ДИССОНАНСА И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСЕНСУСА

Интегральной характеристикой национальной культуры в ее антропологическом измерении выступает ментальность как архетипический субстрат национального самосознания, фиксирующий имплицитные структуры психического склада нации, генетически и социально укорененные в сознании и сфере бессознательного многих поколений людей и объединяющие различные исторические эпохи в развитии национальной истории и культуры¹. Ментальность фиксирует специфическую для данной культуры систему базовых ценностей, «модели» смысла жизни, образ мира и национального «я», способы самосознания субъекта культуры, основания и модели национально-культурной идентичности, мало меняющиеся в политической и культурной истории. С одной стороны, базовые характеристики ментальности передаются в генотипе, влияя на этнокультурную реальность, с другой — сама эта реальность формирует ментальные характеристики, передающиеся следующим поколениям. В исторической жизни народа ментальность как базовое основание коллективного мировосприятия, мировоззрения и поведения определяет и выражает общую духовную настроенность, совокупность образов, идей, верований, добра и зла, идеалов справедливости и должного.

Ментальную матрицу национальной культуры определяют девять психокультурных доминант и соответствующих поведенческих сценариев: синтетическое, недифференцированное, духовно-целостное отношение к миру; тоталитарность мировоззрения и мировосприятия; интровертированный вектор ментальности; проектный максимализм Русского мира; инверсированность национального самосознания; катастрофизм и эсхатологизм восприятия мира и собственной истории; маргинальность («идентификационная проблематичность») субъек-

¹ Вальцев С. В. Социально-психологические особенности национального менталитета (на примере русских и осетин) : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. С. 31–32.

та российской цивилизации; «логоцентризм» как экзистенциальная доминанта социально-культурного творчества; патернализм как ментальная черта и ресурс сотрудничества народа и власти¹.

Охарактеризуем те ментальные паттерны, которые, с одной стороны, определяют иерархию культурных ценностей и аксиологические матрицы трудовой этики, с другой — детерминируют поведенческие сценарии, сохраняющие и воспроизводящие свой конфликтогенный потенциал на всех уровнях жизнедеятельности общественной системы.

Тоталитарность мировоззрения и мировосприятия

Синтетичный характер мировосприятия, с одной стороны, и психологическая сосредоточенность на внутреннем мире и субъективных состояниях — с другой, делают русскую культуру тоталитарной, то есть целостной и одновременно нетерпимой к иным позициям, ценностям, мировоззрениям, претендующей на знание абсолютной истины, смысла человеческого бытия. Тоталитарная ментальность сознания — это поиск целостности, «последней» правды-истины, абсолютной справедливости — поиск, который неизбежно придает духовно-нравственным и социальным исканиям оттенок фанатизма, это максимализм идеала и готовность идти на любые жертвы во имя его осуществления, это аскетизм, который в своих крайних проявлениях требует «жертвовать многим во имя единого» (Н. А. Бердяев).

Это стремление к пределу, Абсолюту является одной из устойчивых и типичных черт российского характера, которая прослеживается на протяжении всей истории, включая и последние десятилетия. Даже нарастание «атеистической энергии» в русском общественном сознании во второй половине XIX века нельзя считать периодом «обезбоженья», ибо параллельно атеизму росла «религиозная одержимость служения делу России», а исчезновение чувства «религиозного Предмета» совпадает с ростом «религиозного отношения к предмету своего служения»².

В предыдущие десятилетия эта черта проявилась в стремлении жить и готовности выносить страдания и жизненные лишения во имя «светлого будущего», счастья следующих поколений, «царства соци-

¹ Характеристика ментальных особенностей русской культуры представлена в работах А. П. Маркова: Отечественная культура как предмет культурологии : учеб. пособие. СПб. : СПбГУП, 1996 ; Русская цивилизация в глобальном мире. СПб. : СПбГУП, 2017.

² *Степун Ф. А.* Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 228.

альной справедливости». Абсолютизация задач в идеологии и практике большевиков в конце концов привела к самоликвидации даже тех достижений, которые были обязаны этой идеологии — в силу беспрепятственного повышения революционности задач, доведения их до такого предела, за которым властвует стихия полного разрушения.

Тоталитарность русской культуры проявлялась как на уровне государственной политики (цензура, уничтожение инакомыслия) и в институциональной культуре (стремление философии и литературы проповедовать, учить, вести за собой), так и в неинституциональной сфере, о чем свидетельствует взаимная и личностно окрашенная непримиримость почвенников и западников, «добровольная» травля представителей российской интеллигенции в XIX веке (Гоголя, Леонтьева, Писемского, Лескова) «собратьями по перу», массовое участие в разоблачении «врагов народа» в эпоху сталинизма, гонения на интеллигенцию в 1940–1960-е годы, взаимная ненависть сегодняшних представителей либерально-демократического лагеря и сторонников социалистической и консервативной модели государственного и общественного устройства России.

Духовная напряженность особенно характерна для истории «русской идеи» с ее субъективистским стремлением к запредельному, высшему совершенству, в том числе и насильственными методами. Характеризуя русскую мысль XIX века, Н. Бердяев отмечает ее тоталитарность, невозможность оставаться в рамках «отвлеченно-философской» позиции, стремление вобрать в себя религиозный, социальный и моральный пафос. Несмотря на мировоззренческую оппозицию русского самосознания XIX века с его «двояким исходом» (у славянофилов — в религию и веру, у западников — в революцию и социализм), она имеет общее ментальное основание — стремление к целостному, тоталитарному мирозерцанию, к «соединению философии с жизнью, теории с практикой». «Русская интеллигенция, — писал он, — всегда стремилась выработать в себе тоталитарное, целостное мирозерцание, в котором правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью»¹.

Чем категоричнее становилась идея, тем непримиримее был ее носитель. Эта динамика прослеживается в развитии идей и соответствующей смене «врагов» и «героев»: от Герцена с его позицией недопустимости человеческих жертв во имя решения «великих задач» и превращения личности в орудие «нечеловеческих целей»

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Филос. о-во СССР, 1990. С. 69, 90, 91.

к социалистам, народникам, большевикам и коммунистам, уже открыто применяющим метод «железной руки», загоняющей человечество в счастливое будущее. Если для славянофилов антиподом была западная модель культуры, «первородным грехом» которой был рационализм, подвергавшийся всесторонней, но «мягкой» критике, а западники, разделяя многие ценности и идеи славянофилов, всего лишь сомневались в выдающихся достоинствах и целесообразности реставрации прошлого России, то революционная интеллигенция второй половины XIX века в этом смысле резко отличается от своих предшественников более узким сознанием, вытеснившим многие ценности славянофилов и западников, нетерпимостью к любому инакомыслию. От «отвлеченного» и просветительского идеализма она переходит к идеализму «конкретному», который не останавливается ни перед чем во имя достижения своих идеалов¹. Фанатизм, тоталитарность революционной интеллигенции хорошо иллюстрирует письмо Белинского к Боткину, где он пишет: «Во мне развилась какая-то дикая, бешеная любовь к свободе и независимости человеческой личности, которая возможна только при обществе, основанном на правде и доблести <...> Я понял Французскую революцию, понял и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделиться от братства с человечеством. Я теперь в новой крайности — это идея социализма, которая стала для меня идеей новой, бытием бытия; вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания <...> Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную <...> Социальность, социальность или смерть!»²

Необходимо отметить, что направленность человеческих помыслов в идеальную сферу («на небо») вместе с духовной напряженностью несет в себе неверие в земного человека и может вполне гармонично уживаться с целым рядом негативных с этической точки зрения качеств. Красота идеальных устремлений может соседствовать (не обязательно в одном человеке — в народе, нации) с антигуманистическими наклонностями, благочестие — с грехом, «любовь к горнему» — с холодностью, эгоизмом и безнравственностью в отношении к человеку³.

¹ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 94.

² Цит. по: Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 109.

³ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Антихрист: антол. / сост., коммент. А. С. Гришина, К. Г. Исупова. М.: Высш. шк., 1995. С. 190.

Проектный максимализм Русского мира

Теневой стороной мировоззренческой целостности, идейности и простоты российского менталитета является психологически обусловленное черно-белое видение явлений социальной действительности, готовность к ее резким, радикальным преобразованиям, невозможность соединить в рамках одного сознания объективно существующие противоречия. Выбор жизненной стратегии русский человек всегда осуществляет по принципу «или-или»¹. В русской культуре отсутствует «серое» звено между белым и черным, между «наш» и «не наш», которое объясняет стремление русских к крайностям («кто не с нами, тот против нас»).

Эта черта в значительной мере определила характер трагических для России событий и революционных проектов, в основе которых лежит «эксплуатация» одной из сторон национального характера при игнорировании других его существенных черт. В результате усиливается кризис идентичности (или даже происходит смена «знака» в ценностных предпочтениях общества), сопровождаемый мощным выбросом негативной социальной энергии. Именно это произошло в 1917 году, когда на смену религиозности, бытовой непритязательности, смирению и самоограничению пришла «люциферианская» психология классовой ненависти, самоуверенности и самоутверждения. Причину происшедшей и мало кем ожидаемой социальной катастрофы С. А. Аскольдов видел в нарушении гармонии трех основных начал русской души, преувеличении одной из ее ипостасей. Первым злом, скрытым в формах старого дореволюционного режима и вместе с тем ставшим «первотолчком» революции, он считал «обособленность святого начала от человеческого — злоупотребление дарованной ему в виде особого таланта свободой от требований гуманистической этики и общественности», которое вызвало «причудливое сплетение» святого и греховного, низменного, недостойного. Второе зло заключается в «изолированном выступлении гуманистического начала в качестве самодовлеющей инстанции с негодными средствами адвокатской риторики, приведшем к победе зверя и над святым,

¹ Характерный исторический пример: князь Владимир, фанатичный поклонник идолов, долго и мучительно выбиравший государственную религию, став христианином, гораздо больше проникся евангельским духом, чем крестившие его греческие епископы. Теперь уже им пришлось убеждать некогда кровожадного князя в необходимости применять смертную казнь к бандитам и разбойникам (см.: *Соловьев В. С.* Русская идея. М., 1992. С. 194). Такую же контрастную логику демонстрируют и сегодняшние ультралибералы, в большинстве своем поменявшие коммунистические принципы на противоположную систему ценностей.

и над человеком». И третье зло — «злота природного зверя, наравленного и на святое, и на человеческое во имя будущего царства зверя апокалипсического»¹.

Проектный максимализм нашел свое выражение в коммунистической идеологии, в которой сочетались ориентация на идеал и утопическая вера в его земное осуществление (а утопия есть атака будущего на настоящее), причем на идеал совершенного общества, а не на нравственный или эстетический, с отсутствием интереса или даже негативным отношением к прошлому и настоящему, к жизни реального человека, к проблемам его повседневного существования. Одновременно исповедовался сверхрационализм, перенесенный из философского и научного знания в практику социального переустройства общества². Идеационно-интровертированный вектор ментальности Русского мира способствовал довольно быстрому и массовому усвоению социалистической и коммунистической идеологии, которая строилась на чисто идеальных и отвлеченных от реалий моделях «железного будущего», «Царства Божия» на земле. Разменяв «религиозную бездну» народной души (а точнее, подменив ее) на «апокалипсис» по сценарию Маркса, большевики, как отмечал Ф. Степун, сохранили и довели до предела «разгул безмерности, любовь к горизонту и презрение к порогу, профессиональное прожектерство и дилетантское строительство», бессознательную религиозность на основе уже безрелигиозного сознания³. Идеиная напряженность задач в сфере жизненного строительства на массовом уровне требовала простых и четких схем-лозунгов, объясняющих сложные социальные процессы и явления и дающих конкретные способы воздействия на них. Отвергая прошлое, в основу «реального задания будущему» большевиками была поставлена «мертвая доктрина», «жизненность» которой придавалась культивированием «извращенного религиозного фанатизма и героического лжеидеализма»⁴.

К этому можно добавить: одновременно эксплуатировались такие черты, как стремление к социальной справедливости, готовность жертвовать личным во имя идеи. Арнольд Тойнби в связи с этим отмечал: «Коммунизм, который является одной из разновидностей новейших религий, по моему мнению, представляет собой страницу

¹ *Аскольдов С. А.* Указ. соч. С. 206.

² См.: *Черткова Е.* Утопия как тип сознания // *Общественные науки и современность.* 1993. № 3.

³ *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 226.

⁴ *Суевичский П.* К преодолению революции // *Европейский альманах. История. Традиции. Культура.* М.: Наука, 1993. С. 60.

из книги христианства, страницу, вырванную и неправильно прочитанную. Демократия — другая страница из той же книги христианства, которая, боюсь, тоже вырвана и хотя, может быть, прочитана правильно, но наполовину обесмыслена тем, что оказалась отделена от своего христианского контекста и секуляризована; мы, по всей видимости, уже в течение нескольких поколений живем на духовный капитал, то есть пытаемся поступать по-христиански, не обладая христианской верой, а действия, не подкрепляемые верой, есть невосполнимая растрата, что мы и обнаружили, к нашему горю, в этом поколении» (А. Тойнби).

Проектный максимализм характерен и для духовных поисков и сценариев. Несмотря на «онтологические ужасы» и эмпирическое многообразие форм «зла» в российской истории, традиционно основным пространством противоборства русская культура считала душу человека. Именно в силу такой традиции С. А. Аскольдов видел «величайшее религиозное значение» революции в формировании и укреплении человеческой духовности. Он считал, что сопровождающие ее бедствия и ужасы одних приведут к религии «после многих лет отпадения», других укрепят в религии, «научат религиозному подвигу». Вырастет число мучеников за Христа и Церковь, людей протестующих, посильно сопротивляющихся, сознательно не принимающих в свою душу зло и «проясняющиеся начертания зверя». Созреют навыки борьбы, «которая должна разыгаться в последние дни, в те дни, когда принять участие в антихристовом государстве будет уже непрощаемым грехом», не слышно, но прочно «сгущаются те духовные качества, которые будут нужны для создания нового организма Царства Божия»¹. И даже если зло будет расти количественно, достигнет внешнего «эмпирического торжества», зрелость духовных качеств и ценностей «может дать некоторый плод и на фоне общего увядания и скрытой готовности к смерти». Из посевов добра, которые «произведены бедствиями, мученичествами и другими испытаниями и научениями русской революции», человечеству, «может быть, предстоит пережить кратковременную счастлившую осень жизни», которая станет воплощением «христианских идеалов общественности»².

«Безмерность» русской души и склонность русского человека впадать в крайности Н. Бердяев объяснял двумя обстоятельствами: вопервых, необъятностью русской земли, которая «сформировала со-

¹ Сувчинский П. Указ. соч. С. 57.

² Там же. С. 58.

ответствующую духовную организацию с огромной силой стихии, слабостью формы и обращенностью в бесконечное». Во-вторых, высокую степень поляризации самосознания русского человека он видел в географических особенностях, наложивших неизгладимый отпечаток на характер русской культуры. «Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира»¹.

В православии эта внутренняя противоречивость объясняется и оправдывается внеличными факторами — непримиримой борьбой вселенских сил добра и зла на пространстве человеческой души, извечным противоборством устремлений человека к Богу и дьяволу. И если полюс положительных качеств имел «легальный» характер, включался в ядро национального менталитета, то периоды «сгущения зла» объяснялись переключением энергии народа посредством подмены знака духовных ценностей и символов².

Катастрофизм и эсхатологизм восприятия мира и собственной истории

Эту поистине драматическую черту русского самосознания Н. Бердяев объяснял следующим образом: «Есть два преобладающих мифа, которые могут стать динамическими в жизни народа — миф о происхождении и миф о конце. У русских преобладает второй миф — миф эсхатологический»³. Именно эта черта определила специфику «русской идеи», духовные искания XIX века и характер социальных экспериментов XX века. Стремление к прогрессу, социализму, революции, к «последним результатам мировой цивилизации» неизбежно сопровождалось «глубоким и острым осознанием пустоты,

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 41.

² Блоковский образ «Впереди Иисус Христос» означает, по мнению С. Булгакова, что поэт, как и весь народ, неосознанно и непреднамеренно воспринял как Христа идущего впереди самозванца Антихриста. С учетом российского менталитета это вполне объяснимо: наивно поверив обещаниям вождя, можно невинно, по-детски непосредственно совершать поступки, исключающие и дискредитирующие суть идеала, вроде не отказываясь от него. Детскими качествами «наивности и доверчивости» по отношению к «большой лжи», которые формировались в условиях соборности самосознания и общинности русского бытия, «оправдывал» склонность русского человека к инверсии идеала и П. Я. Чаадаев.

³ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 71.

уродства, бездушия и мешанства всех результатов мирового прогресса, революции, цивилизации»¹. Эсхатологическая окраска «русской идеи», ее обращенность к предельному, конечному резко отличает ее от философской и социологической мысли Западной Европы, за исключением, пожалуй, Германии, которая устами Ницше оповестила мир о конце царствования человека.

Катастрофизм и эсхатологизм восприятия мира (включая собственную историю и судьбу) во многом обусловлены объективными факторами — по частоте и остроте переживания общественно-политических и социально-культурных кризисов их можно считать эмпирической неизбежностью российской истории, составной частью судьбы России и в определенном смысле трагической печатью ее специфики. Говоря о катастрофичности русской культуры, Н. А. Бердяев называет пять периодов, когда Россия вынуждена была заново начинать выстраивать свой духовный образ: Киевская Русь, Русь времен татарского ига, Московская Русь, Россия петровская и Россия советская². Сегодня Россия переживает очередную драму утраты и поиска культурной самоидентичности.

Однако онтологическую драму российской истории можно рассматривать и как следствие психологической готовности принимать зло как неизбежный и даже необходимый компонент индивидуальной (духовной) и социальной жизни. Поэтому русская мысль периодически обращается к обоснованию целесообразности кризисных ситуаций, к концепции функциональной осмысленности кризиса с точки зрения поиска перспектив развития общества, то есть принимает зло как нечто закономерное и должное. Даже в социалистической революции ее жертвы и принципиальные противники, наряду с фиксацией разрушительной функции, видели и положительные моменты. С одной стороны, русский философ С. А. Аскольдов уже в 1918 году находил религиозный пафос русской революции в ее богоборчестве, в отрицательном религиозном пафосе строительства «царства земного», которое заменяет идеал Царства Небесного. Свое персонифицированное выражение это «антихристово движение», по его мнению, нашло в «третьем герое» русской революции — Ленине³. С другой стороны, он же видел и положительный смысл русской революции. Во-первых, как полагал философ, она есть еще один шаг на пути осуществления «религиозного смысла истории», ибо колоссальными

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 71.

² Там же. С. 55.

³ Аскольдов С. А. Указ. соч. С. 205.

усилиями «развязывает» сложное переплетение добра и зла, делает их взаимно свободными и позволяет тем самым отречься от зла. Достоинством революции он считал ее способность обнажить зло в явных, «созревших» формах, когда его плоды «спадают» с породившего их организма и обнаруживают свою природу, разделить зло и добро, выявив то и другое «в наиболее яркой форме»¹. «Так строящийся град князя мира сего своим строительством с роковою неизбежностью, по закону антагонизма сил, выявляет и обособляет другой град, град Божий. И ныне именно Россия есть главная арена этих противоборствующих созиданий»². Во-вторых, за революцией, считал он, после политической реакции, для которой характерно загущение духовной жизни, «утомление и общее безверие», позволяющее «все принимать и со всем мириться», неизбежно следует («если у нации есть еще социальная энергия») период возрождения³.

Значительная часть энергии борьбы русской культуры была направлена на подавление ее подсознания, которое составляли не только рациональные ценности западного миропорядка (как антитеза идеального), но и стихия языческой жизни с ее гедонизмом, культом чувственных, телесных наслаждений, активно вытесняемая за границы культуры еще со времен Крещения Руси. И это вполне объяснимо, ибо целостность и органичность православного мировоззрения есть одновременно его сила и слабость: «микроб» другой системы ценностей поражает сразу весь культурный «организм», который теряет иммунитет и на период «болезни» может менять знак своей системы ценностей на противоположный. Вот почему русская культура находится в состоянии вечной борьбы — с дьяволом-искусителем, мещанством, Западом, чуждой идеологией, инакомыслием, рынком и т. д.

По Ф. М. Достоевскому, зло есть необходимый элемент эволюции добра и одновременно трагический путь человека. Оно антиномично: можно обогатиться от опыта зла, но для этого надо пройти через страдание, испытать ужас гибели, избличить зло, свергнуть его в адский огонь, искупить вину. Н. Бердяев отмечал, что «у русского Достоевского Бог и Дьявол борются в самых глубинах человеческого духа. Зло имеет глубинную, духовную природу. Поле битвы Бога и Дьявола очень глубоко заложено в человеческой природе». В этой же плоскости Достоевский решает и проблему возмездия, наказания

¹ Аскольдов С. А. Указ. соч. С. 197.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 185.

человека, ставшего на путь зла. За все, что человек делает, его ждет возмездие, ибо преступления без наказания не бывает. Наказание содержится в самой глубинной основе человеческой совести, в глубине собственной природы человека. Самое страшное зло — самодовольство во зле. И только через страдание человек очищает душу, нравственно совершенствуется.

Маргинальность («идентификационная проблематичность») субъекта российской цивилизации

Незавершенность в системе базовых координат бытия, ценностно-ориентационная инверсированность, духовно-нравственная амбивалентность обусловлены совокупностью факторов. Вызванная особенностями национальной психологии, этнической неоднородностью и «посредническим» положением России между Востоком и Западом она ставит русскую культуру в ситуацию «актуальной нестабильности» и потенциальной незавершенности — Русский мир всегда свободен и открыт — как для всякого рода социальных экспериментов, так и для различных вариантов саморазвития, преобразования. Эта географическая (континентальная), культурная и психологическая «маргинальность» выражена в образах России-щита, а точнее — России-пути (П. М. Бицилли), которая или мчится куда-то, как гоголевская тройка, не давая ответа — куда; или тяжело тянет свой крест, как тянут свой груз трое обессилевших детей на картине «Тройка» Перова.

Обусловленная незавершенностью «свобода выбора пути» постоянно нуждается в мощной скрепляющей силе идеала. Как только последний рушится, российское общество вступает в период системного кризиса: распадается не только культура, но и экономика, государственность, деградирует сама нравственная основа человека, обнаруживая мощное влечение ко злу и энергию тотального разрушения. Эту связь отмечал Ф. Степун, который писал, что «широта человека, которого, по мнению Мити Карамазова, нужно было сузить, — широта, конечно, не общечеловеческая, а типично русская. В этой страшной русской широте самое страшное — жуткая близость идеала Мадонны и идеала Содомского <...> В этих особенностях заложены как бесконечные возможности религиозного восхождения русской души, так и страшные возможности ее срыва в преисподнюю небытия. В этот срыв русская душа неизбежно вовлекается всякий раз, как только, не теряя психологического стиля религиозности: своего максимализма, своей одержимости противоречиями, своего испулен-

ного искания во всем последнего конца, она внезапно теряет свою направленность на абсолютное, свое живое чувство Бога»¹.

В контексте данной специфики становится более понятной и основная мировоззренческая, «культурологическая» причина русских революций. Действительно, к тому времени было разрушено (или переживало острый кризис) то духовное целое, что объединяло и скрепляло русскую культуру и государственность. Анализируя причины распада России в 1918–1919 годах и пытаясь понять истоки кризиса традиций, которые еще вчера казались вековыми устоями, Н. С. Трубецкой писал: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли „русскою культурой“. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это совершилось»². Причину распада России евразийцы видели в отсутствии объединяющей идеи, «державно-исторического задания и самопонимания»³. Соответственно пути воссоздания российской культуры и государственности они видели в осознании и обосновании идеи исторического и культурного единства народов России. Это понимали и учитывали большевики, не случайно почти сразу после захвата власти они вынуждены были чрезвычайными, насильственными мерами восстанавливать разрушенное единство. Этот процесс завершился лишь в сталинскую эпоху, когда были задействованы все механизмы государственно-общественной консолидации — идеологическая обработка масс и формирование патриотических чувств, сознания исключительности народа и страны, первой построившей социализм (то есть возрождение русской национальной идеи в форме своеобразного «социалистического патриотизма»); консолидация общества в массовом порыве поиска и борьбы с внутренним и внешним врагом; деспотизм и насилие органов государственной защиты и охраны и др.

Инверсированность национального самосознания

Мировоззренческая целостность (тоталитарность) национально-самосознания существует преимущественно в пространстве «здесь и теперь». В системе координат «вчера–сегодня–завтра» она оборачивается внутренней непоследовательностью и противоречивостью⁴. Это значит, что каждую черту национального характера (даже в том

¹ Степун Ф. А. Указ. соч. С. 214.

² Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 94.

³ Сувчинский П. Указ. соч. С. 52.

⁴ См.: Марков А. П. Отечественная культура как предмет культурологии.

случае, если она стремится к Абсолюту) на противоположном полюсе периодически уравнивает оппозиционное качество: на одном полюсе — смирение, милосердие, сострадание, бескорыстие и жертвенность русского человека, религиозный фанатизм русских старообрядцев с исходом в самосожжение; на другом — вспышки деспотизма и нравственного беспредела, периодически проявляющаяся страсть к разрушению и уничтожению, массовый атеистический разгул. Эта психологическая и мировоззренческая амбивалентность была характерна для всех слоев русского общества¹. Описывая противоречивость характера русского народа, Н. Бердяев отмечал такие качества, как деспотизм, гипертрофия государства и в то же время анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и при этом доброта, человечность, мягкость; обрядоверие — и искание правды; обостренное сознание личности, индивидуализм — и безличный коллективизм; национализм, самохвальство — и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность — и внешнее благочестие; искание Бога — и воинствующее безбожие; смирение — и наглость; рабство — и бунтарство².

Целостность, «простота» и бескомпромиссность на индивидуальном уровне, кроме обозначенных выше негативных последствий, оказываются разорванностью на уровне национального самосознания, которое представлено в России по-своему целостными и органичными, но взаимоисключающими полюсами. Крайности всегда противостоят мировоззренческая противоположность: или в персонифицированных образах религиозных и общественных деятелей (Никон и Аввакум); или в виде реального конфликта социальных сил (нестяжатели—иосифляне, белые—красные); или в форме противоборствующих идеологий (почвенники—западники, демократы—коммунисты и т. д.).

Разрыв национального самосознания (в том числе и в его крайних формах «раскола») проходит сквозь всю русскую историю. В XV веке он был связан с именами Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, которые стали символическими образами двух полюсов русского христианства. Как известно, первый был представителем православия государственного, жестокого, властолюбивого, агрес-

¹ «Всякая народная индивидуальность, как и индивидуальность человека, есть микрокосм и потому включает в себе противоречия, но это бывает в разной степени. По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить с народом еврейским. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание» (*Бердяев Н. А. Судьба России.* С. 41).

² Там же. С. 45.

сивным сторонником нетерпимости к любому инакомыслию, вплоть до физической расправы. Нил Сорский отстаивал духовный вариант христианства, свободный от государственного диктата и насилия. В XVII веке русская жизнь была потрясена эпохой Смуты, которая, как считает Н. Бердяев, изменила «народную психику» духовным расколом. В XVIII веке оппозиция культурных полюсов была инициирована реформами Петра I, а весь петровский период стал эпохой «борьбы Востока и Запада в душе русской»¹. В XIX веке антиномическая природа русского самосознания, как известно, выразилась и оформилась в мировоззрении славянофилов и западников. Центральной темой социально-философской мысли того периода становится оппозиция «Россия–Запад». Символами этих взаимоисключающих идей стали Петербург и Москва, явившие собой два пути развития России, две стороны национального мифа. А. Герцен в свое время сравнивал двойственный характер национального самосознания русских с византийским орлом, который был центральным образом российского герба: две головы, обращенные в разные стороны — на Запад и Восток.

Противоречивым было и отношение к государству, хотя этатизм, как уже отмечалось, является существенной чертой российской ментальности. С одной стороны, идея Москвы как «Третьего Рима», легитимирующая экспансионистскую политику Московского государства; акцент в самосознании на исключительности, силе и величии русского государства, богоизбранничестве царя; государственный абсолютизм и деспотизм, принимаемый народом как естественное и должное. С другой стороны, казачья вольница и народные бунты, самозванство и анархия, государственный нигилизм леворадикального движения с его исходом в революцию и призывами к бескомпромиссной борьбе с государством любыми способами, в том числе и с помощью террора.

Похожие тенденции наблюдаются и в духовной жизни общества: утверждение незыблемости основ православной веры и постоянный, на протяжении всей русской истории, уход от официальной церковности в виде сект, ереси, церковного раскола XVII века, масонства XVIII века и, наконец, фанатичного атеизма XIX–XX веков.

Наиболее ярко «противоречивая целостность» (или «целостная противоречивость») обнаруживает себя в психологических и мировоззренческих «шараханиях» революционной интеллигенции конца

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 55.

XIX — начала XX века: от самоотречения и жертвенности, комплекса вины перед народом до беспредельной жестокости; от самосожжения в революции до массовых репрессий по отношению к «обожествляемому» ею народу. Атеизм интеллигентов-социалистов естественно уживался с религиозной фанатичностью их идей; высокая нравственность идеалов и целей — с безнравственностью и аморальностью средств. Социалистический период российской истории также дает достаточно материала, чтобы увидеть, как аскетизм идеалов вполне органично сосуществовал с эгоизмом и гедонизмом их проповедников.

Мировоззренческая противоречивость самосознания является довольно устойчивой традицией российской культуры, не утратившей своей энергии и сегодня. В частности, по критерию оппозиционности идеологий существующее «партийное» многообразие распределяется по двум хорошо знакомым русской истории полюсам (мировоззренческую суть которых Вл. Соловьев в свое время обозначил шуточными образами «веры в Бога» и «веры в обезьяну»): с одной стороны, патриотизм, православие (в крайних формах — реакционный национализм), с другой — либерализм, «просвещенческий рационализм», атеизм, космополитизм.

Однако оппозиция «Восток–Запад» — лишь поверхностный пласт проявления противоречивости национального самосознания. Амбивалентность оказывается многослойной и проникает внутрь каждой из оппозиций. Даже внешне единый западнический лагерь всегда представлял собой два течения: одно — умеренно либеральное, ориентированное на философские концепции и политологические парадигмы Запада; другое — революционное, в зоне интересов которого были идеи французских социалистов¹. Сам образ Запада для одних представителей западнического крыла — модель рая земного, мир просвещения, закона и свободы человека, для других — общество кризисов и распада, хищничества и индивидуализма, разврата и насилия².

¹ См.: *Барабанов Е. В.* Россия — Запад: взгляд издалека // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 59–66.

² Для недавней истории характерным в этом смысле примером можно считать этап становления демократического движения во второй половине 1980-х годов, когда внутри демократического лагеря обнаружилось принципиальное размежевание, оппозиция, символизируемая фигурами Солженицына и Сахарова: национал-либералы и радикал-демократы. Одни провозглашали ценности национального единства и согласия, идеи «великодержавности», возвращающие нас в дофевральскую Россию; другие приветствовали развал государства, предостерегали от опасности «великодержавности»

Амбивалентно сегодня и отношение к собственной истории и культуре: с одной стороны, убежденность в ее самобытности и уникальности; с другой — самобичевание и фиксация внимания на своей униженности и неполноценности. Конфликт русского самосознания носит «невротический характер», ибо в нем постоянно воспроизводятся противоречия между действительностью и фантазиями, между стремлением отыскать смысл России в прошлом и грандиозными проектами глобального переустройства жизни, между самобичеванием и стремлением осчастливить мир¹.

Инверсированность российского самосознания выражается еще и в том, что усиление и манифестация ценностных ориентаций на одном полюсе неизбежно вызывают активизацию противоположной тенденции. В частности, всплеск западнических настроений в российском обществе первой половины XIX века активизировал процесс формирования славянофильской идеологии; экспансия либерально-демократических ценностей сегодня парадоксальным образом повысила привлекательность и расширила социальную базу коммунистической идеологии. В советский период противоречивость российского самосознания частично притуплялась из-за авторитарности политических структур и диктата коммунистической идеологии. В настоящее время тлеющий кризис национально-культурного самосознания резко усилился в связи с распадом «онтологического» и ценностного пространства российской государственности и культуры.

На наш взгляд, мировоззренческие истоки психологической противоречивости русского характера связаны с «травмой детства» русской культуры — насилием духа над природой в период христианизации Руси, когда в противовес мощной природной, дионисийско-языческой стихии возникала сильная и воинствующая духовная оппозиция в форме аскетического православия. С того времени ценностную и психологическую оппозицию в русской культуре можно представить в виде прогивоборствующих начал (образов, символов) «неба» и «земли», идеального и материального, потребностей «верха» и «низа» человеческого тела. Первая группа символов в конце концов определила ядро сознания русской культуры, а вторая — ее подсознательную стихию, и борьба между ними не прекращается и по сей день. Психодрама детства русской культуры генетически

и наследования Россией имперских традиций, видели исцеление страны на пути возвращения в лоно демократических цивилизаций (см.: *Иванова Н.* Русский вопрос // Знамя. 1992. № 1. С. 198).

¹ См.: *Барабанов Е. В.* Указ. соч.

обрекает ее на бесконечное «проживание» в новых исторических контекстах одних и тех же проблем, определяет ее неспособность когда-либо «повзрослеть».

Данная черта национального менталитета, существенно усиленная отсутствием ценностей в жизненном пространстве «здесь и теперь» и вступающая в резонансные отношения с этнической неоднородностью страны, помимо издержек социально-психологического характера, делает Россию пространством потенциальных конфликтов, разрывает русскую культуру на взаимоисключающие устремления западников и почвенников, обращает ее или в прошлое, которое видится как идеальное мироустройство, или в «иное» пространство западного мира, которое начинает восприниматься как рай земной. Все это периодически ставит русскую культуру в ситуацию нереализованной потенции, так как образы прошлого и замыслы будущего переводятся в актуальность и удерживаются энергией и ценностями настоящего, которые минимально представлены в системе координат русской культуры. Разорванность самосознания постоянно воспроизводит в русской истории алгоритм маятника: от архаики к попытке модернизации — и откат обратно, в «хтоническую пропасть». Поэтому Россия всегда будет совершать возвратно-поступательное движение: кризис, перезревшие реформы, медленный откат в архаику, назревание нового кризиса. И так до тех пор, пока в обществе не созреет потребность утвердить между двумя крайностями «нейтральное аксиологическое пространство» (А. Ахиезер)¹.

2.2. КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ МИССИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

К сожалению, в постиндустриальную эпоху дух капиталистической экономики охватывает все сферы человеческого бытия, разрушая духовно-нравственные матрицы культурной системы. Рынок выступает уже не только способом коммуникации производителя и потребителя, как это было в классическом капитализме. Идеология маркетинга становится тотальным мировоззрением, средством «отваривания» тех явлений и аспектов бытия, которые ранее принципиально не входили в зону компетенции товарно-денежных отношений,

¹ См.: *Ахиезер А.* Россия. Критика исторического опыта. URL: http://tulibs.com/rulib/sci_culture/ahiezer/0/j65.html.

он стремится превратить в товар все составляющие бытия — культурные ценности, демократию, любовь, детородную функцию женщины и т. д. По сути, формируется «новая антропология», основу которой составляют жизненные стратегии успеха и материального процветания, гедонизма и индивидуализма, в то время как нравственность и духовность вытесняются на периферию экзистенции и жизненных приоритетов. В результате доминирующий в европейской культуре эпохи постмодерна антропологический тип оказывается в оппозиции к возникшей еще в древности гуманистической концепции человека, которая возвышала его верой в добро и справедливость, созидание и духовные возможности, утверждала эту веру в образах художественной культуры, в текстах философско-религиозной мысли, в этических и педагогических концепциях, воплощала в практике ключевых социальных институтов, обеспечивающих аккумуляцию духовного опыта и культурную преемственность.

Усиление в структуре социально-трудовых отношений смыслообразующей и консолидирующей роли духовно-нравственной составляющей предполагает: реабилитацию ценностей духовности и нестяжательства, способных обуздать сегодняшний «гедонистический беспредел» и эгоистический разгул; компенсацию дефицитов справедливости института права в этике социально-трудовых отношений.

Для оздоровления общественной идеологии и создания благоприятной духовно-нравственной атмосферы — как в масштабах всего общества, так и в трудовых коллективах — необходима целенаправленная государственная политика, консолидирующая усилия всех здоровых сил общества (и прежде всего образования, средств массовых коммуникаций, искусства). Неслучайно в контексте информационных войн главным ресурсом разрушения русской цивилизации становятся человеческие слабости и искушения, прежде всего культ гордыни и массовое поклонение золотому тельцу. Эти идолы «свободы» несут неумеренность в плотской жизни и равнодушие к духовной сфере, изнутри растлевают нравственную основу, делая человека готовым принести в жертву материальному благополучию самое дорогое — честь, достоинство, сострадание, любовь, семейное счастье. Поклонение мамоне есть не просто культ денег — это сущностное перераспределение духовной и психической энергии, когда в погоне за богатством, деньгами, славой распалются страсти и бессмысленно растрачиваются невозполнимые ресурсы — время и энергия; когда суетное и непреодолимое стремление к благам мира сего пожирает

энергию душ и сердец. Деньги в этой концепции становятся главным фактором порабощения свободы — величайшей ценности христианства¹. Между тем культ денег, наживы, стяжательства — базовый фактор деградации мира. Кроме того, жажда богатства сужает спектр интересов человека, делает его сознание легко манипулируемым².

Не менее значимой задачей является утверждение социальной справедливости как величайшей ценности, основы солидарности и принципа бытия. Как известно, в национальном самосознании справедливость всегда воспринималась выше «буквы права»: в конфликте между законом и справедливостью сердце русского человека всегда было на стороне справедливости. Соединяясь с душевной болью за обиженных, страдающих от несправедливости, справедливость становится в один ряд с милосердием, добром и правдой. Русский человек всегда чрезвычайно болезненно воспринимал элементы несправедливости и не был готов служить тому обществу, которое живет по законам джунглей. Желание справедливости резко выросло в последние десятилетия, когда народ безо всякой «подготовки» был брошен в дикую стихию рынка с ее алчностью, ложью, несправедливостью и жестокостью.

¹ Осуждение денег, богатства — лейтмотив русской классики. В русской культуре, в отличие от европейского мира, всегда подвергалось осуждению ростовщичество. В. П. Рябушинский в своей книге «Русский хозяин. Статьи об иконе» (написана в 1920-х гг.) отмечал, что хозяин-православный, уважая богатство, не считает и бедность признаком Божьего гнева, но он осуждает ростовщиков. В народном сознании наибольшим почетом пользовались заводчики и фабриканты, на втором месте были купцы, ниже всех стояли люди, занимавшиеся коммерческим учетом, «процентчики». Западный же человек веру в свое «божественное предопределение» сочетает с убеждением, что материальное благополучие есть признак праведности и угодности Богу. Отсюда безудержное желание разбогатеть любыми средствами, в том числе путем ростовщичества.

² Концептуально основательно и культурологически убедительно символическую «миссию» денег в новой антропологии обосновал Жак Аттали в своей программной книге «Линии горизонта», где описал грядущую третью эру — «эру денег», которые становятся универсальным эквивалентом всех ценностей, в том числе духовных. «Новый порядок», по его мнению, завершится наступлением мессианской эры космополитизации человечества. Формой глобального общества станет «кочевничество», которое определит образ жизни и спектр культурных стилей, формы трудовой деятельности и способы потребления. Для элиты нового мира деньги станут еще и формой тотального контроля: магнитная карточка «всемирного кочевника» будет полноценным заместителем его индивидуальности, неким искусственным органом, служащим одновременно паспортом, чековой книжкой, телефоном, телефаксом и удостоверением. Магнитная карточка станет «подлинным протезом я-человека», открывающим ему доступ к универсальному рынку. И горе тому, кто окажется лишенным денег и кто угрожает мировому порядку, поэтому у «человека будущего» не будет выбора: либо стать молекулой общества, либо быть из него исключенным.

Проблемы совершенствования института права и его кодифицированной версии неразрывно связаны с выбором экономической модели, лежащей в основе «догоняющей модернизации». В то же время успех модернизационного проекта упирается в человеческий фактор: он становится возможным при условии раскрепощения творческой активности личности, обеспечивающей пассионарный рывок нации. Человеческий фактор развития западной экономики был обеспечен индивидуальной свободой как обеспеченной правом и возможностью рационального выбора и реализации той или иной поведенческой модели (В. С. Нерсисянц).

В контексте Русского мира индивидуальная свобода не является значимым условием формирования социальной основы модернизационных процессов. Душа Русского мира всегда отторгала западную версию права как способа упорядочения общественной жизни на основе индивидуальной свободы. «Опасность агрессивного индивидуализма особенно болезненно проявляется в области социально-экономических отношений. Конечно, нарастание социальной поляризации и размывание среднего класса — это беда общепланетарного масштаба. Однако в силу ряда причин именно у нас разрыв между богатыми и бедными приобрел уже явно угрожающие масштабы. Преодоление этого разрыва, раскалывающего наше общество, требует, на мой взгляд, совместных усилий государства и Церкви. Ведь христианские идеи любви к ближнему и сострадания к слабому могут, как показывает история, менять мир в лучшую сторону»¹.

Социальность и справедливость духовных традиций Русского мира исключали понимание права как формы индивидуальной свободы, трактуя право как способ духовного единения нации на основе правды-справедливости². Не случайно основу отечественной трудовой этики составляла религиозная мораль, основанная на личной

¹ Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010.

² «Россия пережила несколько инициированных сверху модернизационных рывков, потерпевших неудачу из-за отсутствия в стране во все периоды ее истории тех нормативных и институциональных форм свободы, которые западная культура сумела сформировать благодаря заложенной в ее фундамент человекоцентристской античной традиции правопонимания. Неспособность царизма создать необходимые политико-правовые предпосылки для экономической модернизации спровоцировала социалистический проект модернизации, опирающийся исключительно на идеологические и насильственные механизмы. В результате ценой беспрецедентных во всемирно-историческом масштабе затрат человеческих ресурсов удалось провести индустриализацию экономики и даже добиться прорыва по отдельным направлениям, однако в целом насильственный проект модернизации потерпел крах, и по его итогам страна оказалась не готовой к экономической конкуренции в рамках глобального мира» (см.: Ланае-

ответственности, совести как внутренней настроенности на другого, которая компенсировала несовершенство института права и негативное отношение к закону.

Сегодня способность права обеспечить свободу и справедливость все чаще подвергается сомнению. «Правовое государство, освобождая людей от власти деспотов и тиранов, не освобождает их от власти тех, кто движим в своем поведении корыстным расчетом и частным интересом, кто, делая себя целью, во всех остальных видит только средство (таково гражданское общество, согласно Гегелю). Можно ли посредством одного лишь права и Конституции, не считаясь с требованиями христианской морали, сделать людей подлинно свободными?»¹.

Институт морали как ключевой регулятор Русского мира способен компенсировать бездушный рационализм института права, обеспечивая своими средствами консолидацию общности «мы» — нации, вырастающей до общности «мы-мира», «мы-цивилизации», восхождение ко вселенскому мессианизму, имперскому духу русской цивилизации. «В России начиная с 30-х гг. XIX в. проблемы права находились в самом центре дискуссий между западниками (которые признавали права человека в качестве главного достижения Запада, имеющего характер универсальной ценности) и славянофилами (видевшими в правовой индивидуализации подрыв тех общинных начал, на которых, по их мнению, должна строиться нормативная регуляция жизни русского общества). Но в целом доминировал подход, так или иначе утверждавший приоритет нравственно-религиозных ценностей общего блага над правовыми ценностями индивидуальной свободы»². Понятие «благо» в России относилось «к трансцендентальной божественной сфере, а не к делам мира сего, не к светской области, не к организации социальной и политической жизни людей, не к их правам, свободам, интересам»³.

Компенсация несовершенства и несправедливости этого мира нередко связывается с реабилитацией и возвышением христианской морали, утверждающей в качестве базовых ценностей прощение и любовь. «Субстанция любви» как сострадания к ближнему может стать

ва В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : моногр. М. : Российская академия правосудия, 2012. С. 300).

¹ Межуев В. М. Россия в диалоге с Европой // Независимый бостонский альманах. URL: <http://lebed.com/2006/art4797.htm>.

² Лапаева В. В. Указ. соч. С. 304.

³ Нерсесянц В. С. Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское правосудие. 2006. № 4. С. 8.

«общественной скрепой», обеспечивающей социальную справедливость и солидарность, альтернативой языческому культу силы, власти и денег. «Если исторической идеей станет идея сострадания, если именно любовь будет принята как единственная скрепа общественного договора, это создаст непреодолимые препятствия для многих, отмеченных — и не случайно, а по заслугам — привилегиями ума, достатка и права»¹. «Любовь оказывается более сильной, чем многие рационально обоснованные общественные институты. В тех случаях, когда любовь и общественный долг или любовь и выгода соревнуются меж собой, почти всегда побеждает любовь — просто потому, что эта связь прочнее, чем все остальные связи. Это свойство любви — быть сильнее всего — не является чем-то особенным, это просто сущность любви: превосходить крепостью расчет и обязанности. Коротко говоря, иррациональная сила, заложенная в любви, оказывается более последовательной и надежной, нежели рациональные принципы и решения»².

Важнейшую роль в формировании нравственного климата в обществе играют СМИ, искусство, культура в целом, которая обеспечивает устойчивость системы в пространстве и времени. Но в определенной ситуации культурный организм «взрывается», заражая умы и сердца метастазами распада и гниения. «Начало XX века преподнесло миру ярчайшие проявления этого феномена: мы никуда не денемся от Кандинского, от Маяковского, Бурлюка и т. д. и т. п. И таких фигур в русской культуре много, они неслучайно хронологически связаны с революционным периодом нашей истории. В начале XX века власть, по существу, провоцировала „культуру взрыва“. И на этом фоне революция, которую мы имели, выглядит совершенно не случайно. Как не случайным было последующее колоссальное „проседание“ культурной жизни за счет того, что высокая культура была захлестнута и подавлена культурой традиционалистского большинства»³.

Усиление в структуре социально-трудовых отношений смыслообразующей и консолидирующей роли духовно-нравственной составляющей предполагает также формирование (укрепление, реабилитацию

¹ Кантор М. Учебник рисования. М., 2006. URL: <http://litread.info/pages/112943/192000193000?page=357>.

² Там же.

³ Булдаков В. П. [Доклад на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте»] // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля-Октября 1917 г.) / под ред. И. И. Марченко, С. Ю. Разина. М. : АИП, 2012. С. 297. (Научный проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации» ; Вып. 3).

и т. д.) духовной общности «мы» — народа, нации (которая сегодня фрагментируется и распадается по этническим, региональным, клановым и иным критериям), — основанной на соборно-общинной солидарности, демонстрацию ее как единственной альтернативы атомарности и конкурентности капиталистических отношений.

Именно благодаря опоре на духовные традиции и высокой нравственности староверы-странники в свое время смогли выстроить эффективную экономическую подсистему, сохранявшую значительную степень автономии по отношению к социально-экономическим реалиям сначала царской, а затем и Советской России¹. «Активно используя рациональную аргументацию, староверы создали столь широкое „поле интерпретации“ основных принципов своего мировоззрения, что в него оказалось возможно включить и те нововведения, которые обеспечили экономическую эффективность старообрядческих скитов»². Рациональные мотивации старообрядцев органично включались во вполне определенный духовно-ценностный контекст. «Рацио рассматривается как средство для решения вопросов веры; в интерпретации староверов рациональные практики и процедуры обретают смысл лишь в том случае, если они трактуются как своего рода „инструменты“, помогающие выполнению главной задачи: обеспечить условия для спасения души»³.

Ведущим способом самопознания, формой выражения духовно-го опыта и ресурсом формирования духовных матриц культуры является гуманитарная культура, тексты которой принадлежат к высшим проявлениям духа, являют собой творческое начало «антиэнтропической направленности» (П. Флоренский), противостоящее погружению субъекта и общества в бессловесность, немоту, хаос. Востребованность этого уникального «банка» коллективного духовного опыта в сегодняшних условиях следует рассматривать как важнейший фактор общественных преобразований и ресурс нравственного преобразования личности.

¹ Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007. С. 5, 192.

² Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 118.

³ Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Соотношение веры и рацио в цивилизационном пограничье: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. 2007. № 7. С. 72.

2.3. ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В сегодняшней ситуации государству необходимо существенно усилить свой статус как ведущего субъекта социальной политики и организатора социального партнерства, гаранта социально-трудовых прав, способного устранить ключевые конфликтогенные факторы. Дело в том, что подъем экономики на новой технологической основе нуждается в стимулирующей политике государств. Именно государство в ведущих капиталистических странах на этапе финансово-экономического кризиса и обрушения долларовой финансовой пирамиды обеспечивает переток капитала «в производства нового технологического уклада»¹.

В России в историческом прошлом сакральный статус власти, соединяющей гигантское пространство территорий и рассредоточенность населения, определялся ценностями православия, а в эпоху СССР — марксистско-ленинской идеологией, обслуживающей ключевые институты государства и интегрирующей советский социум.

Данная ментальная черта объясняет многие эпизоды отечественной истории, в том числе и сегодняшние: падение престижа и статуса демократии как эффективной формы государственного устройства (в общественном сознании данный институт все больше связывается с потребностью в самовыражении у небольшой группы радикальной интеллигенции на фоне резкого обнищания большинства населения); неопределенность перспектив утверждения демократической парадигмы в контексте Русского мира (даже в посткоммунистической России демократическим идеям отводилась скромная задача — стать одним из средств расширения личных и социальных свобод в тоталитарном коммунистическом обществе²). Отторжение института демократии имеет глубокие историко-культурные и ментальные корни, объясняющие национальную специфику отношений в системе «человек–власть». Российская культура, а вместе с ней и все другие

¹ Стремясь облегчить этот переток и ускорить модернизацию своего экономического потенциала, они прибегают к широкой эмиссии долгосрочных дешевых кредитных ресурсов для финансирования роста государственных расходов, в том числе на финансирование НИОКР, стимулирование инвестиционной и инновационной активности, закупки новой техники (см.: *Глазьев С.* Какие инновации обеспечат опережающее развитие российской экономики. URL: <https://izborsk-club.ru/14936>).

² См.: *Булычев Ю.* Русский консерватизм: обретение утраченного? // Москва. 1993. № 2.

ключевые институты покоятся на тектонической плите архаики, поэтому русский народ воссоздает модели власти в соответствии со своим представлением о том, какой она должна быть, а не по итогам победы той или иной партии на выборах.

2.4. ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ, БЛОКИРУЮЩАЯ КАНАЛЫ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА РЕФОРМ

Острота сегодняшнего кризиса социально-трудовых отношений в значительной степени связана с характером реформ 1990-х, ставших причиной частичной смены культурно-антропологических матриц Русского мира и определивших духовный надлом российского общества. Он созрел в ситуации агрессивной экспансии ультралиберальных ценностей, разрушающих духовную матрицу русской цивилизации, стал результатом идеологического хаоса и отсутствия стержня национальной идеологии, размытости национально-государственных критериев идентичности и оснований общественной солидарности. Модернизационные процессы последних десятилетий стали значимым фактором деформации духовного ядра отечественной культуры. Они разрушили общественно-политический и экономический уклад СССР и вызвали резкую смену ценностных ориентаций, складывающихся на протяжении многих поколений. Реформы осуществлялись под лозунгом неприятия самой идеи духовной уникальности того культурного пространства, которое объединяло народы бывшего Советского Союза (а теперь и России), тем не менее стратегически реформы были ориентированы на слом («раскультуривание») исторически сформировавшегося миропорядка, в том числе и путем некритичного заимствования и насильственного внедрения западных моделей общественного переустройства.

В мировоззренческой базе либеральных реформ обнаруживаются три группы идей. Прежде всего это политическая идеология демократического радикализма, представляющая собой «беспредпочную» демократию, которая не вытекает из духовных основ отечественной культуры, а ориентируется на копирование западной модели общественного устройства. В основу этой идеологии, навязываемой обществу в качестве господствующей и единственно верной, был положен западноевропейский принцип права как высшей и абсолютной человеческой ценности.

Вторую группу идей составляет социальная философия либерализма, стержнем которой является принцип мировоззренческого плюрализма — как было показано выше, методологически несостоятельный в контексте целостного и органичного сознания российского человека и фактически совершающий насилие по отношению к духовным матрицам российской цивилизации, вполне сопоставимое с агрессивней большевистской идеологией эпохи формирования «нового» человека.

И третья составляющая идеологии реформ — западная модель экономического развития, ориентированная на свободный рынок с интенсивным производством и расширенным потреблением. При всех корректировках эта доминирующая парадигма стала мировоззренческим основанием стратегии национального бытия, в соответствии с которой в общественном сознании складывался образ России будущего как общества эгоистически и прагматически ориентированных индивидов, равнодушных к собственной истории и безучастных к судьбе ближнего, объединенных жадной потреблением и разрозненных конкуренцией и борьбой за власть, работу, выживание¹. Рациональным аргументом в пользу такой стратегии реформ стала декларируемая и пропагандируемая западная модель экономического развития, эффективность которой была якобы продемонстрирована во многих странах мира.

Однако опыт такого рода реформ свидетельствует о неоднозначности их последствий. Наиболее яркий пример — результаты «капитализации» в странах третьего мира. Еще в конце 1970-х годов на международном семинаре ЮНЕСКО (Белград, 1979) было отмечено, что ориентация получивших политическую независимость стран Азии и Африки на западный вариант развития имеет ряд негативных последствий, перевешивающих положительный результат реформ, а именно: вторжение вместе с технологией западного образа жизни, включая соответствующие модели восприятия человека и мира, привело к деформации традиционной системы ценностей, разрушило духовную основу и национальную самобытность; потребительская психология вызвала процессы дезинтеграции в культуре, разрушившие механизмы преемственности. Контраст между пропагандируемыми

¹ Выбор такой модели социального переустройства, реализация которой предполагала отречение от своей истории, ценностей, традиций, духовной самобытности и уникальности, в значительной степени был обусловлен культурной неукорененностью политической элиты, которая стояла у истоков реформ, ее неверием в духовное предназначение русской цивилизации.

моделями потребления и возможностями большинства населения имел целый ряд негативных социально-психологических последствий — рост неудовлетворенности, агрессивности, преступности, социальной напряженности. Вывод международного семинара был таков: успешное развитие страны предполагает отказ от копирования западной модели и опору на собственные силы и ресурсы. Это требует переоценки приоритетов национального развития в сторону признания доминирующей роли социальных и духовных факторов, учета историко-культурных традиций, ориентации на духовное развитие человека, создание условий для его самореализации¹.

Экспансия рыночных механизмов либеральной западной экономики усилила диссонанс между разными уровнями формирующихся моделей поведения субъектов социально-трудовых отношений, которые не в полной мере соответствовали специфике этоса и ментальным матрицам национальной культуры. Мощным фактором сопротивления реформам 1990-х стала национальная культура, духовные корни народа. Рыночная модель в ее западном варианте отторгалась такими ментальными качествами, как социальность, общинность, незначимость материальных благ, патернализм, правовой нигилизм и др. Отторжение капитализма по западному сценарию вызвано прежде всего тем, что составляющие его мировоззренческую матрицу ценности не вписывались в национально-культурные традиции России, игнорировали ее ментальные особенности². Не очень охотно усваивались ценности демократического устройства жизни. В системе

¹ См.: НТР и проблемы национально-культурной самобытности развивающихся стран : экспресс-информация. Сер. «Культура и идеологическая борьба». М., 1987. Вып. 7.

² Об этом свидетельствуют результаты исследований НИИКСИ в рамках темы «Культура и рыночные отношения», которые отмечают выраженную установку на коллективизм («хороший коллектив» занимает более высокое место, чем «зарплата»), на государство как гарант личного благополучия и социальной защищенности всех групп населения. На вопрос: «Желаете ли вы воспользоваться правом на предпринимательскую деятельность?» больше половины ответили «нет». Качества, необходимые для успеха в условиях рыночной экономики (личная инициатива, предприимчивость, стремление к достижению цели и т. д.), не занимают доминирующего положения. В перечне качеств, которые необходимо воспитывать у детей, «умение зарабатывать деньги» стоит на девятом месте. Первые места заняли честность, порядочность, доброта, уважение к людям. По результатам социологического исследования ВЦИОМа на вопрос о качествах, которые женщины хотели бы видеть в своих детях, ответы распределились следующим образом: первые места заняли нравственные качества — уважение к родителям, честность, порядочность, любовь к Родине, дому, а последние — те, которые можно считать предпосылками естественной адаптации к условиям рынка: «не упускать своего», «быть хитрым», «стремиться выделиться».

координат «государство–нация» приоритетными объектами идентификации оказались семья (родители, дети, дом), государство, профессия, народ, нация¹. Демократия в России повисла в идеологической пустоте, остатки догматического марксизма или православие не могут стать ее опорой. По сути, у нее нет пока ценностных оснований, что резко ограничивает социальную базу демократических преобразований и развития рыночных отношений. Не располагал серьезной поддержкой общества и либеральный вектор, особенно в российской провинции, где навязчиво пропагандируемые ценности свободы личности и правового государства еще долго будут оставаться на периферии сознания².

Метаастазы либеральной парадигмы 1990-х проникли во все сферы государственной и общественной жизни³. Помимо сугубо экономических изъянов (и прежде всего ее монетаристской доминанты), либеральная парадигма строилась на тотальном неприятии духовных традиций, культурного этоса, ментальных матриц народа. Многие стратегические просчеты того времени связаны с непониманием основополагающей роли культуры как мировоззренческого базиса всей совокупности социальных институтов, включая государство, экономику, право⁴. Ультралиберальная идеология игнорировала тот факт, что именно экономика является подсистемой культуры, поэтому все

¹ Левада Ю. Уходящая натура? // Знамя. 1992. № 6. С. 208.

² См.: Вопросы философии. 1992. № 7. (Материалы круглого стола).

³ В частности, сегодня это проявляется в приоритетах реформы образования и науки, которая понимается как вложение средств в развитие отдельных наукоемких отраслей, применение апробированных в мировом сообществе форм активизации научной жизни (технопарки, кластеры и т. д.), обучение молодежи работе на новом оборудовании.

⁴ Следует отметить, что в тот период в стране была довольно мощная интеллектуальная оппозиция либеральной идеологии. В частности, именно в 1990-х годах национально мыслящая интеллигенция пыталась донести до власти и общества понимание культуры как предпосылки и фактора духовной безопасности нации. Духовная безопасность трактовалась как система условий, обеспечивающих культурному субъекту сохранение своих жизненно важных параметров в пределах исторически сложившейся нормы. Одним из конструктивных ответов на сложившуюся ситуацию стал проект «Декларация прав культуры», инициированный академиком Д. С. Лихачевым. Этот документ был обращен к ученому мировому сообществу, он стал своего рода духовным завещанием, в котором был заявлен новый подход к пониманию места и роли культуры, представлено системное и многоуровневое понимание культуры, которая рассматривается в своих различных ипостасях — и как процесс создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества, и как уникальный социальный механизм, благодаря которому совершается наследование и передача духовных ценностей и социального опыта (URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya>).

попытки строить без фундамента заканчивались неудачами либо имели катастрофические результаты¹.

Наиболее пагубным следствием антикультурного пафоса реформ стала деформация антропологических матриц русской цивилизации. Основными средствами зачистки национальных традиций и формирования рыночных жизненных стратегий стали целенаправленные действия новых агентов культурной политики: субъектов «третьего сектора»; деструктивного воздействия маркетинговых технологий, прежде всего рекламы и PR-коммуникаций, на сознание и поведение; средств массовой информации, разрушительное влияние которых на фундаментальные антропологические константы очевидно и масштабно.

Происходящая с отечественной культурой трансформация была аналогична процессу трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК (клетка инфицируется и запускается механизм ее трансформации, приводящей на генетическом уровне к изменению фенотипа). Средством инфицирования культуры выступает глобальное коммуникационное пространство, «медиавирусы» которого атакуют культурный организм. Инфекционное заражение происходит путем насаждения культурных ценностей, стереотипов и стилей жизни, нетипичных для отечественного этоса и ментальности. «Разборка» духовного ядра личности осуществлялась массированным использованием репрессивных возможностей лжи, в мощных потоках которой тонет объективная реальность и фрагментируется картина мира, модифицируемая до неузнаваемости и подменяемая виртуальными муляжами с помощью манипулятивных практик, подавляющих в человеке рациональность и провоцирующих животные инстинкты. Деформация национально-культурного этоса и ментального типа стала в значительной степени следствием разрушительных в контексте задач воспроизводства человеческого капитала реформ системы образования, которые привели к имитации и симуляции образовательного процесса².

¹ Антикультурный пафос либералов обнаруживается уже на этапе «реформирования» советской системы: «новое мышление» лидеров эпохи перестройки ликвидировало могучую сверхдержаву, а заодно и всю мировую систему социализма; погружение России в рыночную стихию за короткий срок разложило общественную мораль, разрушило духовную составляющую личности.

² Псевдоинновации в системе высшего образования связаны в основном с «болонизацией», разрывающей единый цикл подготовки специалиста и формирования личности, в среднем звене — с введением Единого госэкзамена, сокращением часов на гуманитарные и базовые общенаучные циклы и т. п.

В ситуации ускоренного реформирования основная зона напряженности возникает на границе политики, экономики и культуры. Сущность конфликта между ценностно-нормативным ядром отечественной культуры и идеологией реформ состоит, прежде всего, в их глубинном несоответствии, порождающем разрушительные для всех участников этого взаимодействия импульсы. В системе «социум–личность» это несоответствие проявляется в форме противоречия между исторически устойчивым этосом культуры и динамично формирующимися жизненными стратегиями с иной ценностно-нормативной доминантой. В результате такого диссонанса, с одной стороны, идет перераспределение жизненных ресурсов на удовлетворение потребностей, далеких от духовных, с другой — образуется невостребованный личностный потенциал, давление которого провоцирует рост деформированных стремлений и влечений, непродуктивные типы социальной ориентации, стимулирует агрессивные и разрушительные для личности и общества формы поведения. Этот процесс носит характер закономерности: если человек не может соединить себя с миром в акте творчества, то неизбежно рождается стремление разрушить этот мир, то есть творчество и разрушение — это альтернативные формы ответа человека на определенную жизненную ситуацию¹.

О диссонансе культурных матриц и либеральных реформаторских парадигм свидетельствовали безуспешные попытки либералов эпохи 1990-х обосновать правовую демократию и рыночную экономику вне этического, духовного фундамента общества. Пропагандируемые ценности отторгались национальным сознанием, а реформы проваливались или вели к противоположному результату. Насильственно внедряемые в неподготовленную социокультурную среду механизмы рыночной экономики легитимировали противоправные формы хозяйственной деятельности, резко усилили социальное неравенство, вытеснили и в значительной степени разрушили значимые для Русского мира ценности социальной справедливости, которые традиционно трактовались в народном сознании как соответствие деяния и воздаяния, труда и вознаграждения, преступления и наказания. Экспансия «дикого» рынка разрушала традиционные формы коллективной морали, заставляя культуру адаптироваться к реалиям, воспроизводить ценности и формы жизнедеятельности, адекватные индивидуализму экономики, способные компенсировать неопределенность

¹ См.: Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 263.

социального статуса человека, обеспечить его социальную интеграцию и защиту¹.

Нравственно ответственным гуманитариям и политикам того времени было очевидно, что культура в период реформ должна стать базовой предпосылкой для разработки моделей трансформации и развития. Опора на собственные силы и ресурсы освобождает от комплекса национальной неполноценности, восстанавливает уважение к своему культурному наследию, стимулирует творческие возможности народа, его широкое участие в общественных преобразованиях, то есть мобилизует внутренние ресурсы нации. Однако отечественные реалии развивались по другой логике: ценностное пространство реформ создавалось путем деформации исторической памяти народа, девальвации базовых ценностей и чувства национальной гордости; гражданская солидарность, патриотизм, бескорыстное служение и готовность к самопожертвованию вытеснялись моделями противоположного поведения — ориентацией на материальное обогащение любым способом, пропагандой образа жизни по принципу «здесь и сейчас», внедрением в общественное сознание ценностей гедонизма, рационализма и прагматизма.

Таким образом, провалы в области экономики во многом были обусловлены действием культурных факторов. Духовные корни и традиции России оказали мощное сопротивление (как сознательное, так и неосознанное, стихийное) политике реформирования по западным сценариям. Источник такого сопротивления и ключевая причина отторжения рыночной идеологии — бездуховный (и антихристианский) характер лежащей в ее основе парадигмы, диссонанс мировоззренческого базиса реформ и ценностно-нормативных матриц русской цивилизации². Именно несоответствие идеологии реформ основам на-

¹ Классик социологической мысли Дюркгейм основную причину разрушения культурного единства, утраты чувства общности и роста дезинтеграции в капиталистических обществах видел в растущем воздействии торгово-промышленных классов и ослаблении влияния религии (см.: *Дюркгейм Э. Методы социологии*. Киев ; Харьков, 1989. С. 72).

² Исследования 2014 года свидетельствуют о том, что опыт более двух десятилетий построения рыночной экономики принципиально не изменил систему ценностей и не привел к формированию рыночного сознания. «Анализ данных показывает также усиление отрицательных оценок социальных последствий рыночных реформ. Это вписывается в общую оценку социальной сферы и по другим исследованиям, которые фиксируют тотальное ухудшение социального самочувствия и благополучия людей. Обострилось восприятие нарушений социальной справедливости. При этом следует отметить, что негативную оценку дают не только люди, ущемленные происходящими изменениями, но и те, которые вполне устроены в жизни. Ощущение несправед-

ционального бытия обусловило их низкую эффективность и в целом антигуманный характер. Даже частичная реализация отдельных экономических и политических проектов (особенно в 1990-х гг.) неизбежно сопровождалась обнищанием россиян, кризисом науки, образования, разрушением системы производства и разбазариванием национальных ресурсов¹. И сегодня оказавшаяся в аксиологической и ментальной пустоте модель «русского капитализма» не внушает оптимизма². Представленный реформаторами в качестве самоцели рынок повисает в мировоззренческом вакууме, не обнаруживая двух других необходимых «углов» экономического треугольника:

ливости формируется в той среде, с которой человек непосредственно соприкасается и о которой он может судить по вполне наглядным и конкретным показателям — таким как оплата труда, разрыв в уровне жизни и т. п. Все это является наглядной иллюстрацией состояния и тенденций изменений ценностных оснований производственной культуры на уровне территориальной организации общества» (см.: *Тоценко Ж. Т.* Прошлое и настоящее в экономическом сознании в советской и современной России // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке. Н. Новгород, 2014. С. 34).

¹ «Капитализм как система для России в целом может существовать только для разграбления страны, в качестве средства этого процесса. И поскольку основным фактором накопления верхами средств было проедание и разворовывание советского наследия, собственно производство не развивалось» (см.: *Фурсов А.* Воля побеждать. URL: <https://izborski-club.ru/14651>).

² О неутешительных перспективах оздоровления экономики ученые говорили еще в 2008 году. В частности, в Институте экономики РАН прошла презентация доклада «Задачи для будущего президента», в котором академики развеяли миф о необычайных экономических достижениях России в 2000–2008 годах и представили собственную программу для страны на 2008–2016 годы. Говоря о перспективах России на этот период, докладчики пришли к выводу, что системные проблемы развития страны «поставили вопрос о пересмотре проводимого в стране социально-экономического курса». По их мнению, власть не смогла воспользоваться благоприятной мировой конъюнктурой. Экономика не смогла диверсифицироваться и обеспечить развитие своих высокотехнологичных секторов. Не была решена задача создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики. Мелкий и средний бизнес не получил ни правовой, ни экономической основы для цивилизованной конкуренции, а крупные производства и целые сегменты экономики в результате приватизации заняли монопольное положение на рынках и снизили свою эффективность. По словам академика РАН Н. Петракова, власть и общество оказались перед сложнейшей дилеммой: проведенная приватизация стала тормозом для экономического развития, а возврат в исходную точку уже невозможен. «Устойчивость негативных тенденций в постдефолтный период имеет системные причины, и для их устранения необходима модернизация основ системы и ее глубокие институциональные изменения» (академик РАН Николай Петраков). «К очевидным провалам двух десятилетий можно отнести рост социального неравенства: в 2000 году разрыв между доходами самых богатых и самых бедных россиян составлял 14 раз, а в 2007 году достиг уже 16 раз» (глава департамента стратегического анализа ФБК Игорь Николаев). URL: http://www.ng.ru/economics/2008-02-28/6_academi.html.

ценностей максимизации прибыли, требующей постоянной экспансии потребления, и института частной собственности как исторически укорененного феномена.

Сегодняшний кризис духовных матриц русской цивилизации является в значительной степени следствием диссонанса между этосом и ментальностью русской культуры, с одной стороны, и мировоззренческой базой либеральных реформ последних десятилетий — с другой. Острейшие проблемы социально-культурного характера возникают в зоне противоречия, несоответствия стратегии и тактики проводимых реформ духовно-ценностной специфике российской цивилизации. В то же время кризис стимулирует процесс корректировки мировоззренческих доминант и ментальных матриц русской цивилизации, которая должна стать конкурентоспособной в жестком глобальном мире. В этом контексте первостепенная задача институтов культурной политики (в том числе и гуманитарного сообщества) — осмыслить стратегические пути России, понять и вернуть ее уникальное место среди народов и культур. В условиях нарастающей глобализации «устоять может только та культура, которая опирается на собственный цивилизационный проект. Но чтобы она могла именно устоять, сопротивляться исчезновению и маргинализации, проект должен быть привлекательным»¹.

Таким образом, история в очередной раз демонстрирует, что реформы, противоречащие сути национальной культуры, не могут изменить ценностные доминанты общества. Следовательно, учет национально-культурной специфики и сохранение культурной целостности и самобытности можно рассматривать в качестве важнейшей предпосылки эффективности политических и экономических реформ. Еще М. Вебер в начале XX века показал, что капиталистические отношения западного типа смогли образоваться лишь благодаря определенной системе культурных ценностей, сформировавшихся в контексте протестантского мира. Именно ценностное соответствие позволило западному миру достаточно быстро преодолеть этап «дикого» капитализма, который выражается формулой «работа–успех–деньги», и сформировать основы трудовой этики, суть которой отражает семантическая ось «работа–совесть–деньги–призвание»². В основе здоровых рыночных отношений на ранних этапах капитализма лежали

¹ *Смирнов А. В.* Осуществим ли сегодня исламский цивилизационный проект? // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 229.

² См.: *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

совесть, честность, ответственность, трудолюбие, а не корысть и обман, которые окончательно вытеснили христианский дух трудовой этики западного мира.

Исторический опыт свидетельствует о том, что успехи модернизации в России обеспечивались учетом в структуре властных инициатив значимых черт национальной специфики. В частности, Петр I создает новый государственный аппарат, с одной стороны, ориентируясь на передовые для того времени европейские образцы, с другой — укрепляя деспотический характер самодержавия. Модель модернизации Петра I опиралась на две платформы: западные технологии и крепостной труд. Эта модель исторически исчерпала себя к середине XIX века, когда Россия, сохраняя свое внешнее величие, потерпела унижительное поражение в Крымской войне, сигнализовавшее о несоответствии системы требованиям времени. И власть нашла в себе достаточно мудрости и решимости запустить реформы Александра II, которые предотвратили преобразования по революционному сценарию. Модернизация проводилась по западным сценариям, опиралась на рыночные начала и личную свободу и имела все основания быть успешной. Однако попытки самодержавия смягчить эксплуатацию рабочих со стороны зарождающегося русского капитала столкнулись не только с его сопротивлением, но и спровоцировали революционный взрыв в стране.

В Советском Союзе в продолжение политики русского самодержавия XVIII–XIX веков осуществляется «консервативная модернизация» сложением двух векторов: с одной стороны, заимствуются организационные, технические и экономические решения более развитых обществ, с другой — закрепляются традиционалистские и архаичные черты русской жизни.

Сегодня все более очевидно, что реализация программы капитализации России по западному сценарию потребует радикальной ломки исторически сложившегося духовного облика российского народа, его менталитета. Объективно именно такую цель преследовала политика насильственного внедрения в общественное сознание ценностей либеральной демократии, которые в сущности своей противоречат соборному, общинному и социально ориентированному самосознанию российского человека: пропаганда идеи господства экономических интересов над духовными, формального права над нравственностью, утверждение культа индивидуальной свободы и приоритета партийной борьбы над национальной солидарностью¹. «На вопрос,

¹ См.: Булычев Ю. В поисках государственной идеи // Москва. 1993. № 5.

какой должна быть идеология в новой России, у меня нет ответа... Но я знаю, какой она быть не должна и не может, иначе ничего, кроме хроники объявленной смерти, Россию не ждет. Идеология новой России не может быть буржуазной или, как у нас нередко говорят, „либеральной“. И дело здесь не только в том, что в России либерализм, монархия и РПЦ дискредитировали себя в феврале-марте 1917 года. Дело в том, что либерализм в мире умер в 1910-е годы, сразу же после того, как на рубеже XIX–XX веков капитализм исчерпал свой экономический потенциал (его достижения в XX в. обеспечены внеэкономически), а то, что называется „либерализмом“ или „неолиберализмом“, сегодня к реальному либерализму отношения не имеет¹.

Неизбежным следствием воплощения либерального проекта будет не только деформация души России, но и разрушение ее тела — российской государственности, для которой культура всегда была основным фактором национальной интеграции и залогом общественной консолидации. Дело в том, что в истории становления и развития русской цивилизации государство всегда играло весьма существенную роль, и не только в инструментальном плане, но и в сакральном смысле. «В русской истории государство всегда, начиная с первых столетий его существования, играло очень большую роль, намного более значимую, чем, скажем, в соседних европейских странах... Причины такого отношения к государству связаны с периферийностью географического положения России по отношению к Европе, ее фронтальным положением на границе Великой степи, с необходимостью колонизации пространств Восточной Европы, с внешним влиянием — византийским, ордынским, орденом»².

«Особый духовно-идеологический статус и сакральная символика государства Российского в истории и общественном сознании — в истоках этого явления, в его византийско-монгольском архетипе. Российская государственность — чрезвычайно архаичная, патерналистская в своей основе конструкция»³. С одной стороны, она «на-

¹ Фурсов А. Указ. соч.

² Голубев А. В. [Доклад на круглом столе «Государство и революции», 27 февраля 2012 г.] // Россия в глобальном контексте : цикл публ. дискус. М., 2012. Вып. 56 : Государство и революции.

³ При этом «российская государственность — своего рода метафизическая или сакральная величина в сознании своих подданных. А сакральные величины, как известно, при известных условиях имеют обыкновение обращаться в свою полную противоположность. В России этот феномен проявился в полной мере как в начале XVII века, так и в 1917 году. Напомнил он о себе и в 1980–1990-е годы» (см.: Булдаков В. П. [Доклад на круглом столе «Государство и революции», 27 февраля 2012 г.] // Россия в гло-

следовала византийские традиции авторитаризма», с другой стороны, усвоила монгольскую энергетику экспансии. Устойчивость «византийско-монгольского» стереотипа властвования определяется «гигантской, непрерывно расширяющейся территорией» и «разреженностью склонного к миграциям аграрного населения»¹. Сакральное пространство власти, которое соединяло гигантское пространство территорий и разбросанность населения, питалось ценностями православия, а во времена СССР — марксистско-ленинской идеологией, обслуживающей ключевые институты государства.

Сила и устойчивость имперской власти «связаны не с интенсивностью насилия и не с его театральными суррогатами, а со степенью (тоotalностью) овладения пространством»². Это пространство не только в территориальном смысле, но и в человеческом измерении, как «пространство населения», организация которого в информационно-временную целостность (иерархию социальных энергий, ценностей и смыслов) рождает надежно управляемое пространство власти. «Призвание варягов отражало потребность во внешнем управлении в связи с недостаточностью автохтонных саморегулятивных механизмов и вынужденной необходимостью силового обуздания хаотичных пространств. Власть в России изначально оказалась внешней силой, призванной восполнить слабости внутренней саморегуляции»³. Синкретизм крестьянского мировосприятия не исключал духовного бунтарства, которое становится непреходящей формой раскола⁴. «В безграничных пространствах вера во власть казалась единственным средством обуздания хаоса»⁵. Но оборотной стороной такой «нерушимой» веры является «сомнение, доходящее до нигилистского глумления и над Богом, и над данной им земной властью». И когда «основная масса населения остается без достойных официальных идеологов, как это случилось в пореформенное время», возникает «пространство психоментального хаоса, лежащего в основе россий-

бальном контексте : цикл публ. дискус. М., 2012. Вып. 56 : Государство и революции. С. 52).

¹ См.: *Булдаков В. П.* [Доклад на круглом столе «Государство и революции», 27 февраля 2012 г.]. С. 52.

² См.: *Королев С. А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

³ *Булдаков В. П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 57.

⁴ *Ахиезер А.* Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. М., 2007.

⁵ *Булдаков В. П.* Революция как проблема... С. 61.

ских смут»¹. Неслучайно на фоне модернизации 1880-х годов, которая традиционно осуществлялась сверху и сопровождалась стремительным ростом рабочего движения (отличавшегося от забастовок в Англии или Америке и больше напоминавшего средневековые бунты), именно государство берет на себя функцию минимизации усиливающегося противоречия между работодателем и работником. Профсоюзы в то время были запрещены, и Российское государство стало основным защитником элементарных прав рабочего².

Таким образом, в истоках революции в России лежат не только «геосоциальные слабости» ее государственной конструкции, но и опасности периодического возникновения в социальном пространстве элементов, «способных вызвать неконтролируемый рост так называемых малых возмущений». В результате утраты надежности управляемого пространства власти и сбоев в ее функционировании неуправляемо растет пространство хаоса³. Жесткость и многофункциональность государства, которое традиционно блокировало возникновение и развитие общественных институтов, в ситуации его кризиса рождает российскую смуту, масштабы которой были неведомы европейскому миру. «Утрата легитимности или утрата доверия — это достаточное основание для смены, вернее слома, организации, которая называется государством. <...> Кроме формальных институтов, существуют неформальные институты. Они прямо не связаны с экономикой. Поэтому экономический детерминизм... кажется слишком упрощенным видением ситуации»⁴. Функции неформальных институтов выполняют этос культуры и ее ментальные матрицы, которые в недрах коллективного бессознательного обеспечивают масштабы доверия и лояльности по отношению к государству. В социокультурном плане государство и культура выполняют миссию Логоса как упорядочивающего начала бытия, поэтому в периоды идеологического

¹ См.: *Булдаков В. П.* Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. 2015. № 2. С. 24. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.2/02.pdf>.

² Как известно, фабричное законодательство в России появилось раньше, чем в США. Но это становится вынужденной мерой вмешательства государства в отношения между работодателем и работником путем принятия первых фабричных законов. Примерно в те же годы в Америке уже существовали профсоюзы, действовала Американская федерация труда — объединение профсоюзов, которое выступало в качестве партнера работодателей.

³ *Булдаков В. П.* Революция как проблема... С. 58.

⁴ *Тамбовцев В. Л.* [Доклад на круглом столе «Государство и революции», 27 февраля 2012 г.] // Россия в глобальном контексте : цикл публ. дискус. М., 2012. Вып. 56 : Государство и революции.

(духовного) кризиса власти и культурной аномии наступали времена торжества хаоса и расширения пространства энтропии (В. О. Ключевский).

2.5. СТРАТЕГИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИНСТИТУТОВ И МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИКИ, ДЕВАЛЬВИРУЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

История русской цивилизации свидетельствует о том, что заимствование ценностей западной цивилизации в процессе преобразований усиливает их негативные последствия, особенно в том случае, если этот процесс носит искусственный, насильственный характер или если внедряются элементы, не соответствующие базовым ценностям культуры-реципиента. В результате такого ценностного симбиоза образуются своеобразные культурные химеры, которые затем начинают действовать в режиме саморазрушения. Именно по такому варианту разворачивались реформы Петра I, который, по мнению В. Е. Вейдле, отождествлял культуру с технической цивилизацией и настойчиво переделывал Россию «во имя здравого смысла и очередных практических нужд, не спрашивая ее мнения, не считаясь с ее чувствами, разрушая в ее укладе не только то, что казалось вредным, но и то, что казалось недостаточно полезным»¹. В результате тех реформ, с одной стороны, обнаружился динамизм русской культуры, ранее ей не свойственный. Насильственно соприкоснувшись с Западом, русский народ, как отмечает Н. А. Бердяев, отреагировал не только явлением Пушкина, но и славянофилов, западников, Достоевского, Толстого, оригинальной русской мысли². В то же время насильственная европеизация России, создав предпосылки для формирования культуры элитарной, отлучила народ от культурного строительства, блокировав и затормозив на многие десятилетия процессы национальной консолидации. Со времен Петра I народ перестает быть субъектом истории и окончательно подпадает под власть крепостного права. В связи с этим интеллигенция XIX века появилась как опосредующее звено («медиатор») между государством (элитой) и народом, но в конечном счете была раздавлена этими двумя силами³.

¹ Вейдле В. Е. Три России // Смена. 1991. № 8. С. 37.

² Бердяев Н. А. Судьба России. С. 46.

³ Там же. С. 67.

С эпохой Петра I утрату самобытности русской культуры связывали представители самых разных направлений социально-философской мысли России. Не только славянофилы, но и П. Я. Чаадаев считал, что «переворот Петра I сделал из нас худшее, что можно сделать из людей, — просвещенных рабов»¹. Ф. М. Достоевский неоднократно обращался к этой теме и в целом отрицательно оценивал Петровские реформы, ибо «они создали государство в государстве», «оторвали одну часть народа от другой», «изменили нашей народности, нашему народному духу»². Позднее Г. П. Федотов написал, что с петровского периода в России сосуществовали две разные культуры: одна представляла собой варваризованный пережиток Византии, другая — ученическое усвоение европеизма³.

Национальные культуры по-разному реагируют на экспансию ценностей других культурных систем — в зависимости от того, в какой мере им удастся сохранять при этом собственную целостность. В частности, Япония в период интенсивного развития рыночных отношений не допустила разрушения своей традиционной культуры, сумев уберечь базовые ценности, интегрирующие национальную культуру в органичное целое. Российская культура в силу ряда обстоятельств теряет энергию сопротивления, утрачивая при этом свою органичность и самоидентичность.

Непонимание своеобразия русской культуры и вытекающая из него «ученическая» ориентация на Запад были главными препятствиями к решению социальных проблем России XIX века. В то время кризис национального самосознания был вызван прежде всего культурной маргинальностью интеллигенции — носителя общественного самосознания, неорганичным заимствованием западных социально-политических концепций⁴. Незнание и непонимание интеллигенцией национальных и государственных целей Достоевский считал источником «великого беспокойства и неустройства» в государстве. И если России со временем удастся изжить психологию «европеизма», то в ней может «водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, свобода»⁵.

Вопрос о целесообразности или недопустимости европейского пути конституционного реформирования и общественных преобра-

¹ См.: Герцен А. Былое и думы. М.: Худож. лит., 1969. С. 449.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1984. Т. 20. С. 7, 14.

³ См.: Федотов Г. П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990.

⁴ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 132.

⁵ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 27. С. 22, 25.

зований с особой остротой встает на этапе александровской модернизации. В частности, К. Леонтьев предупреждает, что осуществляемое интеллигенцией всеобщее образование народа ведет к утрате русскими своей национальной самобытности, которые войдут в шеренгу «безликих» европейских народов. «Мое общее заключение не безусловное против грамотности, а против поспешного и тем более против обязательного обучения. И это я говорю не с точки зрения свободы; развитие не всегда сопутствует свободе, — а с точки зрения народного своеобразия, без которого, по-моему, великому народу не стоит и жить. Надобно, чтобы образованная часть русского народа (так называемое общество) приступила бы к просвещению необразованной части его только тогда, когда она сама (т. е. образованная часть) будет зрелее»¹. «Народная душа» интуитивно отторгает просвещение по западному образцу, потому что в ней живет ощущение чувства «правды», присущее простому человеку.

Таким образом, некультурность в западноевропейском смысле становится позитивным фактором, отражающим и подчеркивающим национально-культурную аутентичность. «Если культура — целостность миросозерцания и вытекающее из нее единство жизненного стиля, то не подлежит никакому сомнению, что крепко веровавший, по старинке живший, тонко чувствовавший традиционный чин жизни и всегда знавший, что пристойно и что непристойно, старый, русский дореволюционный хлебороб-хозяин был высококультурным человеком в самом подлинном смысле этого слова». Оставаясь «темным и непросвещенным», русский человек как бы тем самым убеждает эту веру. Необразованность задержала процесс «обездушения и расщепления народного сознания», характерный для западного «просвещенного рационализма», поэтому «темнота русского простого человека как явление внутрицерковной жизни скорее культура, чем некультурность»². Основанием духовного мира русского человека были не знания, а вера, не образование, а просвещение³.

Целостность миросозерцания и единство жизненного стиля объясняют обратную зависимость «культурно-хозяйственной убогости» русской жизни и высокого накала духовности, нравственного

¹ Леонтьев К. Грамотность и народность // Леонтьев К. Поздняя осень России. М. : Аграф, 2000. С. 157–196.

² Степун Ф. А. Указ. соч. С. 223.

³ «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» (см.: Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М. : Патриот, 1993. С. 94).

подвижничества, энергию которому может дать только вера. «Всякая культурная нерасчлененность, формальная невозделанность, научная, художественная и правовая неоформленность сознания способны пребывать культурой лишь внутри подлинно верующей души. Падение веры неизбежно превращает недифференцированную целостность народного сознания из явления прикровенной культуры в явление откровенного варварства. Как убогость форм русского пейзажа формально прекрасна, благословенна, тиха лишь в охвате уходящих в бесконечность — в географическую вечность — горизонтов, так и формальная убогость русского народного сознания культурно-значительна лишь в оформлении религиозным горизонтом веры»¹.

В Манифесте Александра III уже открыто подвергаются осуждению основополагающие принципы конституционной реформы Александра II, в том числе идеи представительного правления в России, которые объявляются «вредными крамолами», «подлежащими искоренению»², а подлинно национальной формой народного представительства объявляется неограниченная власть монарха: царь есть лучшая форма представительной власти для своих «верноподданных»³.

Ориентация на ценности западного мира усиливает кризис консолидирующих российскую нацию ценностных доминант, и начало этого процесса совпадает с мировоззренческой экспансией «реалистов» 1860-х годов. Отказавшись от традиционной духовности и взяв в качестве основного идеала материализм, атеизм, детерминизм и нравственный рационализм, нигилистически настроенная интеллигенция постепенно обратила энергию внутреннего духовного самостроительства русского человека вовне — на строительство «светлого будущего», которое на деле оказалось разрушением государственности, культуры, кардинальным изменением основ социальной жизни. Последствия некритического заимствования идей можно проследить на отношении к атеизму, который был воспринят революционно настроенной русской интеллигенцией как последнее слово западной цивилизации. Атеистическое мировоззрение стало символом западнической ориентации, стержнем революционной идеологии социалистов. Однако в контексте западной культуры атеизм был одним из множества мировоззренческих концепций, и поэтому его «ядовитые плоды»

¹ Стелун Ф. А. Указ. соч. С. 224.

² Правительственный вестник. 1881. № 93. 30 апр. (12 мая).

³ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 1880-х — начала 1890-х годов). М.: МГУ, 1970. С. 300.

обезвреживались «здоровыми соками культуры и религиозности»¹. В силу мировоззренческой полифонии западноевропейский культурный процесс всегда, даже в периоды социальных и политических реформ, сохранял идею культурной преемственности.

Для российской интеллигенции атеистическая методология, никак не вытекающая из специфики и логики развития русской культуры, в силу ряда особенностей национального характера и психологии ее носителей стала почти единственным источником просвещения и цивилизации. Русская интеллигенция в своем западничестве «не пошла дальше внешнего усвоения новейших политических и социальных идей Запада, причем приняла их в связи с наиболее крайними и резкими формами философии просветительства. В этом отборе, который произвела сама интеллигенция, в сущности даже и не повинна западная цивилизация в ее органическом целом»².

Негативное отношение к государству, характерное для социально-политической мысли второй половины XIX века, переносится и на нацию, которая, в отличие от народа, воспринимается как искусственно порожденное государством «рационализированное» образование. Сфера национального, по выражению Г. П. Федотова, становится «отвратительной» из-за своей исторической связи с самодержавной властью³. «Правда» и «тайна» для социалистов скрыты в народе, который представляется «конкретной общностью живых людей», а не «отвлеченной идеей нации»⁴. В результате образ российской нации распадается на отдельные социальные группы — народ, интеллигенцию, дворянство и др. Основная ответственность за это возлагается, по мнению Г. П. Федотова, на «революционную интеллигенцию» и русский либерализм, который негативно воспринимал национальную проблематику, связывая это понятие с ненавистным ему государством, и «питался не столько силами русской жизни, сколько впечатлениями заграничных поездок, поверхностным восторгом перед чудесами европейской цивилизации, при полном неумении связывать свой просветительский идеал с движущими силами русской жизни». В ситуации утраты дворянством «культурной гегемонии» и его социального разложения либерализм превращался в разрушительную

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М. : Мол. гвардия, 1991. С. 51.

² Там же. С. 53–54.

³ О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 452.

⁴ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 132.

силу и невольно работал на дело революции. Все, что было связано с государственной мощью, героическим прошлым, мировыми или имперскими задачами России, было взято под подозрение, отравлялось ядом скептицизма. Вслед за правительством и монархией объектом ненависти становилась уже сама Россия — русское государство, русская нация. Национальная глухота и тотальный нигилизм в конечном счете подготовили почву для краха российской культуры и государственности в 1917 году¹.

Конфликт институциональных преобразований по западным образцам с этосом национальной культуры и ее ментальными матрицами особенно остро протекает в эпоху индустриализаций, которые в России сопровождались резким переходом от традиционного нерыночного типа отношений к буржуазному типу. Поэтому вхождение в собственную духовную традицию является для России более актуальной задачей, чем интеграция в «европейский дом» с его разрушенным фундаментом христианских цивилизационных матриц. Это особенно важно для построения трудовой этики, учитывающей духовный опыт и ментальные особенности. Такая задача вполне реалистична: отечественная история знает немало эпох, когда национальное возрождение становилось результатом адекватного и конструктивного реагирования русской культуры на вызовы времени.

¹ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М. : Наука, 1990. С. 428–429.

Глава 3

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ КАК АТРИБУТ И КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Изучение и формализация сложившихся моделей социального партнерства на основе эмпирических данных системы мониторинга (2014–2016 гг.) показывают, что основной причиной более половины исследуемых социально-трудовых конфликтов (53,7 %) стала полная невыплата заработной платы. Значимой причиной конфликтных ситуаций являются правовые нарушения, к которым относятся конфликты, вызванные поправлением законных трудовых прав работников: невыплата в срок и в полном размере заработной платы, предусмотренной трудовым договором или иным соглашением; нарушения условий труда, в отношении которых действуют нормы, стандарты либо статьи действующего соглашения (коллективного договора); меры со стороны работодателя, препятствующие профсоюзной деятельности на предприятии¹.

Однако ключевые источники социально-трудовых конфликтов находятся в другой плоскости. Во-первых, их провоцирует нравственная нелегитимность в общественном сознании российского бизнеса, его эгоистическая и социально безответственная политика в сфере социально-трудовых отношений, основу которой составляют: стратегия минимизации затрат на рабочую силу, в том числе путем снижения уровня оплаты труда ниже стоимости воспроизводства рабочей силы (занижение оплаты квалифицированного труда, сведение к минимуму социальных фондов предприятия, сокращение предусмотренных законом выплат и льгот; недопустимо высокая дифференциация зарплаты между высшим управленческим персоналом и работниками, отсутствие или нерегулярность ее индексации; сокращение доли

¹ Социально-трудовые отношения в современной России: перспективные модели социального партнерства / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2017. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 2). С. 79–80.

гарантированной (тарифной) составляющей заработной платы¹; невыплаты и натурализация заработной платы, широкое распространение теневых выплат; целенаправленное расширение неформальных связей, вытесняющих систему формализованных отношений; превращение института социального партнерства в средство реализации интересов бизнеса.

Во-вторых, расширение пространства и усиление остроты социально-трудовых конфликтов обусловлены низкой эффективностью постсоветской модели регулирования социально-трудовой сферы, инерция которой порождает кризисные явления в реальном секторе экономики. В свое время ориентация советской системы трудовых отношений на «бесконфликтное» развитие общества выводила проблематику исследования социально-трудовых конфликтов в зону второстепенных². В результате эта область практики и профессиональной деятельности оказалась необеспеченной в теоретическом, методическом и кадровом отношении. Не дают результата попытки копировать зарубежный опыт разрешения социально-трудовых проблем, который сформировался на другой культурной и правовой основе.

В-третьих, усиление деструктивных тенденций в сфере социально-трудовых отношений обусловлено отторжением института права в его сегодняшнем кодифицированном варианте. Пренебрежение к закону демонстрируют все ключевые фигуры социально-трудовой сферы: государство, бизнес, наемные работники. Негативное отношение к праву усилила масштабная приватизация 1990-х годов. «Вопрос о необходимости поиска правовой модели приватизации, способной согласовать интересы всех слоев общества в этом самом важном для него моменте постсоциалистических преобразований, не был поставлен в повестку дня ни одной политической силой. В отсутствие осмысленной и активной позиции общества по этой проблеме властные структуры сочли возможным для себя пойти на самый неправовой (то есть самый произвольный, самый пренебрежительный по отношению к интересам подавляющего большинства членов общества) вариант приватизации»³.

¹ Как показывают исследования, гарантированная часть зарплаты составляет чуть больше 40 % суммарного заработка. В развитых европейских странах гарантированная зарплата составляет от 50 до 80 %, а в США — около 95 %.

² Деменева Н. А. Индивидуальные социально-трудовые конфликты в организациях: технологии управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2004.

³ См.: Латаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : моногр. М. : Российская академия правосудия, 2012. С. 318.

Но даже при неукоснительном соблюдении законов возможности правового регулирования конфликтов ограничены. Реализация предусмотренного законодательством права влечет значительные потери для всех сторон конфликта и при этом ограничена рядом условий, которые делают задачу проведения забастовки трудновыполнимой. В такой ситуации возрастает значение коллективного договора. Практика показывает, что забастовка далеко не всегда является эффективным вариантом воздействия, не каждый раз достигает намеченной цели, часто приводит не столько к разрешению локального конфликта, сколько к росту социальной напряженности в обществе и в итоге оказывается невыгодной ни работникам, ни работодателю. То же самое относится и к иным формам совместных протестных действий, таким как замедление обычного хода работы, снижение производительности труда, создание забастовочных фондов, регулируемых профсоюзами¹.

В-четвертых, не оправдывает ожиданий институт партнерства государства, бизнеса и профсоюзов, на который были возложены функции регулятора ключевых параметров социально-трудовой сферы (Е. Гонтмахер, С. Перегудов). Усиливается скептическое отношение к способности партнерских отношений эффективно отстаивать интересы работников, а в качестве альтернативы все чаще рассматривается жесткое классовое противостояние (М. Воейков, И. Мысляева, Б. Ракитский). Причины низкой эффективности действующих механизмов партнерства связаны с формальной организацией данного института, преимущественным использованием властью и бизнесом авторитарных механизмов определения ключевых параметров развития социально-трудовой сферы, исключающих гармонизацию интересов всех субъектов трудовых отношений, имитационным характером деятельности профсоюзов по защите прав и интересов работников, а также социальной пассивностью рядовых работников². В условиях

¹ Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2018. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 11). С. 5.

² «В условиях слабости профсоюзов и отсутствия должного государственного контроля за исполнением трудового законодательства работники по существу оказались бесправными на предприятии». Государство вспоминает о них в ситуации угрозы масштабных акций протеста, используя преимущественно механизмы финансово-денежной политики и недооценивая важность для развития экономики качества трудовых отношений (см.: *Соболев Э. Н.* Регулирование социально-трудовых отношений в России: генезис, механизмы, направления трансформации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010).

жестокое экономическое и социального кризиса 1990-х введение социального партнерства имело прежде всего политическое значение и «было призвано, с одной стороны, затушевать остроту социальных проблем периода „шоковых реформ“, с другой — сделать социально-трудовые отношения более управляемыми, амортизировать возможные конфликтные ситуации»¹. В результате эта область практики и профессиональной деятельности оказалась необеспеченной в теоретическом, методическом и кадровом отношении.

Формализация института партнерства связана с частичной утратой статуса и ресурсных позиций профсоюзов². До сегодняшнего дня причинами низкой эффективности действующих механизмов социального партнерства являются: доминирование авторитарных механизмов, задающих основные параметры и модели социально-трудовой сферы; формальный характер принимаемых «трехсторонней комиссией» решений, которые дублируют решения, принятые властями, их декларативный или необязательный характер; слабая востребованность механизмов партнерства в стратегическом планировании; формальная и имитационная деятельность профсоюзов по защите прав и интересов работников; отсутствие инициативного взаимодействия профсоюзов с законодательными органами власти; нежелание рядовых работников активно участвовать в защите своих интересов³.

В-пятых, расширению зоны трудовых конфликтов способствует утрата лидирующих позиций российских профсоюзов в защите прав трудящихся. Об этом свидетельствует: сокращение числа членов в официальных профсоюзах, снижение забастовочной активности и охвата работников профсоюзами; утрата доверия к профсоюзам в связи с лишением их функций социального патронажа и права распоряжаться значительной частью социальных фондов государства и предприятий; отсутствие солидарности профсоюзного движения в организации протестных и защитных акций, его фрагментация в результате роста числа альтернативных и корпоративных профсоюзов, ограничивающих свои интересы проблемами фирмы (либо становя-

¹ *Соболев Э. Н. Указ. соч.*

² МОТ рассматривает социальное партнерство как форму коллективно-договорного регулирования условий и оплаты труда, согласования интересов сторон на общенациональном уровне, определения форм участия работников или их представителей в управлении предприятиями и корпорациями.

³ Как показывают опросы, только 10,6 % работников государственных и 14,6 % приватизированных предприятий рассматривают профсоюзы как защитников своих интересов, а 59,8 % работников (68,6 % в частном секторе) чувствуют себя абсолютно беззащитными (см.: *Соболев Э. Н. Указ. соч.*).

щихся объектом манипулирования со стороны оппозиционных политических партий и спонсоров); слабая ресурсная база альтернативных профсоюзных структур, не обладающих соответствующей социальной базой и достаточной силой влияния; девальвация традиционных профсоюзных функций представления и защиты прав и интересов работников (которые более успешно выполняют другие институты — суд, органы государственного контроля, институт индивидуальных договоров); расширение прямых форм участия персонала в регулировании оплаты труда и условий занятости, успешно конкурирующих с профсоюзными структурами. Возможности формирования единой и согласованной политики защиты прав трудящихся сокращают разобщенность российских профсоюзов, которые структурированы по критерию производственно-отраслевой принадлежности, разделяющей специалистов одной и той же профессии по разным профсоюзным организациям. Кроме того, профсоюзные структуры и органы самоуправления испытывают дефицит технологий управления социально-трудовыми конфликтами.

В-шестых, низкая эффективность мероприятий по профилактике и разрешению трудовых споров и конфликтов между наемными работниками и работодателями связана с копированием западных моделей социально-правовых и экономических институтов, регулирующих социально-трудовые отношения, которые были сформированы на мировоззренческих матрицах католичества и протестантской трудовой этики.

В-седьмых, конструктивные возможности оптимизации социально-трудовых отношений последних десятилетий блокирует деформированная трудовая этика, а также механизмы и модели регулирования, в которых доминировали: авторитарно-менеджеристский тип управления производственными структурами; слабая забастовочная активность и формальное участие персонала в управлении; подчиненная роль договорного регулирования и широкое распространение неформальных связей, пронизывающих все уровни социально-трудовых отношений; дифференциация моделей регулирования социально-трудовых отношений финансового состояния региона, отрасли, предприятия; низкий уровень социально-трудовых гарантий¹. Эти

¹ Исследования социально-трудовых отношений на частных предприятиях показывают, что 11,7 % работников трудятся на условиях устной договоренности. Но даже формальная занятость не означала соблюдения работодателем базовых обязательств: в 21 % контрактов не оговаривался даже размер заработка (для сравнения на государ-

традиции уходят своими корнями в завершающую стадию советского периода, когда модели регулирования социально-трудовой сферы порождали кризисные явления в реальном секторе экономики, а ориентация советской системы трудовых отношений на «бесконфликтное» развитие общества выводила проблематику исследования социально-трудовых конфликтов в зону второстепенных.

Источником социально-трудовых конфликтов является также антигуманная сущность капиталистической системы производства, в основу которой положен принцип несправедливости. Не случайно капитализм как хозяйственная система, несмотря на свои экономические успехи, пользуется в целом плохой репутацией: все участники социально-трудовых отношений считают, что их интересы и цели недостаточно учитываются и поощряются¹. Капитализм обеспечивает — в виде экономического и социального вознаграждения — приоритетные позиции хозяйственной элите — собственникам и управленцам, результаты работы которых «эффективным образом связаны с интересами и потребностями населения, с потребительским спросом»². Поэтому необходимы мощные механизмы регуляции, способные придать рынку нравственный характер путем достижения компромисса между желаниями отдельного человека и интересами всех.

Площадкой и источником социально-трудовых конфликтов постсоветской России является деформация моделей социально-трудовых отношений, которая выражается в несбалансированности ключевых элементов системы и духовно-нравственных основ национальной культуры. Опыт предыдущих десятилетий показывает, что заимствование моделей социально-трудовых отношений и форм организационной культуры постиндустриального капитализма, мировоззренческую матрицу которой сформировали секуляризованные нормы протестантской морали, становится причиной усиления социальной депривации больших социальных групп и протестных настроений

ственных предприятиях это зафиксировано в 8 % случаев). Работодатели, особенно на предприятиях частного сектора, игнорируют не только требования законодательства, но и условия, зафиксированные в контрактах (см.: *Соболев Э. Н.* Указ. соч.).

¹ В частности, выраженную социально-экономическую депривацию переживают представители интеллигенции из-за отсутствия массового спроса на плоды их труда.

² Древнейшее представление о справедливости в истории европейского духа состоит в идее равновесия и меры: общество, которое в достижении своих целей опирается лишь на один принцип или благоприятствует цели лишь одной группы, не может осуществить добро (*Козловски П.* Этика капитализма. Эволюция и общество / пер. с нем. и ред. М. Н. Грецкого. СПб.: Эконом. шк., 1996. С. 58).

в обществе. Источником конфликтов выступает ценностный диссонанс мотивации и действий ключевых субъектов производственных отношений и социально-культурных институтов (органов власти, корпоративных сообществ, работодателей) с глубинными духовными основаниями русской цивилизации, ответственными за формирование специфической трудовой этики. Рассогласование данных уровней ведет к деформации социально-трудовых отношений и усилению нестабильности в социуме. Поэтому в основе стратегии профилактики и разрешения социально-трудовых конфликтов лежит взаимосогласованность подсистем экономики и культуры, обеспечивающая оптимальное функционирование социальных институтов.

3.2. ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И НИЗКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ ИНСТИТУТА ПРАВА

Правовой нигилизм был положен в основу перехода страны от командно-административной системы к рынку, стал доминирующим вектором идеологических перемен, воплощенных в идее «деньги — главная ценность и смысл человеческой жизни, мерило значимости человека, а обогащение — высшая форма человеческой деятельности». Все базовые ценности прежнего общества, их иерархия подверглись тотальной ревизии. Новая идеология стала генетическим кодом новой социально-экономической формации, не претерпевшей с начала 1990-х годов сущностных изменений: «Идеология либеральной экономики деформирует представления общества о происходящем: если все зависит лишь от накопления и инвестирования частных капиталов, то даже криминальные эксцессы в современном развитии якобы должны восприниматься гражданами как естественные бедствия неизбежной эпохи первоначального накопления капитала, как оправданная необходимость, против которой нелепо бороться»¹.

Неразвитость правового сознания россиян всех возрастов и социальных статусов связана с культурной неукорененностью института права в России, отторжением западной концепции права². «В России

¹ Шмаков М. В. Профсоюзное движение как явление мировой культуры в контексте глобализации // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 170.

² Негативное отношение к праву усилила реформа 1990-х. Откровенно неправовой характер масштабной приватизации предопределил все деформации системы политико-правовых отношений в постсоветской России. Власть выбрала произвольный

как действие по букве закона, так и игнорирование последнего для массы подданных не имеет властеутверждающего значения — важно *правое* (справедливое) или *неправое* наполнение деяния¹.

Корни негативного отношения к праву — в глубинах религиозно-философской антропологии, вырастающей на духовных матрицах византийско-московского православия². Расхождение между западноевропейской и российской философско-правовыми традициями определяется прежде всего характерным для Русского мира приоритетом духовной свободы над ее внешними, поведенческими проявлениями³. В рамках православной антропологии «внутренняя, духовная свобода есть в первую очередь свобода от греха, которая неизмеримо важнее утилитарной свободы» в социальной плоскости — как «возможности человека действовать в соответствии со своей свободной волей до тех пор, пока она не препятствует осуществлению свободной воли другого человека»⁴. Внутренняя свобода как свобода от зла, свобода нравственного выбора⁵ «принципиально отлична от внешней,

и пренебрежительный по отношению к интересам подавляющего большинства членов общества вариант приватизации. По классификации Мирового банка, российская приватизация инсайдерская, что хуже макиавеллевской, которая проводится «политическими партиями правительства в интересах собственных сторонников и собственного электората» (см.: *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика : моногр. М. : Российская академия правосудия, 2012. С. 318).

¹ *Булдаков В. П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–64.

² См.: *Лапаева В. В.* Указ. соч. С. 305 ; *Синченко Г. Ч.* От митрополита Илариона до Н. А. Бердяева. Тысячелетний оксюморон русской философии права // Философия права. 2000. № 1 ; *Тимошина Е. В.* Права человека и нравственная ответственность личности // Философия права в России. История и современность : материалы III Философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2009.

³ См.: *Лапаева В. В.* Указ. соч. С. 306.

⁴ См.: Там же.

⁵ Именно такая концепция свободы «от имени самобытной русской цивилизации» нашла отражение в «Декларации о правах и достоинстве человека» Всемирного русского народного собора (апрель 2006 г.): «Мы различаем две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора. Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность — достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло» (<https://vrns.ru/documents/63/1179>).

«В Послании к Римлянам... мы находим удивительные слова: „Освободившись от греха, вы стали рабами праведности“. „Какой же плод вы имели, когда были рабами греха?“ — спрашивает апостол, и отвечает: „Такие дела, каких стесняетесь и ныне; плод же их был грех, а конец — смерть“. „Когда же освободились от греха, — продолжает апостол, — и стали рабами Божиими, то плод ваш — святость, а конец — жизнь вечная“. <...> Не буду приводить много примеров битв во имя свободы, которые оборачивались тиранией, гибелью людей, лишением свободы, разрыванием нравов. <...> Почему же так происходит? Почему даже жертвы людей во имя свободы не останавли-

поведенческой, правовой свободы как возможности «осознанного выбора и реализации того или иного варианта поведения»¹. Незначительность поведенческой свободы для русского человека в определенной степени связана с трактовкой свободы как воли (в том числе как произвола, реализующегося через насилие)².

В высшей мировоззренческой системе координат человеческая свобода — это свобода выбора между добром и злом, между духовностью и практической целесообразностью, это искусство человека определять себя и собственную жизнь согласно своему призванию и ответственности. Но это одновременно и несвобода ответственности. Человек свободен в определении жизненной стратегии, но за пределами этого выбора свобода неизбежно переходит в свою противоположность: человек не свободен от своего призвания, предназначения и ответственности перед ним либо от произвола влечений, обстоятельств, зла. Состояние духовной свободы — это чувство человека,

вают последующие поколения от ошибок, от греха, от безумия, от крови? Да именно потому, что в сознании людей спутались два величайших понятия, каждое из которых имеет ценность, но которые необходимо различать. Человек должен иметь свободу выбора. Наверное, за эту свободу выбора и боролись люди, чтобы никакие внешние обстоятельства, никакая тирания, никакое господство богатых над бедными, одних сословий над другими не мешали людям выбирать то, что они желают выбрать. Но сам по себе выбор — это механизм. Обеспечить им необходимо, но главным остается вопрос: а что человек выбирает в результате свободы? И вот в сегодняшнем отрывке из Послания к Римлянам, который мы зачитали во время Литургии, апостол Павел и говорит нам, что самое главное — это то, к чему ведет свобода. Если человек в результате обретения свободы становится рабом греха, то его конец — смерть. Но если он, обретя свободу, принимает Бога и становится рабом Божиим, то тогда плод — святость, а конец — жизнь вечная» (Слово Святейшего патриарха Кирилла в праздник Казанской иконы Божией Матери в Казанском соборе на Красной площади, 21 июля 2013 г. URL: <http://www.sergiev.ru/blog/konsmirnov/patriarkhkirillosvobode>).

¹ *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 2005. С. 38.

² «Именно на данной ментальной основе формировались в русской истории такие политические „бренды“, как „Земля и воля“, „Народная воля“. Большевики смогли прийти к власти именно потому, что пообещали эту волюницу социальным низам и даже на какое-то время ее допустили. Из порыва к воле, умело и жестко направленного новой властью в русло коммунистической идеологии, и вырос тот реальный энтузиазм масс, который позволил обществу вынести огромное напряжение Гражданской войны, коллективизации, индустриализации, Великой Отечественной войны и послевоенного подъема страны. Инерция этого энтузиазма, сохранявшаяся и в годы сталинских репрессий (совершенно неизбежных, необходимых для обуздания постреволюционной волюницы), и во времена хрущевской „оттепели“, окончательно иссякла лишь к периоду застоя. Последующее продвижение общества к свободе имело более осмысленный характер и осознавалось именно как движение к праву. Показательно, что диссиденты, выступившие инициаторами этого движения, в качестве своего главного требования к власти выдвинули соблюдение Конституции СССР и закрепленных в ней прав человека» (см.: *Ланева В. В.* Указ. соч. С. 314).

понявшего свое предназначение и призвание как данное и заданное «свыше» (И. А. Ильин). Свой источник свобода должна найти в том Вышнем, которому человек предстоит и в котором обретает свою духовность. Ощущение несвободы и унижение своей субъективности, как подчеркивал И. А. Ильин, испытывает только человек духовно несвободный, чувствующий себя недавним рабом или вольноотпущенником. Человек, нашедший свободу и сознательно утвердившийся в ней, знает, что «никакие условия, ни внешние, ни внутренние, не смогут отнять у него той свободы; ибо от того, что другие люди будут обходиться с ним как с рабом, его свобода не угаснет, а только углубится до пределов внешней недостижимости»¹. Свободы полной, абсолютной и тотальной, считал И. А. Ильин, быть не может, ибо в противном случае человек представлял бы собой метафизически произвольное, неменяемое, невоспитываемое, непредусмотрительное в решениях и поступках и хаотически капризное существо, способное в любой момент провалиться в невиданную бездну зла. Свобода — это одновременно и ответственность — как этап предстояния и свободного выбора, так и в оценке последствий поступка. Критерием гармонии свободы и ответственности является совесть как индикатор соответствия реального и возможного, свершившегося и должного. «Я мог бы» — говорит укоряющая совесть; «я должен» — призывает совесть зовущая². Таким образом, духовно мотивированный поступок — это энергия воли, действующее направление которой определяется ответственностью — энергией совести. Лишь в гармонии этих двух начал обретается духовность и зрелость личности. Главное в этой формуле И. А. Ильина — единство духовно мотивированного поступка и ответственности за его последствия перед Богом и людьми, то есть единство свободы и несвободы (ответственности, призванности). В первом ты субъективно свободен — в акте духовного самоопределения, в выборе поступка, но не свободен в ответственности перед Высшим, Надличным, задающим тебе масштаб измерения собственной личности и смысла жизни. Выходит, в подлинном смысле человек свободен лишь в абсолютной несвободе от Абсолюта, в своей заданности и призванности им. И наоборот, он несвободен в отрыве от него, в свободе дурной субъективности своих желаний и потребностей.

Решая вопрос о свободе личности, русская мысль не отождествляла ее с индивидуальностью. Человек в России всегда был выше

¹ Ильин И. А. О новом человеке // Слово. 1993. № 1–2. С. 20.

² Там же. С. 21.

«принципа собственности», что отличает русскую социальную мысль от западного культа индивидуалистической, рациональной и «холодной» справедливости¹. Личность в русской мысли понимается в неразрывной связи с целым — соборностью, миром общины, а проблема законодательного обеспечения свободы отдельного человека переводится в нравственную плоскость духовного выбора и «обесценивается» категорией справедливости, которая исключает право на индивидуальное счастье и связывает благополучие отдельного человека с благополучием социального целого. Пожалуй, лишь в русской культуре идея социальной справедливости получила статус фундаментальной нравственной ценности.

Свобода же человека, выпавшего из миропорядка, — это негативная свобода, ведущая к утрате смысла бытия и гораздо большему рабству — зависимости от материальных благ. Говоря о свободе в системе других человеческих ценностей, С. А. Левицкий писал, что «свободу нужно любить, по завету Бетховена, больше жизни. Но только через творчество, через служение ценностям высшим, чем свобода, свобода исполняет себя и предохраняет нас от легиона демонов рабства, прикрывающихся масками свободы»². Безусловно, человек свободен в духовной сфере — в самоопределении себя по отношению к добру или злу, он свободен в поиске смысла жизни в безмерности и универсальности духовного или утилитарности сиюминутного. Но за пределами этого выбора свобода неизбежно переходит в свою противоположность — человек не свободен от произвола влечений и обстоятельств, невменяемости и зла либо от своего призвания, предназначения и ответственности перед ним.

Кроме того, с западным институтом права диссонирует соборно-коллективистская ментальность Русского мира.

В контексте европейской цивилизации значимость рационального, формализованного права как важнейшего «общего блага» определяется его способностью «создавать условия для свободной, равносправедливой реализации блага каждого по принципу: благо одного человека может быть реализовано до тех пор, пока оно не препятствует реализации блага другого человека»³. Регулятивная способность и общественная ценность права в европейской цивилизации определяют его безусловный приоритет перед нормативными регуляторами

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Филос. о-во СССР, 1990. С. 119.

² Левицкий С. А. Трагедия свободы // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 148.

³ Лапаева В. В. Указ. соч. С. 302.

нравственного и религиозного характера. Право становится условием индивидуальной свободы, универсальным институтом, обеспечивающим каждому члену общества возможность действовать согласно своей разумной свободной воле.

В России «общим благом» традиционно выступает соборно-коллективистское мировоззрение, в рамках которого смысл части определяется ее служением целому. При этом соборность и социальность русской цивилизации не ограничиваются «национальным домом». Сущностной чертой русской культуры во все времена ее тысячелетней истории была вселенскость, универсализм, который также лежит в основе христианской этики¹. Универсалистская доминанта ярко обнаруживается в русской идее с ее наднациональным (всечеловеческим, всемирным) характером, который определялся православием как религией всемирной и выросал на ментальной почве русского человека. Европейская культура в значительной мере вытекает из «римской идеи», устремленной к поиску универсальности, способной объединить людей в большом масштабе — в сверх-, в наднациональном. На основе «римской идеи» формировалось гражданское общество и правовое сознание с институтами гражданских прав. Эта идея нашла свое завершение в протестантизме с его этикой индивидуально-го спасения: каждый спасается, как может.

Византия породила другую идею мирового устройства — этику коллективного спасения, в основу которой было положено отрицание индивидуального эгоизма и утверждение принципа всеобщего спасения, концепции общечеловеческого мира, в котором гражданская община опиралась на духовную общность людей. Взяв эстафету у Византии и сформировав духовное пространство с миссией «Третьего Рима», русские добровольно приняли ответственность за судьбу всех остальных народов, которая потребовала колоссального напряжения и собранности, концентрации всех духовных и физических сил.

«У каждого народа, у каждого человека есть свой интерес, нет никакой заслуги. А идея — это то, что я хочу для всех. Не только

¹ И государство Русь, и его окружение с самого начала были многонациональными — варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и магометане; тесные отношения Руси с финно-угорскими и литовскими племенами, чудью, мерей, весью, ижорой, мордвой, коми-зырянами. В этом смысле Россия — самая европейская страна в Европе по критерию подлинности культуры, ее соответствию христианским источникам. Ибо подлинная европейская культура «открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению, сохранению и отчасти усвоению» (см.: *Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре*. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: СПбГУП, 2015).

для себя и не только для своего народа... Этика коллективного спасения (когда при любом стечении обстоятельств мой народ не спасется, если не спасутся все народы) составляет сердце русской идеи. Русская идея — это идея как жить в соответствии с моралью христианства или с моралью коллективного спасения»¹.

Реализация этого проекта потребовала значительных ограничений пространства личной свободы, что, с одной стороны, заблокировало экспансию ценностей либерализма, с другой — способствовало созданию одной из могущественных империй мира². «Основополагающим понятием для характеристики русской идеи служит „коммунарность“ (от *фр. commun* — община, коммуна) — им охватывается как (прежде всего) религиозное, так и мирское содержание понятий „общинности“ и „соборности“, что резюмируется в идее Богочеловечества. Коммунарность антииндивидуалистична, поэтому русская идея состоит в невозможности индивидуального спасения, в ответственности всех за всех, она есть «идея братства людей и народов»³.

Культурную легитимность института права в православном мире разрушает высокая ценность милосердия и любви, которые выше закона как справедливости. Как известно, христианская концепция человека включает три базовые ценности: страдание, нестяжательство и любовь. Страдание обеспечивает блаженство (вечной и блаженной жизни в Царствии Небесном достойны: плачущие, кроткие, чистые сердцем, жаждущие правды, гонимые за правду), становится условием достижения идеала любви и справедливости — последователи Христа должны быть готовы к трудному миссионерскому служению истине и возможным страданиям на этом пути. Нестяжательство утверждает приоритет духовной доминанты: блаженны нищие духом, то есть отказавшиеся от материальных благ согласно своему духовному выбору. Главное — чтобы был хлеб насущный днесь (на каждый день). Любовь предполагает непротивление злу насилием и всепрощение по отношению к ближнему. Эти предельные жизненные

¹ Межуев В. М. [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии»]: стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

² Хренов Н. А. Судьба культуры в ситуации войны как формы контакта между цивилизациями // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 173.

³ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 214, 269.

стратегии и нормы поведения последователей Христа должны были стать нравственным примером для других в строительстве Царства Божия на земле.

Европейская цивилизация Нового времени строилась на ревизии данного этического идеала, а на этапе постмодерна, по сути, она завершила концептуальную корректировку христианской антропологии, заменив классический образ антропоса ризомоподобным существом, утратившим представление об истине и справедливости, критериях различения добра и зла, вертикальном измерении бытия. Современный антропологический кризис «идеологический укоренен в тотальном экономизме, потребительстве и утилитаризме (культ богатства, власти, престижа, карьеризма, физической силы и т. п.)»¹.

Великая христианская ценность свободы личности и отрицание моральной целесообразности закона Ветхого Завета содержатся уже в самых ранних литературных текстах. В частности, они обнаруживаются в одном из первых выражений национального самосознания и понимания духовной самобытности — выдающемся произведении древнерусской мысли первой половины XI века «Слово о законе и благодати», в котором повествуется о том, как «закон Моисеев отошел, а Благодать и истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась и на наш народ русский», а также содержится «похвала государю нашему Владимиру, им мы крещены были; молитва Богу от всей земли нашей»². Идея христианской любви прослеживается в русской культуре (прежде всего в литературе и живописи) в ярко выраженной теме сострадания и жалости³. Эта морально-этическая линия получила развитие в русских летописях, в древнерусской иконописи, в агиографической литературе. В книжечках для семейно-

¹ Башкова Н. В. Преображение человека в философии русского космизма. М. : UPSS, 2007. С. 5.

² См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV и первая половина XVI века. М., 1984.

³ Русская литература напряженно искала правду-истину, она «первая в мировом литературном процессе осознала ценность человеческой личности самой по себе, независимо от ее положения в обществе и независимо от собственных качеств этой личности. <...> Нравственные поиски настолько захватывают литературу, что содержание в русской литературе явственно доминирует над формой. <...> Тема ценности „маленького человека“ делается основой моральной стойкости русской литературы. Маленький, неизвестный человек, права которого необходимо защищать, становится одной из центральных фигур у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и многих авторов XX века». В связи с этим Д. С. Лихачев характеризовал русскую классическую литературу как «нашу надежду», «неисчерпаемый источник нравственных сил и нравственного самоочищения» (см.: Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 65).

го чтения описывались жития православных святых, которые в своей земной биографии максимально полно воплотили христианскую сущность человеческой жизни: любовь и милосердие в отношениях с ближними, свободу как предпосылку выражения божественной природы человеческого духа, нестяжательство и страдание, социальную справедливость и соборность.

Человечность, по мнению Н. Бердяева, является одной из характерных черт русской культуры «на вершинах ее проявления». «Лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалуют преступника. У них нет западного культа холодной справедливости. Человек для них выше принципа собственности, и это определяет русскую национальную мораль. Жалость к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность очень русские черты»¹. Поэтому поиски рациональных основ для экономических и политических преобразований в России неизбежно заканчивались духовно-нравственными исканиями общества. Так было в эпоху царствования Александра I, когда либерально-конституционные реформы привели в конечном счете к разочарованию в обществе и им на смену пришли социально ориентированные программы — отмена крепостной зависимости крестьян, взаимоотношения сословий, правовые гарантии, местное самоуправление². И в последующие эпохи нравственная ориентация придавала неповторимую окраску как русской национальной идее, так и революционной идеологии, объединяла все социально-политические и культурные процессы, независимо от их идеологического характера и оппозиционности. Даже идеи и ценности революционной интеллигенции на психологическом уровне были детерминированы чувством вины перед народом, которую можно было искупить аскетическим самоотречением во имя грядущего справедливого социального устройства.

Сугубо нравственный характер носит оценка капиталистического уклада жизни и у А. Герцена — яркого представителя левого крыла русской интеллигенции: «С одной стороны, мещане-собственники, упорно отказывающиеся поступиться своими монополиями, с другой — неимущие мещане, которые хотят вырвать из их рук их достойные, но не имеют силы, то есть с одной стороны, скупость, с другой — зависть. Так как действительно нравственного начала во всем

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 119.

² См.: Цимбаев Н. «Никто из нас не доживет до жатвы». Хомяков и славянофилы // Свободная мысль. 1993. № 16.

этом нет, то и место лица в той или другой стороне определяется внешними условиями состояния, общественного положения. Одна волна оппозиции за другой достигает победы, то есть собственно-сти или места, и, естественно, переходит со стороны зависти на сторону скупости»¹.

Нравственная доминанта определила и специфику русской литературы, которая творила «не от радостного творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества, всего мира, от печалования и страдания о неправде и рабстве человека»². Однако в данном случае чувство вины за творящееся в мире зло усиливалось еще и чувством личного греха. На мировоззренческом уровне это выражалось в недопустимости человеческих жертв во имя решения «великих» социальных задач, в отрицании революционных теорий социального преобразования России и противопоставлении им христианской модели «царства свободы и любви».

Низкая культурная легитимность отечественного института права в значительной степени становится результатом появления все новых отраслей права, следствием хаотичного роста «нормативного массива», снижающего смысловую и информационную доступность закона. «Только изложенный ясным языком текст закона, только морально оправданное и ценностно-ориентированное право имеют шанс быть понятными, признанными и включенными в систему жизненных и этических ориентиров человека. Достижение этой цели возможно лишь с признанием правового плюрализма, для которого субъектом правосозидания наряду с государством является человек во всех ипостасях его общественного бытия. В конце концов, именно ценностно-ориентированное и осознанное нами как справедливое право способно примирить нас и с обществом, и с самими собой»³.

3.3. ПОЛЯРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ИНДИКАТОР ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Специфическую черту национального характера, провоцирующую конфликты в сфере социально-трудовых отношений, определяет ярко выраженная амбивалентность, истоки которой кроются в проти-

¹ См.: Герцен А. Былое и думы. М. : Худож. лит., 1969.

² Бердяев Н. А. Судьба России. С. 63.

³ Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. М. : Норма-Инфра-М, 2002. С. 19.

воречивом взаимодействии языческой стихии и христианского этоса. «Два начала» являются основой формирования русского национального характера — «природная языческая дионисийская стихия и аскетически монашеское православие»¹. Эти противоречия определяют сосуществование в интеллектуальном пространстве взаимоисключающих мировоззренческих установок и поведенческих сценариев: свободы и рабства, предприимчивости и пассивности, интеллектуальной устремленности и гедонизма. «Антиномии и антиномизм суть именно то, что принадлежит смерти. Наоборот, бессмертна мысль, пришедшая в разум истины, и потому самому — безусловно логичная»². Поэтому разрешение данного противоречия, «погашение антиномичности» возможно лишь в этической плоскости, через осознание вины и деятельную жизнь, «живую», а не отвлеченную теодицею³.

Драматический симптом русской культуры — ее неспособность самоопределиться в границах одной мировоззренческой модели, непрерывная смена оснований идентичности, размывающая контуры доминирующего мировоззрения. Поляризация национального самосознания заложена уже в самой национальной идее, «единство» которой — в ее прерывистости, разорванности. «Глубокий конфликт» национальной идеи с русской историей, истоки которого — в коренной «дуалистической структуре» самой русской истории и противоречивости, присущей «духовной структуре России и русского народа», поэтому стремление к «целостности», к «всеединству» парадоксально ведет к дальнейшему дроблению и плюрализму (Н. А. Бердяев).

Противоречивость русского характера нашла отражение в концепции реформ Александра II, а также в реакции на них различных слоев русского общества. Если консервативно настроенную часть возмущал радикализм и поспешность реформ⁴, то либеральная интеллигенция квалифицировала проводимые властью реформы как недостаточно радикальные. Консерваторы оценивали реформы как бессмысленный и бесконечный процесс, который требует не только

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. М. : Сварог и Ко, 1997. С. 151.

² Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. : Фолио, 2000. С. 266.

³ Порус В. Н. С. Л. Франк: антиномии духа как основания культуры // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 61–62.

⁴ «Администрация уезда и уездная полиция, по мнению печати, оказывали отрицательное воздействие на местное крестьянское самоуправление, приводя его самостоятельность к нулю. Нужно было реформировать полицию? Но полиция реформировалась также чуть не два столетия, и накопившийся законодательный материал за эти века по реформе полиции затрудняет ориентироваться среди него даже профессора полицейского права» (см.: Алексеев С. Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII–XIX веков. URL: <http://rodovoj.blogspot.ru/2016/12/xviii-xix-1902.html?m=1>).

новых преобразований, но и разрушения государствообразующих нитей, пагубно влияющих на качество функционирования государственных и общественных институтов и ведущих к упадку и концу национального государства. К. Леонтьев считал, что Россию «надо подморозить хоть немного, чтобы она не „гнила“...»¹, и в этой формуле зафиксировано отношение интеллектуалов-консерваторов к «западническим» реформам Александра II². Либеральная интеллигенция видела в реформах половинчатость и непоследовательность, имитационный характер режим принимаемых мер, в итоге консервирующих существующий режим.

Амбивалентность национального самосознания сыграла важную роль в истории отечественных модернизаций. В структуре этой ментальной доминанты резкое неприятие перемен и представление о вреде «слишком быстрых» реформ уживалось с осознанием их необходимости. Такого рода взаимоисключающие тенденции в структуре массового сознания были характерны для русского общества эпохи Александра II, периода десталинизации второй половины 1950-х годов и перестройки конца 1980-х.

Сегодняшняя поляризация самосознания имеет не только историко-культурные истоки и ментальные основания. «Идеологический и метафизический хаос», расщепляющий национальную душу, создан во многом искусственно³. В настоящее время в пространстве национального самосознания разрывы обнаруживаются в оппозиционном противостоянии нескольких мировоззренческих парадигм. Для одной части общества, олицетворяющей процесс пробуждения культурного самосознания российского народа и возрождения культурно-исторической памяти, характерна традиционалистская идеология. Часть политической и духовной элиты выступает носителем ультралиберальных взглядов, распространяя их не только на политику и экономику, но и на культурную жизнь. Консервативное направление, активизирующееся в ответ на экспансию либеральных моделей политического, экономического и общественного устройства, мировоззренчески

¹ Русские писатели 1800–1917 : биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 323–327.

² Митрофанова Ю. Н. Ценностные ориентиры корпоративной культуры в контексте национальной ментальности : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2013. С. 70.

³ «Нынешний хаос является питательной средой наших новых собственников, которые при любом порядке исчезают и теряют часть своей уворованной собственности» (см.: Кара-Мурза С. Г. [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии»] : стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL:<http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>).

противостоит модернизации по западному образцу, призывая к сохранению традиционного архаического компонента российской духовности с учетом положительного исторического опыта и ошибок. Особое место в структуре национального сознания занимает религиозное мировоззрение с его поликонфессиональностью и множественностью религиозных течений¹.

Патриотически ориентированный спектр представлен двумя идеологически оформленными социальными силами: «Русский проект», который представляет определенная часть политического класса, интеллигенции и широкие слои населения, включая молодежь, основан на концепте «трагедии великого народа», который подвергся разделению и унижению при распаде СССР, а сегодня пребывает в состоянии вымирания и лишен должного статуса в государственном устройстве и представительстве в управлении страной и ее ресурсами; «Российский проект» настаивает на признании исторически сложившейся этнической и конфессиональной сложности населения страны и российского народа как полиэтничной гражданской нации. Его идеология строится на утверждении общероссийской идентичности и обеспечении единства российской нации². Глубинный раскол национального самосознания провоцирует социальную и межэтническую напряженность, угрожающую духовному единству российского общества и целостности государственного устройства.

Поляризация общественного сознания отчетливо видна в оценках значимых событий прошлого. В частности, оппозицией по отношению к патриотической парадигме является платформа отечественных либералов, демонстрирующих неукорененность в собственной истории и культуре или даже сознательную фальсификацию подлинного смысла исторических событий, в том числе итогов Второй мировой войны. Деформированный образ прошлого свидетельствует о существенном дефиците в структуре национального самосознания ресурсов национальной солидарности.

Следует отметить, что в ключевые исторические периоды русская цивилизация находила ресурсы для консолидации и силы для эффективного ответа на исторические вызовы. В частности, мировоззрен-

¹ Маршак А. Л. Социокультурная аутентичность как мировоззренческая основа модификации дихотомии «свой–чужой» // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 406.

² Тишков В. А. Диалог культур и новые стратегии национальной политики // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 158.

ческое единство общества было характерно для советского периода, когда во всех уголках и социальных страдах сопричастность к достижениям великой советской державы вызывала гордость, а Москва была притягательным и объединяющим символом¹. Не случайно входившие в состав СССР народы за последние два десятилетия пришли к пониманию, что насильственное проведение межгосударственных разделительных линий между народами, исторически скрепленными прочными хозяйственными и братскими духовными узами, тяжело сказывается на жизни людей. Распад общего пространства, веками объединявшего близкие друг другу народы, все больше воспринимается как большая утрата, с которой в умах людей связываются многие нынешние трудности и неурядицы. Сложившееся положение противоречит логике мировой истории: человеку разумному изначально было присуще стремление создавать общности (семья, род, племя, этнос), которые обеспечивали его выживание в суровых условиях природы и окружающего мира. На интеграционной основе возникли нации и государства, которые сегодня в ответ на вызовы глобализации переходят на рельсы интеграции, объединения сил. Глубинные закономерности интеграции имманентно присущи человеческим сообществам во всем мире². В рамках такой тенденции ученые и политики рассматривают перспективы развития евразийской цивилизации. Все чаще высказывается точка зрения, что для постсоветских государств нет иной альтернативы, они должны объединять свои усилия и обулаиваться на том геополитическом пространстве, которое веками складывалось на территории Евразии. Только единение народов и государств открывает простор для динамичного развития, в противном случае их ждет роль «международных изгоев».

Таким образом, амбивалентность русского характера является глубинной характеристикой ментальности, наиболее остро проявляющейся в эпоху преобразований, когда взаимоисключающие коллективные представления о сущем и должном становятся факторами эмоционального напряжения, причиной острых общественных дискуссий и раскола по принципиальным позициям в отношении перспектив развития России.

¹ *Акаев А. А.* Евразийское единение — историческая закономерность // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 22.

² Там же. С. 23–24.

3.4. НИЗКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ МЕДИАСФЕРЫ КАК ИСТОЧНИК УСИЛЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ МОТИВАЦИИ

В постиндустриальном информационном обществе существенно расширяется состав агентов культурной политики, принимающих активное участие в модификации духовных оснований европейской культуры, вносящих в антропологическую матрицу современной цивилизации языческие энергии и стихии. Значимой антропотворческой и культуросозидающей силой становятся средства массовой коммуникации, сетевые сообщества, субъекты «третьего сектора». Они оказывают огромное влияние на социальную и духовную жизнь человека и общества, модифицируя антропологические матрицы классической европейской культуры, которые на протяжении многих веков составляли духовный «каркас» европейской цивилизации¹.

Современные СМИ сегодня выступают в качестве стратегического оружия информационных войн², становятся составной частью геополитики и важнейшим ресурсом в военных конфликтах. Средства массовой коммуникации играют ведущую роль в современном диалоге культур, который наряду с конструктивными формами сотрудничества и взаимопониманием включает и информационное противоборство. Новая эпоха массовой атаки на традиционные культурные ценности связана с развитием глобальной информационной Сети. На базе мощных технологических ресурсов коммуникации произошло качественное увеличение масштабов и силы воздействия средств массовой информации, ставших мощным средством влияния «на политическую, экономическую и идейную динамику общества, на ментальность и нравственно-этическую атмосферу, на поведенческие мотивы и стереотипы людей»³. В глобальных и на первый

¹ Наиболее показательным в этом плане является Интернет, который используется как инструмент для отработки всего спектра эффективных социально-коммуникативных технологий, формирования массового сознания, не способного отличать реальное от виртуального. Становясь разрушителем ценностно-нормативного поля культуры, ускорителем процессов унификации и глобализации мира, Интернет выполняет весьма значимую социально-культурную миссию, активно утверждая типичный диапазон жизненных стратегий человека эпохи постмодерна.

² В США средства массовой информации рассматриваются в качестве важнейшего компонента внешнеполитической стратегии, значимого агента «активной информационной экспансии в глобальных масштабах» (см.: *Брутенц К. Н.* Российские СМИ и интересы общества // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 502).

³ Там же. С. 500.

взгляд хаотичных информационных потоках обнаруживается некая целеустремленность, воля, организующая и подчиняющая эти потоки единой цели: разрушению духовных основ христианской культуры.

Агенты глобализации используют различные методы и каналы воздействия: утверждение финансовой власти над миром, применение военной силы, которая сегодня англосаксонским международным правом легитимируется в качестве средства защиты прав и свобод человека. Но поскольку главный объект воздействия — сознание человека, его ценности, смыслы, жизненные приоритеты, то основным инструментом идеологической экспансии выступает образно-символический мир культуры, работа с концептосферой национальных языков¹.

В постиндустриальном обществе СМИ становятся важнейшим социальным институтом, который не только обеспечивает каналы коммуникации и информационного обмена в обществе, но и играет важнейшую роль в формировании «человеческого капитала». Формируемое медиаимперией динамично развивающееся коммуникативное пространство в последние десятилетия стало значимым социальным институтом, обладающим огромными ресурсами воздействия на личность. СМИ являются важнейшим инструментом в политической борьбе, пропаганде определенного образа жизни, формировании общественного мнения, продвижении имиджей и брендов организаций, городов, регионов и стран. Вклад СМИ в становление современной цивилизации неоспорим: информационное пространство обеспечивает информационную основу демократии, способствует функционированию демократических структур, оно становится средой общения и условием взаимопонимания между государством и обществом. Средства массовой коммуникации стоят у истоков формирования глобальной культуры, поскольку именно они обеспечили стирание границ между «центром» и «периферией», осуществили децентрализацию культурной жизни, устранив неравенство в условиях производства и потребления культурных ценностей.

Однако на этапе перехода культуры в стадию постмодерна, которая, по сути, совпадает с формированием постиндустриального общества, СМИ осуществляют системную экспансию и выходят за гра-

¹ Не случайно на X Всемирном конгрессе социологов «Социальная теория и социальная практика» (Мехико, Мексика, 1982) была откровенно провозглашена концепция творения мира Словом. Неоднократно говорилось о том, что социально-гуманитарные науки обязаны взять на себя идеологическую миссию, то есть творить и утверждать словом Новый мир.

ницы сугубо информационных функций. Технологические ресурсы и социально-коммуникативные технологии превращают современные СМИ в ведущего агента глобальной культурной политики, который участвует в деформации духовных оснований европейской культуры, разрушении ценностно-нормативных матриц социума и традиционных оснований личностной идентичности. Рыночная стихия, сопровождающаяся монополизацией содержания, минимизировала конструктивные функции СМИ, освободила информацию от «примата общественных интересов», что создает «серьезные информационно-коммуникативные риски для нравственного здоровья и прогрессивного развития общества»¹. Монополия бизнеса на средства массовой информации привела к идейному доминированию программ ультралиберальной ориентации, которые целенаправленно навязывают асоциальные и противоправные модели поведения и стили жизни, осуществляют пропаганду насилия, разного рода девиаций и зависимых форм поведения². Оснащенные новейшими коммуникативно-манипулятивными технологиями воздействия на сознание и поведение человека, репрессивными по методам воздействия и деструктивными по результатам, современные СМИ представляют реальную опасность для душевного здоровья нации. Процесс формирования и утверждения жизненных стратегий в рамках языческого «антропологического репертуара» заметно активизировался с развитием средств коммуникации и приходом новых эффективных технологий обработки массового сознания. На новый виток развития в последние два десятилетия вышли антропоцентрированные технологии, теоретическая основа которых сформировалась на базе интеграции различных наук социально-гуманитарного профиля. Репертуар средств воздействия на сознание и поведение человека включает различные социально-психологические приемы и информационно-коммуникативные технологии с характерной для них манипулятивной природой, апелляцией к подсознанию, человеческим страстям и инстинктам, которые становятся фундаментальным фактором глобальных социально-культурных изменений. Целенаправленное манипулирование общественным сознанием осуществляется с помощью дезинформации и подрывной пропаганды, путем целенаправленной фальсификации событий: «вирус» лжи, паразитируя на «клетках» правды, неизбежно разрушает ее «тело», расширяя пространство хаоса, — такова его

¹ См.: Брутенц К. Н. Указ. соч. С. 501.

² См.: Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры. СПб.: СПбГУП, 2010.

природа. Эффективность данных технологий определяется их способностью использовать человекотворческий потенциал культурной символики, обращение к архетипическим моделям и культурным практикам древних цивилизаций.

В рамках этой тенденции активно утверждается комплекс конвергентных NBIC-технологий¹, несущих колоссальные преобразующие силы и средства, которые, с одной стороны, способны решать глобальные проблемы развития цивилизации, с другой — ставят под угрозу само ее существование. Разновидностью антропоцентрированных технологий являются информационно-коммуникативные средства воздействия на личность, а также гуманитарные технологии, формирующие в массовом масштабе новые смыслы и жизненные стратегии. Гуманитарные технологии основаны на преимущественном использовании «мягких» методов: рационального убеждения, заражения, психологического манипулирования². Употребление термина «гуманитарные» оправдано также опорой на мощный пласт гуманитарного знания: данные технологии активно востребуют идеи и концепции философии, культурологии, лингвистики, психологии, социологии, теории управления и т. д. В частности, информационно-коммуникативной группой гуманитарных технологий успешно используются известные психологические идеи и концепции XX века — психоанализ, бихевиоризм, «гуманистическое» направление, которые определяют их методологию и инструментарий. Арсенал средств их воздействия формируется с учетом созданной психологами модели поведения человека, мотивированного стремлением в актуальном опыте «здесь и сейчас» удовлетворить основные потребности: в безопасности, признании, соперничестве, власти, удовольствии, успехе, самореализации.

Понятие «антропоцентрированные технологии» включает весь диапазон операций, приемов и техник коммуникативного воздействия на личность, прямого и косвенного, с целью обеспечения ее норма-

¹ Аббревиатура NBIC означает интеграцию генетических (нано- и биоинженерных), информационных компьютерных и когнитивных технологий, нацеленных на создание саморазвивающихся живых интеллектуальных систем из неживой материи. Данный комплекс возник на основе синергетической комбинации четырех быстро развивающихся областей науки и практики: нанотехнологии и нанонауки; биотехнологии и биомедицины; информационных технологий, включая новые средства сетевой коммуникации; когнитивных технологий на базе нейронауки.

² Гуманитарные технологии близки по смыслу феномену «мягкой силы», которая определяется как «способность получить то, чего вы хотите, благодаря привлекательности, а не посредством принуждения или платежей» (см.: *Nye J. S., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics.* N. Y. : Public Affairs, 2004).

тивного поведения. Особенности антропоцентрированных технологий — их манипулятивный характер, нравственная нейтральность по отношению к результату, системный и деятельностный подход, а также проектная идеология, лежащая в основе разработки всего технологического цикла. Последняя особенность данной группы технологий носит принципиальный характер. Дело в том, что в профессиях социально-коммуникативной направленности чрезвычайно важно иметь представление об идеальных параметрах ситуации и способах их практического достижения. Эти параметры возникают в зоне несоответствия реального и нормативного и, как правило, фиксируют некие изменения в системе ценностей и поведении аудитории. Именно антропоцентрированные технологии способны обеспечить перевод «объекта» из реального состояния в нормативное, опираясь на единый проектный алгоритм анализа ситуации, целеполагания, характеристики аудитории и разработки инструментальных способов решения проблем инициатора проекта. Проектная методология существенно повышает эффективность антропоцентрированных технологий, оснащая их приемами универсальной аналитической деятельности и делая способными решать класс исследовательских и творческих задач с высоким уровнем неопределенности и повышенной сложности.

В глобальном коммуникационном пространстве обнаруживается широкий арсенал средств воздействия на массовое сознание и поведение. В частности, манипулирование общественным сознанием осуществляется с помощью дезинформации, целенаправленной фальсификации событий, путем «референтации зла», повышающей его привлекательность и усиливающей деструктивные энергии в теле социума. СМИ конструируют «образ врага», порождая энергетику ненависти и насилия¹, используют приемы «символической инверсии» ценностей и святынь христианской цивилизации, когда негативный ряд ассоциируется со значимой в современном социуме символикой, а смыслообразующие образы подаются в шаржированном и отталкивающем контексте. Массмедийное зомбирование формирует новые виды зависимостей — сериалозависимых, шоузависимых, скандалозависимых, живущих в постоянном поглощении все новой и новой телепродукции. Внушение непрерывного кризиса, акцентированная псевдосенсационность обеспечивают высокий уровень нервозности

¹ Эти приемы, в частности, можно обнаружить в «символических упаковках» ислама, который с целью демонизации отождествляется средствами массовой коммуникации с мировым терроризмом.

и блокируют психологическую защиту, резко повышая внушаемость и снижая способность человека к критическому восприятию¹. Апельляция к животным инстинктам в ущерб духовности, замаскированная свободой выбора, фактически оказывается принуждением к «выбору деградации»². Перенасыщенность экрана агрессивными аудиовизуальными образами смерти оказывает мощное эмоциональное давление на массовое сознание, рождая в широких масштабах подражательную агрессию, вызывая угнетенное состояние пораженной страхом психики, формируя толерантность по отношению к злу³.

В технологическом плане средства массовой коммуникации «нейтральны» по отношению к добру и злу, то есть их инструментарий находится вне проблем нравственного выбора. Такова природа всех культурных технологий и практик. Характер агента культурной политики им придает профессиональный корпус журналистов. Между тем ключевая проблема этой профессии в информационном обществе, если выражаться метафорически, состоит в дисбалансе силы и мудрости, свободы и ответственности. Моральная ответственность журналиста сегодня многократно возрастает. Главное его орудие — не просто информация, а Слово, которое имеет адресата и становится проектом реальности. В связи с этим важнейшая задача журналистского сообщества состоит в формировании корпоративной культуры, которая сдерживала бы деструктивные импульсы.

Опасность деструктивного воздействия СМИ осознается мировым журналистским сообществом⁴. В России примером ответствен-

¹ Коммуникативное пространство заполнено потоками пустых сообщений, блокирующих желание человека увидеть в этом хоть какой-то смысл. Между тем целенаправленно структурируемый абсурд нередко принимает внешнюю форму осмысленности. Примером может быть известный американский анекдот времен холодной войны: американский президент и советский генсек приняли участие в забеге на длинную дистанцию. Победил генсек. Американские комментаторы сообщают: «Наш президент пришел вторым, а генсек — предпоследним».

² Данилов-Данильян В. И. [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии»] : стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

³ «Благодаря телевизионным СМИ происходит привыкание общества к терроризму. Опасность заключается в очевидности тенденции к стиранию различия между виртуальным и реальным миром, между театром и жизнью, безумием и нормальностью. Привыкание к террористическому насилию, демонстрируемому на экранах с маниакальной дотошностью к деталям и мелочам, приводит к умиранию нравственного чувства» (см.: Петухов В. Б. Феномен терроризма в информационном пространстве культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2009).

⁴ В частности, во многих странах приняты доктрины национальной информационной безопасности. В журналистике даже появилась новая философия, изложенная

ного отношения власти к информации (и косвенным свидетельством чудовищного разгула агентов СМИ) является закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором определена административная ответственность издателей и владельцев средств массовой информации¹. Но в законах, к сожалению, невозможно предусмотреть все ситуации, потенциально опасные для душевного здоровья общества. Поэтому необходимо воспитывать высочайшую моральную ответственность тех, кому профессия дает право публичного слова — слова правды или лжи, мира или войны, жизни или смерти. Нравственная ответственность здесь чрезвычайно велика — за то, «как ваше слово отзовется...». Журналистика — это тот род деятельности, где важна не техника, а призвание, когда нечто стало ценностью, а работа и сама жизнь — формой служения и исполнения своего призвания. Осознание профессиональной миссии журналиста предполагает отношение к словотворчеству не как к игре интеллекта, но как к способу постижения и утверждения в мире Истины; как к форме соучастия в бытии — путем удержания «порога», за которым начинается мир Хаоса².

Мощный антропотворческий импульс СМИ получили с качественными изменениями статуса информации, которые произвел этап постмодерна. Информация становится объектом потребления, ходовым товаром, а в своих массовых ипостасях — «фастфудом». Главный субъект информационного общества — человек потребляющий, в том числе информацию, потребление которой, как и всего

в «Манифесте медленных СМИ», который был разработан тремя журналистами из Германии и получил широкий резонанс в западных СМИ.

¹ Закон, запускающий механизм защиты детей от насилия и вредной информации, подписан президентом РФ 21 июня 2011 года. В частности, закон запрещает рекламу в школьных учебниках, дневниках и тетрадях, в медицинских и образовательных учреждениях, спортивных секциях и санаториях. Детям нельзя будет показывать продукцию: побуждающую к совершению действий, представляющих угрозу их жизни или здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству; способную вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные или одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию; занимающую проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; обосновывающую или оправдывающую допустимость насилия или жестокости; отрицающую семейные ценности и формирующую неуважение к родителям или другим членам семьи; содержащую нецензурную брань; содержащую информацию порнографического характера.

² В этом контексте уместно вспомнить мысль Ф. М. Достоевского о том, что силы зла стремятся воцариться «в сердцах человеческих», и в битве добра и зла миссия Слова — творить культурное пространство, на котором реализуются представления человека «не только о том, что он думает о себе сегодня, но и о том, что о нем думает Бог в вечности».

остального, доведено до абсурда: оно осуществляется вне всякой инструментальной мотивации¹. Информация о мире становится более объективным феноменом, чем сам мир; реальность в значительной степени выступает конструктом, массмедиаэффектом. Экспансия «хищных технологий» все больше переносит окружающую повседневную реальность в виртуальную область². В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема воздействия виртуальной медиареальности на повседневность. Между этими мирами обнаруживается любопытная связь. Мир помнит, что террористическому акту 11 сентября 2001 года предшествовал неоднократный кинематографический показ сцены рушащихся небоскребов и башен Всемирного торгового центра. Видеоатериал, транслируемый СМИ с места событий, был практически неотличим от постановочных спецэффектов. В случаях с подобными катастрофами мы имеем дело с реализацией человеческих фантазий, когда образы, сформированные в поле виртуального, разрушительно вторгаются в реальность, обретая свой онтологический статус. Похожая ситуация происходит с терроризмом вообще, который в значительной мере есть продукт СМИ: его реальность — исключительно медийная; целью терактов являются не взрывы и смерти сами по себе, а их убедительная и красочная демонстрация на экране, что должно вызвать массовый страх и панику. Теракт как таковой в своем подлинном (и проектном) масштабе появляется в момент трансляции сообщения о нем³. С помощью СМИ

¹ Сегодняшний пользователь Интернета — это весьма своеобразный антропологический тип, которому Виктор Пелевин дал кличку Оранус. Потребление у такого человека становится формой зависимости, а сам он превращается в потребляющего робота. Такая зависимость стимулирует расширение спектра ненормативной активности, в том числе и психологические отклонения. В частности, некоторые элементы отклоняющегося поведения в Сети напоминают вуайеризм (патологическое желание обнажить свое естество). Стремление подсматривать у одних находит отклик в естественной потребности других рассказать о себе, обнажить свое естество. Более того, психологи отмечают появление феномена дивуайеризма, то есть страсть подглядывать за подглядывающими.

² В частности, развитие Интернета и соответствующих технологий привело к образованию ряда сетевых феноменов, таких как «виртуальный банк», «виртуальная корпорация», «виртуальный суд», «виртуальный класс» и т. д. В язык внедряются различные концепты, фиксирующие новые культурные реалии: медиасфера, медиакультура, медиаиндустрия, медийное лицо, медиазависимость, медиафобия и т. д.

³ Зритель смотрит все это с интересом и даже с удовольствием: вид смерти захватывает, а сам он, сидя перед телевизором, ничем не рискует. Онтологические возможности медиареальности хорошо показаны в работе Е. Иваненко, М. Корецкой и Е. Савенковой (YouTube: метромедиальное тело в анатомическом театре. URL: <http://www.phil63.ru/category/07-filosofiya-media>).

он превращается в инструмент политической власти, становится поводом для политических решений, благовидным предлогом для перевода средств в «нужные» статьи бюджета, призывов к дисциплине и контролю, национальной солидарности и гражданской идентичности. Реальность экрана становится фактом жизни, опредмечиваясь в массовых настроениях и политических решениях.

СМИ обрели новые антропологические ресурсы с переходом в статус коммерческих предприятий, создающих и продающих различного рода бизнес-проекты. Рынок вытеснил культуротворческую, просветительную и интеллектуально-развивающую функцию журналистики, вывел данный информационный институт за границы общечеловеческих прав — на психическое здоровье, которое безжалостно разрушается информационной агрессией, на частную жизнь, психологическую безопасность детей, для которых телевизор становится «оружием массового поражения». Содержание информационных потоков и характер транслируемых стилей жизни «героев нашего времени» носит ярко выраженный антикультурный характер, если под культурой понимать ценностно-нормативное ядро, сформировавшееся на основе этического идеала христианства. «Безоглядная пропаганда консюмеризма, красивой роскошной жизни, воспевание насилия, героизация бандитов и разбогатевших на преступной приватизации промышленно-финансовых магнатов подрывают трудовую мораль, обесценивают в общественном сознании добросовестный, честный труд»¹. В хаотичных информационных потоках обнаруживается целеустремленность, организующая эти потоки для достижения единой цели — разрушения духовной основы культуры и формирования «человека языческого». Эти цели логично вытекают из рыночной природы СМИ — молоху рынка нужен человек, исповедующий агрессивный аморализм и гедонистический индивидуализм, человек, смыслом бытия которого будет успех, богатство, слава. По сути, СМИ сегодня осуществляют «духовный геноцид» по отношению к культуре и народу. Основной объект информационных репрессий — традиционный для русской цивилизации образ человека, который методично расстреливается «информационными пушками». Внесение в антропологическую матрицу современной культуры языческих энергий разрушает образ человека, который на протяжении веков составлял духовный каркас европейской цивилизации, то есть модифицируется человеческий код европейской культуры. На наших глазах возникает

¹ Брутенц К. Н. Указ. соч. С. 502.

новая цивилизация с ценностно-нормативной доминантой, характерной, как об этом с юмором пишет В. Разумный, для сообщества «голых обезьян». Цивилизация, исповедующая в том числе свободное отправление естественных потребностей и потакание животным инстинктам — в публичном соитии без чувства стыда, в немотивированной ненависти к другим и т. п.).

Можно обозначить несколько направлений «антропоцентрированной экспансии» современных СМИ в глобальном пространстве.

Первое. Агенты СМИ активно расширяют социальную базу антропологического типа, основу жизненных стратегий которого составляют индивидуализм и психология потребительства как фундаментальная экзистенциальная парадигма, которой сопутствуют алчность, зависть, эгоизм, гедонизм, чувство превосходства, бессмысленная погоня за славой, статусом, богатством, удовольствиями. Лидерами общественного мнения становятся люди «успешные», «состоявшиеся в жизни». Герои бесконечных ток-шоу — представители попсовых тусовок, бизнеса — демонстрируют откровенное презрение к людям труда, дискредитируя тем самым ценность социальной справедливости. Излюбленные темы «звезд» — любовники и любовницы, курорты и особняки, сексуальные подвиги и невиданные масштабы денежных траг¹. Пропаганда «кумиров», демонстрирующих обширный ассортимент пошлостей, а также «экстатический, безудержный культ денег» разрушают общественную нравственность, заставляя человека отказываться от норм морали во имя достижения вожделенного статуса и богатства. Утверждаемая идеология потребительства, декларируя приоритет материальных ценностей над духовными, косвенно способствует расширению ненормативного поведения молодежи. Позиционирование социально-статусных стилей жизни с высокими стандартами потребления, усиление прагматизма стимулируют рост притязаний, которые не могут быть достигнуты законным путем в силу личностных, профессиональных и образовательных ресурсов подростков. Это заставляет огромную армию молодых людей исполнять свои желания в зоне асоциального и противоправного поведения.

Второе. Идет активная пропаганда гедонизма в его наиболее отвратительных формах. Герои бесконечных телепередач демонстри-

¹ Овладение умами и душами людей имеет очевидный коммерческий мотив. Те, кто «делает» молодежную культуру, определяют ее направления и влияют на средства массовой информации, неплохо на этом зарабатывая. В частности, почти все элементы молодежной субкультуры и пропагандируемые стили жизни имеют атрибуты потребительского поведения.

руют сексуальную распушенность, готовность превратить секс в ходовой товар, с помощью которого можно хорошо заработать, удачно выйти замуж, сделать карьеру в бизнесе и т. д. Такая жизненная стратегия убивает в человеке совесть и ответственность, обрекая его на экзистенциальную пустоту, разрушает традиционные для Русского мира солидарность и коллективизм. СМИ и Интернет стали местом публичной презентации, где посредством снятия любых табу происходит разрушение «института стыда» — того, на чем держалась классическая европейская культура¹. Разрушение зоны интимного (через его публичную демонстрацию) убивает чувство стыда, совести, греха, вины. В итоге происходит оскоотинивание человека, атрофия души — того органа, который отличает нас от мира животных.

Третье. Глобализованное информационное пространство становится не только средой для трансляции деструктивных ценностей, но и источником социально-психологического заражения, прежде всего «вирусами» страха, пессимизма и агрессии. С помощью механизмов коллективного резонанса происходит массовизация деструктивных эмоций и состояний — алчности, уныния, тревоги, которые отнимают у людей жизненные силы и обесмысливают любые позитивные усилия по строительству своей судьбы. Апеллируя к темным сторонам подсознания, шоу-индустрия подсаживает население — через нагнетание страха, демонстрацию секса и насилия — на «информационный наркотик». Реальным фактором «мирового апокалипсиса» становятся всепоглощающий страх — страх потерять финансовые накопления, страх исчерпанности базовых жизненных ресурсов, страх поездки в метро после взрыва очередного религиозного фанатика; всеобщий и труднообъяснимый рост взаимной ненависти — к представителю другой культуры, учеников к учителям, детей к родителям.

Четвертое. Составной частью «антропологического проекта» СМИ является расширение границ девиации, институционализация патологии в качестве нормы. Начиная со второй половины XX века запущен огромный и беспощадный маховик индустрии зрелищ, основанный на двух деструктивных (и репрессивных по отношению к духовности), но глубоко встроенных в человеческую природу инстинктах: сексе и насилию. Этот невиданной мощи маховик постепенно

¹ По сути, системе маркетинга удалось сокрушить даже американскую ментальность, сформированную на базе протестантской трудовой этики и закалившейся в эпоху Великой депрессии, пережить которую удалось благодаря культуре самоограничения, здравого смысла и упорного труда.

убивает саму суть культуры — ее духовность, а в человеке — его душу как основу человечности¹. В грязных информационных потоках происходит легитимация пороков — путем придания культурной значимости тем аспектам поведения, которые всегда находились в табуированном пространстве. СМИ вносят существенный вклад в разрушение традиционных моральных норм, представлений о норме и патологии, добре и зле. Они создают атмосферу, в которой распространяются и терпимо принимаются социумом различного рода отклонения, ранее отвергаемые и осуждаемые культурой, формируют молодежные субкультуры асоциальной направленности, задают образцы поведения с девиационной доминантой. Герои массмедийного пространства представляют в качестве атрибута статуса и предмета гордости сексуальные девиации, агрессию, ложь, зависимые формы поведения, в том числе тотальную зависимость от той глобальной массовой культуры, которая его сформировала, и тех социальных паттернов, которые она ему привила и сделала образцом для подражания. Машина духовного растления работает на фоне красиво декларируемых общечеловеческих ценностей — прав человека, защиты свободы и демократии². Все более широкое распространение получают псевдоценности, антиобщественные способы самовыражения.

¹ Волна агрессии и сексуального разгула захлестнула и искусство. О «человеко-творческом» характере современного искусства говорят основные смысловые доминанты кино: в среднестатистическом популярном фильме происходят десятки убийств и половых актов. Социологические исследования показывают, что на российском телевидении в среднем на один час приходится 4,2 сцены насилия и эротики. Если, предположим, ребенок проводит у экрана всего один час в день, то к совершеннолетию он увидит около 30 тыс. таких сцен. Стараются не отставать и творцы мультипликационных фильмов, в сюжеты которых все чаще встраивается ненависть в различных проявлениях и сексуально провоцирующая символика, разрушительная для душевного здоровья ребенка. Генрих Юшквявичус, советник генерального директора ЮНЕСКО, приводит такой пример. На Всемирном форуме телевидения в Женеве состоялся круглый стол по проблеме насилия на телевидении. Участники — руководители немецкого, французского, швейцарского, иранского телевидения — показывали самые жестокие сцены из телевизионных программ своих стран. Но надо было видеть изменившиеся лица участников дискуссии после показа рядовой сцены из российского сериала «По имени Барон». Однако этот фильм — невинный детский мультфильм по сравнению с подвигами героев «Бригады». Отечественная интеллигенция советского периода, пусть робко и не всегда убедительно, все же пыталась очертить границы нравственности, осуждая те произведения, в которых царил половой разгул и агрессия. Сегодня эта волна захлестнула общество, в котором всесильно и безнаказанно правят СМИ и шоу-бизнес. Протест здравомыслящих и морально ответственных людей в такой атмосфере становится поистине «гласом вопиющего в пустыне».

² В этом контексте иначе воспринимается миссия Всеобщей декларации прав человека, ставшей «идеологическим бревном», которое либералы использовали для расчистки ценностного пространства великих культур, возникших на базе мировых рели-

Демонстрируя яркие и броские атрибуты преступности (внешний вид «героев», их поведение), СМИ внесли немалый вклад в расширение социальной базы криминализированных форм самовыражения. Проектировщики рекламных роликов, телевизионных ток-шоу целенаправленно эксплуатируют личностно значимые проблемы аудитории (особенно молодежи и подростков), предлагая морально ущербные способы их решения. Через референтные образы героев они запускают мощный механизм идентификации, ломающий нормативные жизненные стратегии и формирующий «нужные» параметры образа жизни человека¹.

Пятое. СМИ активно содействуют уничтожению исторической памяти путем разрушения образа и дискредитации символического капитала отечественной истории, десакрализации национальных героев, святынь, истории, традиций, публичной и провокационной демонстрации актов осквернения значимых арт-объектов, «зачистки» коллективной памяти через целенаправленное разрушение и осквернение прошлого, масштабной фальсификации духовных основ христианской культуры². В структуре тотальной обработки сознания сформировалась своеобразная «индустрия комплекса вины» — вид массового духовного производства, порождающий нежелание жить, провоцирующий национальное самоубийство как единственный выход из тупикового положения.

гий, прежде всего христианства, — культур, которые удерживали человека в рамках гуманистического, духовного вектора развития.

¹ В качестве приоритетного сегмента для обработки СМИ все чаще выбирают детей и подростков, и это неслучайно. Подросток, испытывающий затруднения — социальный, психологический дискомфорт, частые неудачи, отсутствие возможности самореализации, желание самоутвердиться, боязнь стать изгоем, начинает сравнивать себя с транслируемым образом и зачастую находит большое сходство во внешних признаках. Он готов идентифицировать себя с такими «героями». Срабатывает конформизм, боязнь или нежелание изменить свой образ, отсутствие вариантов иного поведения; кроме того, такие образцы задают «красивую» планку самореализации и компенсации собственной неполноценности путем копирования «успешного» поведения (вплоть до правонарушений) (см.: *Гатальский В. Д.* Система педагогической пропедевтики девиантного поведения учащейся молодежи : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2011).

² Пример нескрываемого цинизма продемонстрировал представитель журналистского сообщества, заместитель главного редактора газеты «Время новостей»: «Увы, мировые религии все более явно проигрывают борьбу с реальностью, все более отчетливо демонстрируют неспособность убедить людей в том, что в земной жизни есть справедливость. Иначе откуда эта истерика по поводу совершенно невинных карикатур на пророка Мухаммеда? Если он всемогущ и абсолютно совершенен, какой вред ему могут причинить жалкие рисунки, сделанные слабой рукой земного человека? Какой вред, причти господи, „имиджу“ Христа может причинить какое-то голливудское кино? Тем более что в голливудском кино Бог уже даже был... женщиной».

Основной результат тотальной экспансии СМИ состоит в расширении границ аномии и разрушении ценностно-нормативной базы культуры, утверждении «царства хаоса» и расширении спектра девиаций, патологий и форм зависимого поведения (наркомании, интернет-зависимости, игромании, шоппоголизма и т. п.). Обеспечивая культурную легитимность тем аспектам и атрибутам человеческого поведения, которые всегда находились в табуированном пространстве европейской культуры, и пропагандируя идеал «нового язычника», СМИ постиндустриального общества осуществляют масштабную фальсификацию духовного ядра христианской культуры.

Глава 4

РЕСУРСЫ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Ключевым макроусловием минимизации конфликтов выступает взаимосогласованность подсистем общества, обеспечивающих в совокупности необходимые условия для нормального функционирования социального организма (Т. Парсонс). Адаптивная функция выполняется институтом экономики, материального производства; целеполагание и целедостижение обеспечивают политические структуры; интеграция системы поддерживается нормативной функцией культуры и соответствующими механизмами разрешения внутренних конфликтов; аксиологическое единство общества достигается генерированием и воспроизводством исторически устойчивых базовых ценностей, придающих смысл существованию человеческой общности и определяющих ее главные черты, «исторический профиль»¹. В ситуации доминирования одной из подсистем они располагаются иерархически, при этом «вышестоящие выполняют роль регулирующего механизма, содержат обобщенную программу действия; нижестоящие обеспечивают энергетические ресурсы для осуществления действия»².

Разработка концепции регулирования социально-трудовых отношений и системы профилактики конфликтов, учитывающей мировой опыт и особенности национальной культуры, предполагает:

а) изучение факторов и причин расширения пространства социально-трудовых конфликтов, обусловленных несоответствием модели социально-трудовых отношений специфике национальной культуры, социальными противоречиями современного российского общества, качеством организационной культуры российских предприятий;

¹ См.: *Парсонс Т.* Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. М., 1965 ; *Он же.* О социальных системах. М., 2002 ; *Он же.* Система современных обществ. М., 1998.

² *Седов Л. А.* К типологизации средневековых общественных систем Востока. Попытка системного подхода // Народы Азии и Африки. 1987. № 5.

б) востребованность смыслообразующих матриц отечественной культуры как пространства солидарности и согласия субъектов социально-трудовых отношений;

в) акцент на консервативной доминанте, способной усилить мировоззренческую платформу национальной солидарности и минимизировать антагонизм социально-трудовых отношений постсоветской России;

г) корректировку концепции права с учетом национально-культурной специфики;

д) утверждение нормативной функции корпоративной культуры как элемента социально-трудовых отношений и пространства солидарности работодателей и работников;

е) усиление в структуре социально-трудовых отношений смыслообразующей и консолидирующей роли духовно-нравственной составляющей.

При этом ключевым условием эффективности модели социально-трудовых отношений постсоветской России является учет отечественных духовных традиций и формирующихся приоритетов социально ориентированной экономики, опора на культурный этос и ментальные матрицы Русского мира.

4.1. КОНСЕРВАТИВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Обращение к традициям и ценностям исторического прошлого — значимая тенденция последних десятилетий, характерная как для христианских культур, так и для мусульманского мира. Реабилитация консервативных ценностей обусловлена глобальными проблемами мировой цивилизации. Человечество вступает в новую фазу развития, когда доминирующим фактором мировой политики и фундаментальным источником конфликта будут не идеологические или экономические разногласия, а прежде всего культурные и этнические различия и противоречия. Это объясняется той ролью, которую традиция играет в сохранении целостности и устойчивости культурной системы. Различия национальных культур остаются основополагающими, и это вполне закономерно: народы отличаются друг от друга своей историей, языком, религией, традициями. Люди, принадлежащие к разным культурам, имеют разное представление о Боге, смысле жизни, взаимоотношениях гражданина и государства, роди-

телей и детей, мужа и жены. Культурные признаки с трудом поддаются изменению и копированию, в отличие от экономических и политических моделей. И если в классовых и идеологических конфликтах ключевым вопросом был «на чьей ты стороне?», то в межкультурных конфликтах спрашивают «кто ты?». Ослабевает роль национального государства как источника идентификации человека, поэтому идентифицирующие функции берут на себя культура и религия, особенно в своих фундаменталистских формах («реванш Бога»). Вместе с ростом межкультурных контактов усиливается осознание людьми принадлежности к собственной культуре и одновременно неприятие (или даже враждебность) представителей других культур. Интерес к собственным духовным корням нередко стимулирует развитие экономического регионализма и разрушение в мировом сознании образа Запада как «земного рая», поэтому незападные цивилизации начинают возвращаться к своим истокам¹.

Важнейшее условие духовного и душевного здоровья общества — органичная связь с прошлым². Как большая личность создает образ себя в настоящем и будущем, вспоминая свое «здоровое прошлое», так и культура для исцеления должна воссоздать этот образ, сформировать его из здоровых элементов настоящего и прошлого. Функцию

¹ См.: Столкновение цивилизаций: реферат статьи С. Хантингтона // Свободная мысль. 1993. № 17–18.

² Для осознания значимости гармонии с прошлым культуру народа можно отождествить с душой человека, утратившего идентичность. Способ ее обретения можно понять на примере известного в 1980-х годах психотерапевтического метода маскотерапии. Внешне маскотерапия выглядит следующим образом. Терапевт-художник создает из пластилина серию портретных изображений пациентов с различными психическими заболеваниями — масок. Во-первых, маска должна быть похожа на пациента — он должен узнать себя в ней; во-вторых, в образе человека должны присутствовать здоровые элементы из его прошлого, которые надо выявить, рассмотреть в больном облике, обнажить и воссоздать в портрете, а потом заново интегрировать целостность из здоровых элементов. Сеансы длятся от месяца до года. Постепенно врач создает объективный образ пациента в прошлом, исключая из него деформированные элементы настоящего. Больной принимает этот образ, отождествляет себя с портретом и возвращается в состояние здорового прошлого, исцеляясь в настоящем. Глубинная суть данного метода состоит в следующем: причина всех психических заболеваний — кризис идентичности, то есть распад, отчуждение от собственной личности. Следовательно, исцеление — это возврат былой целостности. Основной механизм лечения — идентификация деформированного сознания со здоровым образом самого себя, который был когда-то в прошлом. Условия воссоздания здоровой личности пациента: а) узнавание себя в прошлом — возвращение к разрушенным в результате заболевания жизненным смыслам и ценностям; б) познание и принятие себя в новом качестве. В результате происходит преодоление феномена отчуждения, вывод и выход пациента из состояния аутизма — болезнь постепенно осознается и преодолевается.

«врача-маскотерапевта» выполняет религия, гуманитарная культура, в образах которой Россия «узнает» и принимает себя в сущностном. Именно в глубине национального сознания необъяснимым образом возникает база для единения и «непоколебимое волевое ядро народа» (Фроссер), которое противостоит разъединяющим силам.

Идея целесообразности и необходимости утверждения в обществе консервативных ценностей убедительно звучала на Лихачевских чтениях последних лет, участники которых подчеркивали, что консерватизм становится для России велением времени. Приходит понимание того, что без утверждения базовых моральных ценностей реформы в экономической и социальной сфере обречены на провал¹. «В каком бы состоянии ни было государство, даже со странной, устаревшей и грубой структурой, единственной интегративной силой любого общества — способное придать достоинство его гражданам, является традиция — собрание живого опыта поколений, историческое развитие культуры каждого сообщества, нации»².

Значительные ресурсы для утверждения идеологии консерватизма имеются в традициях и ментальных матрицах «русской цивилизации», народ которой обнаруживает удивительную стабильность базовых ценностей даже в условиях не всегда продуманного реформирования. Опросы последних лет показывают, что в ситуации капиталистической эйфории и соблазнов для большинства наших сограждан главным является счастье, забота о своей семье, социальный мир, справедливость и безопасность. Опыт сближения с Западом оказался опытом разочарования, и российское общество ответило неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стало отрицание либерализма и фундаментальная переоценка ценностей, причем на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира³. Традиции, с одной стороны, представляют собой общий знаменатель для различных культур и основных мировых религий, с другой — служат средством поддержания нравственных устоев

¹ Громько А. А. Глобализация как процесс взаимодействия культур в мировом масштабе // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 54.

² Варга Ч. Глобальные вызовы, правовое государство и национальные интересы (дебаты об универсализме/партикуляризме евроатлантической цивилизации) // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 46.

³ Горшков М. К. Культура как пространство диалога цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 49.

общества, способом передачи его ценностей от поколения к поколению и условием социальной сплоченности¹. Прошлое не поддается восстановлению в виде точной копии. Оно существует в нашем сознании для того, «чтобы в распоряжении человечества был бесценный „дидактический материал“, пренебрежение которым грозит потрясениями»². Одним из существенных препятствий на пути консерватизма становится безрадостная картина нагромождения все новых реформ, в том числе в судьбоносных для жизни общества областях. При этом пыл отечественных «реформаторов» набирает силу, и мало кто в этом потоке сомнительных действий задает себе вопрос «куда мы несемся?»³. В данном контексте была остро поставлена проблема соотношения прав и свобод личности и необходимости сохранения социального порядка, защиты целостности национально-культурного жизненного мира нации, который имеет преимущественное право перед осуществлением абстрактных принципов справедливости. Право народа быть самим собой — это право иметь историческую память, являющуюся частью исторического наследия, обладать национальным духом и цивилизационной идентичностью⁴. «Правильно понятая идея общей судьбы с точки зрения идеологии должна помочь избежать крайностей национализма, который всегда основывается на культе избранности, эксклюзивности и который всегда опасно экспансивен»⁵.

Возрождению консервативной идеологии в современной России способствуют крах либеральной парадигмы общественного устройства и глобализация, провоцирующая возрождение консервативных ценностей в границах национально-культурного мира⁶.

¹ Яковенко А. В. Традиционные ценности в эпоху глобализации // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 188.

² Дегоев В. Кавказ и имперская идея // Звезда. 2004. № 6. С. 173.

³ Грымько А. А. Указ. соч. С. 53.

⁴ Гаджиев Г. А. Исторически состоявшийся диалог культур как основа права российского народа быть самим собой // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 40.

⁵ Там же.

⁶ Об усилении данной тенденции свидетельствует тематика последних всемирных конгрессов социологов, сконцентрированная вокруг гуманитарных проблем, в той или иной степени имеющих отношение к процессу и результатам формирования нового мирового порядка: глобализация и социально-культурные травмы; глобализация и маргинальность; методология и технологии перехода традиционных обществ к постиндустриальной стадии и др.

Крах либеральной парадигмы общественного устройства как фактор усиления консервативных ценностей

Значимыми тенденциями развития общественного сознания в России на современном этапе являются, с одной стороны, маргинализация либеральных идей и теорий, с другой — возрождение традиционной имперской концепции «защиты национальных интересов», преодолевающей характерную для периода распада СССР ущербность феномена национальных интересов как чисто экономических, без учета военных, геополитических, геокультурных и геоэнергетических измерений¹.

Либерально-демократическая идеология в очередной раз терпит поражение, поскольку выстроенные на ее основе проекты реформирования дестабилизировали *системообразующие* институты общества, внесли немалый вклад в разрушение традиционных моделей социального общежития, основанных на солидарности и соучастии, ценностях правды и справедливости. Принцип плюрализма, центральный для социальной философии демократического общества, в контексте российской специфики сегодня оценивается как средство деградации культуры, ведущее «к равнодушию и к потере всякой глубины», к «бессмыслице и многообразию заблуждений» (А. И. Солженицын), к утрате различий между истиной и ложью, добром и злом. Плюрализм, постулирующий ценность «части», отторгается российской культурой, для которой приоритетом всегда была целостность и особая значимость надличностных *идеалов*². Драматический опыт 1990-х годов помог общественному сознанию россиян понять подлинную суть западноевропейской культуры эпохи постмодерна, которая агрессивным утверждением ценностей потребительства, гедонизма и образом «райского наслаждения» пытается компенсировать духовную бедность и экзистенциальную пустоту, демонстрируя иллюзию реализации творческого потенциала личности через единственно доступные формы свободы — самовыражение и потребление.

Существенным поражением либеральной парадигмы является провал идеи построения в России правового государства западного

¹ Проданов В. От монополярного к мультиполярному миру и возвращение национальных интересов // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 208.

² См.: Булычев Ю. В поисках государственной идеи // Москва. 1993. № 5 ; Дунаев М. Проклятые вопросы // Слово. 1993. № 34 ; Зиновьев А. Гибель «империи зла» (очерк российской трагедии) // Социологические исследования. 1995. № 2.

типа, который нельзя списать на временные неудачи. Его истоки кроются в глубинах исторически устойчивого национального этоса и национально-культурной ментальности. В данном случае проблема заключается не только в правовой некомпетентности законодательных органов, низкой исполнительской дисциплине региональных структур власти или в отсутствии правовой культуры населения. Отторжение западного права (на всех уровнях — от философско-концептуального до бытового) имеет глубокое идеологическое обоснование. Как известно, еще славянофилы видели в попытках «оправовления» России вредную тенденцию рационализации общественной жизни, характерную для протестантского Запада. Ф. М. Достоевский видел в правах человека разрыв нравственной связи юридическими барьерами. Народники, анархисты считали конституцию и политические свободы человека орудием эксплуатации народа, инструментом насилия¹. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века рассматривались как взаимоисключающие принципы общественного устройства. «Евразийцы» считали, что право, в отличие от нравственности, формально нормативно, оно дает «отвлеченные общие формулы должного», определяет лишь «условия религиозно-нравственной деятельности, а не ее самое», так что в «формах права возможна и деятельность безнравственная». Отличие права от нравственности заключается в том, что оно связано лишь с низшей сферой нравственности — идеей справедливости; оно формально, охранительно и нормативно, а потому обладает принудительным характером².

И. А. Ильин отмечал, что в западноевропейском понимании право регулирует внешнее поведение человека, что глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. В идеале право и государство должны обращаться к внутреннему миру человека, чтить в нем «свободного субъекта прав» и подсказывать его «само-сознанию и право-сознанию, что именно ему по закону „можно“ (полномочия), „должно“ (обязанности) и „нельзя“ (запретности)». Вменив себе в обязанность соблюдение закона, следует соблюдать не «букву закона, а скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства»³. Компетенция права в российском обществе — отражать

¹ См.: *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // *Вопросы философии.* 1991. № 8. С. 127.

² *Карсавин Л. П.* Основы политики // *Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн.* М.: Наука, 1993. С. 211–212.

³ *Ильин И. А.* За национальную Россию. Манифест русского движения // *Слово.* 1991. № 7. С. 84.

и закреплять сложившийся нравственный порядок, отношения, регулируемые совестью, долгом, ответственностью, справедливостью, ибо «все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать лучше. В этом нравственная аксиома христианства».

Основная проблема мира — не в отсутствии законов, обеспечивающих права человека и гарантии государства, но в личностном несовершенстве. А потому и логика движения к справедливому государству лежит через обуздание, воспитание и укрепление в добре и нравственности души человеческой, ибо «жадные люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству. России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием. Поэтому мы должны научиться: ставить дело Родины, как Божие дело, выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личной карьере; служить не соблазненно, неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее к ответственности»¹.

Не бесспорна в контексте российской духовности и такая ценность, как права и свободы человека, которая в либерально-демократической идеологии является доминирующей, смыслообразующей. Если в рамках этой идеологии свобода человека и раскрепощение его творческих потенций отождествляются с его независимостью от целого, внеличного, то в контексте российской ментальности, наоборот, свобода как независимость становится обоснованием худшего вида рабства — экономического, ибо духовную свободу русский человек всегда обретал в призвании, в соотношении себя с абсолютными духовно-нравственными ценностями, в служении им. Свобода для него — это неразрывная связь с целым, понимание своего предназначения и призвания как данного и заданного свыше. Свобода же «от» и «вне» целого — это «та свобода, которую смерть дает органическим элементам разлагающегося тела»². В психологическом плане необходимым условием творческой свободы является растворение субъекта в «явлении» свободы, то есть снятие свободы в форме отказа от собственной эмпирической субъективности, «потеря субъектом контроля над собой»³. В акте духовного выбора и самоопреде-

¹ Ильин И. А. Указ. соч.

² Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996. С. 203.

³ См.: Зигченко В. П., Мамардашвили М. К. Изучение высших психических функций и категория бессознательного // Вопросы философии. 1991. № 10.

ления приоритетной остается сфера надличностного, ибо духовное призвание и ответственность человек обретает лишь в соотношении себя с абсолютными духовно-нравственными ценностями и идеалами. Смысл жизни, ощущение подлинности бытия обретаются только в отдаче, служении чему-то — лишь отдаваясь, человек возрастает в бытии (Г. Померанц).

Возрождение консервативных ценностей как «инстинкт» самосохранения культурной самобытности в глобальном мире

Приоритеты претендующей на мировое господство глобальной идеологии открыто манифестируются ее творцами¹. Во-первых, это отказ от такого понятия, как национальное государство: в новом мире, считают они, не будет места отдельным государствам с их национальной идентичностью, национальным сознанием, национальной экономикой, культурой. Во-вторых, отказ от традиций, истории, специфики региональных и местных культур, старых принципов и ценностей (таких как Родина, справедливость, равенство, духовный прогресс и т. д.). В-третьих, отказ от ценностей материального благополучия и потребления: рубеж пресыщения Западом уже пройден, и дальнейшее усиление потребительской ориентации означает самоотравление.

Центральный принцип идеологии глобальной цивилизации — стабильность любой ценой, без разбора средств и учета последствий. Необходима консервация существующего баланса богатых и бедных стран. Кто не успел выйти на уровень сверхпотребления, должен отказаться от таких притязаний: с одной стороны, надо думать об интересах человечества, с другой — до уровня потребления в США все равно не подняться, на это не хватит мировых ресурсов. Россия, по мнению сторонников этой идеологии, не несет в себе позитивного потенциала, соответствующего «новому» мировоззрению, а потому в глобальной цивилизации ей пока места нет. Сегодня она рассматривается лишь в качестве объекта для эксперимента, суть которого выражена в следующих словах: «Поскольку СССР потерпел сокрушительное поражение сродни поражению Германии во Второй мировой войне, то сейчас мы должны использовать в России разработанные

¹ См.: *Покровский Н. Е.* Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Социологический ежегодник. Сер. «Теория, методология». М., 2000. С. 9.

американскими социологами, и в частности Т. Парсонсом, методы денационализации, примененные США в Германии в 1945 году». Со временем Россия может стать «кандидатом» на вступление в новую цивилизацию, но лишь в том случае, если осуществит «Великий отказ» — от национальной культуры, своей истории, духовности, традиций¹.

Одним из результатов глобализации является разрушение традиционных оснований национально-культурной идентичности — унификация национальных культур, вступающая в противоречие с национальными традициями и обычаями народов. Народы развивающихся стран и регионов сопротивляются экспансии Запада. Да и в странах Западной Европы растет стихийный протест — в форме антиглобалистских движений². Идея культурного самосохранения не чужда и европейскому сообществу: одним из мотивов объединения стран Европы было консолидированное стремление противостоять американизации. Борьба за сохранение европейской культуры становится катализатором культурной интеграции Европы, выработки общеевропейской культурной политики, той платформой, которая объединяет представителей разных партий, носителей различных идеологических убеждений и мировоззренческих ориентаций. Порожденный глобализацией системный кризис идентичности стимулирует болезненный интерес к прошлому, традициям, истокам³. Все острее стано-

¹ Покровский Н. Е. Указ. соч. С. 9.

² «Однако дело не в самой идее глобализма, а в том, в какой форме она к нам приходит. А приходит она к нам в так называемой американской форме. Вот это страшно. Мне приходилось работать в Америке довольно долго. Я хорошо знаю американцев. В их обществе царит абсолютный примитивизм, хотя мы считаем, что это достаточно высокоразвитая цивилизация. Да, она технически высокоразвитая. В 1966 году мне пришлось быть на стажировке. Городского транспорта и тогда уже почти не было. Пришлось сдавать на права. Наши права тогда совершенно не признавались. Меня уже тогда потрясла система вопросов, на которые надо было ответить, чтобы получить права. Я шаржирую сейчас один пример, он не совсем такой, но, поверьте, очень недалек от того, что расскажу. Вы едете. Дорогу переходит группа детей. У вас три возможности, три варианта ответа: 1 — давить детей; 2 — сворачивать в кювет; 3 — тормозить» (Журавлев Ю. И. [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии»] : стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>).

³ В данном контексте следует отметить усиление одной опасной тенденции — в глобализирующемся мире рождается и набирает силу противоположный импульс: возрождение идеологий, исповедующих культ «почвы и крови», в том числе так называемые новые правые. Похожие тенденции можно обнаружить во временах язычества, когда в недрах древних культур формировалась энергия Ветхого Завета с его заповедями, которые качнули «маятник цивилизации» в противоположную от язычества сторону.

вится проблема выработки альтернативных глобализации сценариев, способствующих сохранению уникального богатства национальных культур и стилей жизни, утверждению единства человеческого рода как «цветущей сложности» (К. Леонтьев).

В глобальном пространстве последних лет стремительно меняются рисунок и векторы развития линий диалога, мозаика международных отношений и симпатий. В частности, в политическом дискурсе Европы усиливается негативное отношение к России, образ которой все интенсивнее наполняется соответствующей символикой. Растущее противостояние России и Запада играет свою положительную роль в возрождении исторической памяти и пробуждении патриотических чувств. В общественном самосознании (и в дискурсе властной элиты) укрепляется представление о России как об уникальной цивилизации, интегрирующей в себе европейские и азиатские начала, обеспечивающей мирное содружество множества национальностей и религий. В сложившейся ситуации Россия активно смещается в сторону восточноазиатского центра силы, и важным фактором, толкающим нашу страну в этом направлении, становится позиция консолидированного «Запада» — в лучшем случае недоверчивая осторожность по отношению к «русской цивилизации», в худшем же речь может идти о динамичном цивилизационном отталкивании, основанном на признании несоизмеримости цивилизационных моделей обеими сторонами российско-атлантического диалога¹. Строительство Евразийского союза дает всем его участникам уникальные возможности для сохранения своей национально-культурной самобытности и стремительного экономического подъема².

Возрождение идеологии консерватизма в сегодняшней ситуации позволит сохранить в рамках сложившихся национальных культур классические основания идентичности. Эта тенденция в последние годы все отчетливее прослеживается не только в России. В Европе

¹ При этом со стороны восточных партнеров исходит не меньшая опасность культурного доминирования, чем от западных. Преодолеть ее можно лишь путем такого сотрудничества, которое дает возможность развиваться «своему», а не только плодотворно взаимодействовать с «чужим» (см.: *Силантьева М. В.* Ментально-символическое преодоление барьера «свой–чужой» как основа стратегий освоения инокультурного пространства // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 429).

² *Занесоцкий А. С.* Россия на евразийском пространстве. Размышления о прошлом и будущем (К вопросу о современной теории и практике евразийства) // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 65.

происходит расширение социальных сил, делающих ставку на «нео-консерваторов», чей приход к власти обещает отказ от принципов мультикультурности, толерантности и политкорректности, возрождение традиционных ценностей — семейных, гражданских, национальных. Позитивная составляющая консерватизма — патриотизм с его символикой большой и малой родины, доминирующей идентичностью по месту рождения, которая снимает значимость «родовой солидарности». Дополнительным фактором национальной идентичности (особенно в ситуации ее кризиса) является гражданская идентичность, фиксирующая принадлежность к политическому сообществу, которая в значительной степени является «результатом свободного выбора личности» (А. А. Гусейнов). И в границах западного мира происходит осознание, что ультралиберализм и постмодернистская идеология производят необратимые изменения национально-культурного ландшафта и морального климата, обрекая традиционную Европу на гибель (Ю. Д. Гранин).

Обозначенные выше факторы, стимулирующие возрождение консервативной идеологии в российском обществе, свидетельствуют о том, что культура своими средствами пытается вернуть мир в границы добра, справедливости, милосердия, духовности — тех базовых ценностей, вне которых человек теряет свой «образ и подобие». В экономическом плане это означает реабилитацию труда как сферы личностной самореализации, утверждение человека-творца, создающего по своим способностям и потребляющего в меру, исповедующего национально-культурную укорененность и моральную ответственность как за результаты своего творения, так и за свое земное призвание, которое может осуществить только на двух земных поприщах: в любви и в труде.

4.2. КОРРЕКТИРОВКА КОНЦЕПЦИИ ПРАВА С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

Современная проблематика дискуссий по праву затрагивает основополагающие тезисы, конституирующие институт права в его западном варианте. В частности, труднейшей задачей современной правовой теории и практики остается поиск оптимального варианта взаимоотношений личности, коллектива, государства и общества¹.

¹ Чиркин В. Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права : эссе // Право и политика. 2001. № 4. С. 90–93.

Даже в контексте западноевропейской культуры сомнению подвергается правомочность приоритета разума, который в европейской культуре Нового времени становится универсальным принципом и доминантой культуры, вытеснившим область духовно-нравственного. «Отречение от разума» характерно для этапа постмодерна, который «бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития — под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евроатлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам»¹. О деградации логоцентричной методологии познания и творения человека и мира свидетельствует сокращение пространства «высокой» культуры Логоса (в том числе за счет целенаправленного вытеснения христианской антропологии «информационным мусором»). Духовной коррозии подверглись центральные институты гуманитарной культуры — философия, литература, живопись. Торжествующий сегодня в либеральных кругах Европы и Америки постмодерн, утверждающий «абсолютный полицентризм истин», — это культура «малого», «внутриисторического апокалипсиса» (А. Казин). О деформации логоцентричного фундамента культуры свидетельствует экспансия деструктивной антропологии в системе гуманитарного знания². Интеллектуалы современной Европы делают не менее пессимистичные выводы о губительной траектории нынешнего развития человечества, прогнозы о печальном постисторическом периоде европейской культуры, в котором деформированы, находятся в состоянии транса или уже умерли ключевые гуманитарные институты — религия, философия, искусство, а вместо этого остается тщательно оберегаемый «музей человеческой истории».

¹ Гранин Ю. Д. Столкновение и кризис идентичностей в глобализирующемся мире // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 387.

² Начиная с хлесткой метафоры Ницше о «моргающем европейском человеке», о человеке как «животном с испорченными инстинктами» («не установившемся животном»), западные гуманитарии представляли человека «голой обезьяной» (Д. Моррис), «ошибкой эволюции» (А. Кестлер), а З. Фрейд фундаментально обосновал идею «патологичности» человеческого сознания, охваченного сексуальными желаниями и деструктивными помыслами. М. Фуко остроумно отмечал, что Маркс, Ницше и Фрейд создали вокруг нас такие зеркала, в которых видимые нами наши образы становятся для нас «неисчерпаемым оскорблением».

Рушится онтологический статус и смысловые контексты ключевого феномена западного права — свободы, которая все чаще оборачивается своей противоположностью. Европейский «гуманизм» Нового времени исказил смысл христианской свободы, сведя ее к праву на индивидуальную самореализацию и обосновав ее в качестве главного средства горделивого самоутверждения человека¹. Но человеческая индивидуальность, которая всегда находится в плену у своей природы, является основным препятствием на пути к свободе. «Понятие личности предполагает свободу по отношению к природе, личность — свободна от своей природы, она своей природой не определяется. Человеческая ипостась может самоосуществляться только в отказе от собственной своей воли, от того, что нас определяет и поработачает естественной необходимостью. Индивидуальное, самоутверждающееся, в котором личность смешивается с природой и теряет свою истинную свободу, должно быть сокрушено. В этом — основной принцип аскезы: свободный отказ от собственной воли, от видимости индивидуальной свободы, чтобы вновь обрести истинную свободу — свободу личности, которая есть образ Божий, свойственный каждому человеку»².

Европейская «свобода духа» становится иллюзией свободы, разновидностью прелести, ибо обращает взор и помыслы человека к физиологической группе потребностей — в удовольствии, пище, безопасности. В результате происходит подмена сущностных характеристик «человеческого духа», который есть «нематериальная часть человека, связывающая его с вечным и непреходящим миром»³. «Свобода духа» становится противоположной христианскому смирению, она утверждает человека в гордыне жить «во имя свое». Но эта попытка «заведомо обреченная на провал, ибо если человек не является храмом Духа Божия, тогда он делается храмом лукавого духа зла и третьего, как мы помним, быть не может»⁴. «Сведя свое личностное лишь к своей природе и занявшись самостоятельным ее обустройством в мире ограниченном, личность стала лишь „бедной домохозяйкой“, погрязшей в мелких, земных хлопотах и попытках реализовать в жалких, тесных „коммунальных“ условиях свои „царские замашки“ <...> Личность, повернувшись лицом к ограниченному и временному, никак не может воспользоваться своими богаты-

¹ К последней, страшной свободе / Склонился уже наш дух (Н. Гумилев).

² Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. М., 1991. С. 93.

³ Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 79–81.

⁴ Зобнин Ю. В. Н. Гумилев — поэт православия. СПб.: СПбГУП, 2000. С. 315.

ми возможностями и только иной раз плачет, поет, рыдает о чем-то таинственном и непонятном, и люди вокруг как будто тоже что-то в этом узнают такое родное, такое знакомое, но забытое. И это называют „раскрытием личности“, „неповторимым своеобразием“ души человека. На самом же деле это стон души, какой-то невнятный плач, неизъяснимая жажда, которую испытывает личность, не находя для себя в этом мире того, чем она могла бы дышать, жить, что утолило бы ее жажду и голод. И она стонет от этого, кричит: то плачет, то хохочет, то „бьет посуду“, то вдруг опускается на дно моря и ищет там, поднимается на высокие горы, вглядывается в звезды, — всюду ищет, мечется, томится, не находит, опять стонет... А мы говорим: „Какая необычная судьба! Какая выдающаяся личность! Вот это настоящая жизнь! Этот человек не напрасно прожил отпущенные ему годы!“¹.

Сегодня на смену христианской свободе в сфере духа пришел суррогат — «псевдосвобода» потребителя на территории супермаркета, «свободы» граждан в пространстве, отведенном его величеством Законом. «Свобода, которую Запад дарует, — это чистая фикция. Это абсолютно тоталитарная идеология, которая терпима и толерантна только к тем, кто разделяет ее принципы. Любая идеология таким образом терпима к тем, кто думает так же. Если мы думаем как либералы, нам позволят жить. А если мы думаем не как либералы, то нам не позволят»². Легкость искушения свободой определяется самой природой человека, его «родовой испорченностью». Языческое наследие оставило глубокий след в структурах человеческой экзистенции — современный человек охотно поклоняется богатству, исповедует культ силы, успеха и удовольствия. Он легко оказывается в плену у самой заманчивой иллюзии — свободы, не отдавая себе отчета в том, что «свобода» потребительского безумия есть всего лишь иллюзорное чувство личной независимости, а по сути — способ смирения грядущего «бунта рабов». Ему практически неведома подлинная свобода, которая реальна лишь в сфере духа (в том числе свобода добровольно пожертвовать своей жизнью — во имя того, что определяет ее высший смысл).

Все очевиднее противоречие между экспансией либерально-индивидуалистической трактовки прав и свобод человека и императи-

¹ *Лазарь (Абашидзе), архим.* Мучение любви. Келейные записки. Саратов : Изд-во Саратовской епархии, 2005. С. 39–40.

² *Дугин А.* Мы приближаемся к последней битве света. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-my-priblizhaemsja-k-poslednej-bitve-sveta_33124.

вом выживания человечества. «Мы видим это в самых разных сферах — от агрессивной борьбы сексуальных меньшинств за равенство возможностей самореализации в русле идеологии вседозволенности („беспощадной толерантности“) до эгоцентристского поведения бенефициаров глобализации, оттягивающих на себя основные жизнеобеспечивающие ресурсы планеты. Эти, казалось бы, столь далекие друг от друга явления имеют общий корень — либерально-индивидуалистическую идеологию», с позиции которой возомнивший себя «венцом творения» человек воспринимает мир не как «внутренне связанную с ним среду обитания, а как совокупность внешних по отношению к нему средств, которые он может использовать для своего личного благополучия и самореализации»¹.

В то же время в общественном сознании высокую актуальность сохраняют ценности прав и свобод человека и гражданина — «мое право на достойное существование, на уважение меня как личности, равно как и право мне подобных, становится единственной ценностью, связывающей меня с правовым порядком. Не случайно апелляция к правам человека и гражданина — самая распространенная форма легитимации социального протеста в сегодняшней России. Значит, такая модель правопонимания имеет все шансы утвердиться как модель, определяющая доминирующий в обществе тип правосознания, и это дает повод для оптимизма»².

Органичное встраивание института права в духовно-нравственный и ментальный контекст русской цивилизации предполагает создание национальной концепции права, способной осуществить синтез индивидуальной свободы и социальной солидарности, обеспечить концептуальную стыковку двух мировоззренческих доминант: с одной стороны, рационализма западной философско-правовой традиции, основу которой составляет «римская идея» абстрактного, обезличенного, всеобщего формально-правового равенства, с другой — ключевых ценностей православной антропологии, «русской идеи» всемирной отзывчивости и ответственности каждого за всех. Результатом такого синтеза должна стать интегральная, «синтетическая» концепция права, непротиворечиво увязывающая рациональную доминанту «римской идеи» с солидаристскими основания-

¹ Зорькин В. Тайна беззакония. Об опасности расхождения между нормативностью морали и закона // XX ВРНС «Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы», 1 ноября 2016 г. URL: <https://vrns.ru/documents/81/4318>.

² Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. М. : Норма-Инфра-М, 2002. С. 18.

ми «русской идеи», согласующая между собой разум и дух, свободу и справедливость, право и правду, индивидуальное и социальное¹.

Условия оптимизации института права:

1. Учет национальной специфики концепта свободы и приоритета ее духовной составляющей.

О высокой ценности и духовно-нравственной сущности свободы в русской культуре неоднократно говорил Д. С. Лихачев, отмечая, что развитие культуры осуществляется через хаос к гармонии, через просветление высшего смысла, совершенствование формирующей культурной среды; через возрастание организованности культурных форм, увеличение личностного, гуманистического начала — «сектора свободы»². В высших своих проявлениях памятники отечественной культуры свидетельствуют о высоком гуманизме, они демонстрируют внимание к личности и человеческому достоинству. Однако свобода трактовалась им не в западно-либеральном смысле, а в подлинном, христианском. Условием свободы в контексте христианской морали является не горделивая самодостаточность «хозяев мира» или асоциальное буйство распоясавшегося эгоцентричного потребителя, но пребывание в мире духовности, добровольный отказ от чрезмерных материальных благ согласно духовному выбору. Христианская свобода — это готовность к самопожертвованию во имя других, невыделенность человека из общности «мы», его ориентация на внеличное, высшее, идеальное. Отмечая общую тенденцию роста «сектора свободы», Д. С. Лихачев говорит о неразрывном характере отношений свободы и необходимости, которые не могут существовать друг без друга. Свобода есть «постоянное преодоление» необходимости, а необходимость есть «постоянное ограничение возможностей свободы». Поэтому «процесс постепенного нарастания степеней свободы не может быть бесконечным и не может привести к „абсолютной“ свободе. Свобода не может существовать в условиях ничем не ограниченного выбора, ибо отсутствие границ выбора есть отсутствие самого выбора, следовательно, и отсутствие свободы. Наличие же выбора не только предопределяет собой свободу, но в известной мере и ограничивает ее. Между свободой и необходимостью существует диалектическое единство, и одно не может существовать без другого. Для каждого периода

¹ См.: Липаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : моногр. М. : РАП, 2012. С. 305, 306, 310.

² Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 64.

существует свое оптимальное соотношение сектора свободы и сектора необходимости»¹.

В трактовке свободы Д. С. Лихачев остается в рамках отечественной гуманитарной традиции, понимающей личность как процесс и результат «свободного самосозидания», которая становится соизмерима и подобна Абсолюту благодаря общности Логоса, Творчества и Свободы. Личность свободна и деятельна, ибо свобода предполагает и полагает свободу самовоплощения. Отрешенный от мира дух не способен творить.

Высокая значимость свободы определяет великую ответственность живущих в эпоху социальных перемен. «Богатство русской культуры и ее широкие творческие возможности — в ее свободном выборе учителей и путей наследия. <...> К несчастью, свобода, которой она владеет, состоит также в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничтожать, продавать, сносить, отправлять в безвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов»².

2. Отражение в системе кодифицированного права соборно-коллективистской ментальной доминанты коллективного субъекта Русского мира.

Соборность — сущностная черта христианского мировоззрения и русской культуры с ее нравственным нервом совести и солидарности³. «Солидарность с ближними, единство людей в обществе есть благо, раздор и разъединение есть зло... Человек всегда в большей или меньшей степени сознавал ту истину, что путь одиночества для него — гибель, а солидарное сообщество людей для него — спасительно. Мы нигде не находим человека совершенно изолированного: человек в доступные нашему наблюдению эпохи всегда жил в обществе; но всякое общество вообще возможно лишь при том условии, если люди признают себя связанными некоторыми узами солидар-

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 66–67.

² Лихачев Д. С. Я вспоминаю. URL: <https://profilib.net/chtenie/99361/dmitriy-likhachev-ya-vspominayu-30.php>.

³ Этот нерв совести и солидарности, как отмечал Д. С. Лихачев, доминирует в древнерусской литературе, в живописи, о чем свидетельствует творчество Андрея Рублева — высший синтез «средневекового символизма с высоким гуманизмом и простой человеческой правдой». Лучшее из произведений Рублева — знаменитая «Троица», как и всякое гениальное творение (подобно «Божественной комедии» Данте), «перерастает границы своего времени», «человеческий смысл рублевского шедевра». Нравственный урок «Троицы» состоит в идее единения — «выстраданного всеми суровыми жизненными испытаниями стремления к дружному согласию и единению» (см.: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 122).

ности в достижении общих целей. <...> Как бы ни были разнообразны нравственные понятия у различных народов, все они сходятся между собою в том, что человек должен поступаться некоторыми личными интересами ради блага общего, ограничивать свой произвол ради ближних... Не подлежит сомнению, что именно в этом принципе всеобщей человеческой солидарности выражается не переходящая точка зрения той или другой исторической эпохи, а вечный, непреложный закон добра, который остается истинным совершенно независимо от того, доразвились или не доразвились люди до его понимания»¹.

Приоритет общего над личным отражается в идеологии социальных преобразований и характере идеалов русских революций, где ценности личного благополучия были на втором плане, а сами идеологи «во имя интересов народа и социальной справедливости» готовы были жертвовать всем, даже собственной жизнью. Он обнаруживает себя как в содержании русской идеи, так и в онтологических пластах культуры — в особенностях русского быта, нравов, гостеприимстве, в традиционных формах устройства общественной жизни и организации трудовой деятельности (крестьянская община, рабочая артель и т. д.)².

В русской философской мысли первой половины XX века эта черта российского этоса находит свое отражение в своеобразии постановки и решения проблемы человека и социума, индивидуального и социального. В контексте российской культуры смысл человеческой индивидуальности определяется характером целого, внеличного, частью которого она является. «Культ личности» — социально и психологически несостоятельная иллюзия, так как ключевой тенденцией развития человеческой цивилизации является все бóльшая

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 51, 53. URL: <http://mybiblioteka.su/tom2/2104930.html>.

² Именно благодаря данной черте русской культуры могла родиться идея общечеловеческого, вселенского единения людей, которую Ф. М. Достоевский, обращаясь в «Дневнике писателя» к русской интеллигенции, выразил следующим образом: «В самом деле, чему вы верите? Вы верите (да и я с вами) в общечеловечность, то есть в то, что падут когда-нибудь, перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии... И главное ведь то, что веры этой вы нигде в мире более не найдете, ни у какого, например, народа в Европе, где личности наций чрезвычайно резко очерчены... А у нас, русских, — эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая» (см.: *Достоевский Ф. М. Дневник писателя*. СПб.: Азбука, 1999. С. 274–275).

социализация. Нам надо отречься от горделивого идеала личности как эгоистического и эгоцентрического атома. Личность должна быть понята не только сама по себе, но и в ее первичном отношении к общественному целому. В личности «я» должно органично сочетаться с «мы», иначе «мы» превратится в безликое коллективное «оно», в ядовитом растворе которого растворится и «я»¹. Человек индивидуален вовсе не потому, что он отделим и отделен от других и целого и замкнут в себе, но потому, что он «по-своему, по-особенному, специфически выражает и осуществляет целое, то есть сверхиндивидуальное сознание и высшую сверхиндивидуальную волю». Если «уничтожить это высшее, индивидууму нечего будет по-особому выражать и не в чем себя осуществлять, то есть его совсем не будет». Напротив, «чем богаче по содержанию это „высшее“, тем богаче и полнее индивидуальное существование... Существо любви в отказе от всего „своего“, от самого себя ради других, в свободной жертве, в самоотдаче... Истинная любовь и является отрицанием эгоистического самоутверждения личности... Тот и находит себя как личность, „душу“ или жизнь свою, кто теряет свою „душу“, отдавая ее другим»².

Однако соборное не отрицает и не ограничивает индивидуальное, ибо последнее осуществляет себя в свободных актах индивидуума внутри социального целого. Вне индивидуальных проявлений, вне «свободного единства свободных индивидуумов» нет и высшего — оно может осуществляться только через индивидуумов и в индивидуумах. «Для бытия соборного целого необходимо как выражение его множества, то есть сферы индивидуального бытия, — так и выражение его единства, то есть взаимная согласованность индивидуумов»³. Но то предельное высшее, через которое обретается подлинный смысл человеческого бытия, «при-звание» индивидуальности, есть «духовное целое», полнота выражения которого если и достижима, то лишь в жизни совокупного социального субъекта⁴.

¹ Левцкий С. А. Трагедия свободы // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 148.

² Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 176, 182.

³ Там же. С. 177.

⁴ «Человек лишь в том случае сохраняет свою высшую ценность, свою свободу и независимость от власти природы и общества, если есть Бог и Богочеловечество». К такому выводу приходит Н. Бердяев, анализируя проблемы русского гуманизма XIX века. «Человек должен стать Богом и обожиться, но он может сделать это лишь через Богочеловека и в Богочеловечестве... Движение идет и от человека к Богу, а не только от Бога к человеку. И это движение от человека к Богу нужно понимать совсем не в смысле выбора, совершаемого человеком через свободу воли, как это, например, понимает традиционное католическое сознание. Это есть творческое движе-

Специфика русской соборности и социальности состоит в ее универсальном, всемирном характере, истоки которого обнаруживаются в христианской антропологии. Эту черту отмечали многие отечественные гуманитарии. В частности, Ф. М. Достоевский, размышляя о «грядущем самостоятельном значении России в семье европейских народов», отмечал всечеловечность русских, которые являются носителями «нового солидаризма», нового идеала личности и свободы. Духовная основа и нравственная суть русского народа — «его всемирность и всечеловечность», способность «из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия». «Ко всемирному, ко всечеловеческому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина... Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». Стать настоящим русским означает «стать братом всех людей, всечеловеком», «стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону»¹.

Наиболее ярким представителем «универсалистского направления» русской идеи был Вл. Соловьев, который привнес в нее концепцию человеческого всеединства и исторического универсализма, мысль об особой миссии России и путях ее достижения, изобразил русскую идею от славянофильского этноцентризма, придал ей концептуальную форму и высокую духовность². Методологически сама проблема была им поставлена следующим образом: национальная идея — это та особая моральная функция, которую призвана осуществить каждая нация во вселенской жизни человечества. А коренное условие морального существования заключается в том, что эта функция «никогда не выступает в качестве материальной необходимости,

ние, продолжающееся миротворение» (см.: *Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: Филос. о-во СССР, 1990. С. 129).

¹ *Достоевский Ф. М.* Пушкин // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 145–146.

² *Соловьев В. С.* Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 189.

но только в форме морального обязательства». Подлинная цель, единственная истинная миссия всякого народа — участвовать «по мере сил и особых дарований... в жизни Вселенской церкви, в развитии христианской цивилизации». Вселенская церковь и должна стать тем «живым организмом», который может противодействовать «множеству центробежных сил, раздирающих человечество... Идея отдельного органа не может обособлять его и ставить в положение противоборства к остальным органам... она есть основание его единства и солидарности со всеми частями живого тела»¹. Русская идея, считал философ, не есть «отвлеченная идея или слепой рок», но прежде всего «моральный долг». И чтобы познать «истинную русскую идею, нельзя ставить вопроса, что сделает Россия через себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею, и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается». Истинная будущность человечества — «вселенское братство, исходящее из вселенского отчества чрез непрестанное моральное и социальное сыновство». Чтобы адекватно воплощать характер русского «социального тела», русская идея должна быть народно-религиозной, ибо ее основное назначение — духовное преобразование русской жизни, совершенствование и углубление христианского существования нации путем разумного самоограничения, развития общественной свободы, служения вселенским идеалам добра и справедливости. Русская идея не должна и не может основываться на национальной исключительности, так как признание этого дает основание и другим народам обращаться к таким же аргументам, что неизбежно приведет к распаду человечества как единого организма. Напротив, ее величие состоит в том, что она, следуя Евангелию, призывает народы к всеединству, в котором «народы должны оставаться на деле обособленными частями вселенского организма»².

Всемирность национальной идеи в значительной степени была характерна для евразийцев, которые считали, что «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом»³. На этой платформе Н. А. Бердяев последователь-

¹ Соловьев В. С. Русская идея. С. 201.

² Там же. С. 193, 201.

³ Трубецкой Н. С. Мы и другие // Россия между Европой и Азией. Евразийский социализм. М. : Наука, 1993. С. 95.

но критиковал ограниченность позиций славянофилов, обвиняя их в разновидности «языческого национализма». «Россия для русских» замыкает Россию в самодовольстве на самое себя, лишает ее универсального значения и христианского мессианизма «России для мира». Своими масштабами и местоположением между Востоком и Западом Россия превосходит все «национальные задания», но достичь высоты стоящей перед ней задачи она сможет лишь тогда, «когда преодолет свою старую националистическую политику, в сущности не согласную с духом русского народа, и вступит на новый путь», когда «всечеловеческий и щедрый дух русского народа победит дух провинциальной исключительности и самоутверждения»¹.

«Всемирная социальность» русского самосознания нашла выражение в концепции русского социализма как царства равенства и социальной справедливости, «цель и исход» которого — «всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее», «всеобщее, всенародное, всебратское, всесветное единение во имя Христова»².

4.3. КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА ДИАЛОГА РАБОДАТЕЛЕЙ И РАБОТНИКОВ

Значимым элементом социально-трудовых отношений постиндустриального капитализма является корпоративная культура. Модель трудовых отношений и корпоративная культура постсоветской России формируются как результат взаимодействия нескольких силовых линий. С одной стороны, мощное влияние оказывает этос национальной культуры и осевые элементы русской ментальности, определяющие специфику культурного самосознания, поведенческие и нормативные модели, разделяемые и транслируемые субъектами данного ментального пространства. С другой стороны, мощное влияние оказывает трудовая этика западного капитализма, определившая принципы и приоритеты корпоративной культуры постиндустриального общества, которые носят универсальный характер.

Фундаментальным основанием западной корпоративной культуры была религиозная идентичность в рамках определенной конфессии-

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 111.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 19.

нальной общности. Природа корпоративности уходит своими корнями в доминирующее в культуре мировоззрение, но ее атрибуты претерпели существенные изменения в контексте постиндустриального общества. Корпоративная культура в современном понимании представляет собой комплекс базовых предложений, изобретенный, обнаруженный или разработанный группой с целью внешней адаптации и внутренней интеграции¹; систему присущих корпорации материальных и духовных ценностей, отражающих ее индивидуальность в социальной и вещественной среде, проявляющихся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды². Структура корпоративной культуры включает: поверхностный (символический) уровень, фиксирующий видимые атрибуты (язык, лозунги, фирменный стиль сотрудников); «глубокий» уровень, отражающий ценности и убеждения, разделяемые членами организации.

Корпоративная культура постиндустриальной эпохи, особенно в ее американском варианте, формировалась на основе принадлежности к определенной религиозной конфессии, а экономическая активность и моральная надежность рассматривались как производные. В частности, для американцев имеет значение не столько декларативная религиозность, сколько принадлежность к определенной секте, характеризующая сознательный выбор человека и его осознание себя как члена общности «мы», в отличие от макрорелигиозной идентичности: традиционные христианские церкви предоставляли человеку возможность покаяния и отпущения грехов. Принадлежность к секте предполагала определенные моральные обязательства, которые брал на себя ее член не только по отношению к своей общине, но и во внешней среде, ибо факты «непристойного поведения» становились известными представителям секты и вели к исключению нарушителя морали³. Гарантом экономической надежности был факт принадлежности к религиозной общине⁴. Деловые качества человека

¹ Цит. по: *Золотухина Е. С.* Повышение конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг. М. : Русская редакция, 2004. С. 244.

² *Стивак В. А.* Корпоративная культура. СПб. : Питер, 2001. С. 13.

³ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 276.

⁴ «Множество сект и борьба с католицизмом придают религиозным чувствам отчасти политический оттенок. Последователи известной секты, желая ее поддержать и расширить, должны сами подавать пример. Странники одной секты часто связаны между собою как общественными, так и личными интересами, и вследствие этой связи они не хотят, да и не могут разъединиться, хотя бы к самой сути [своего исповедания] относились совершенно равнодушно. Кроме того, каждый американец смотрит на свободу вероисповедания как на перл Конституции Соединенных Штатов и, желая дока-

демонстрировались: декларативным заявлением о принадлежности к этой общности с определенным предназначением (*mission*); стилем одежды и наличием специальных знаков отличия; публичным участием в определенных ритуалах, подтверждающих принадлежность индивида к определенной общине¹.

С переходом к институциональному горизонту организации деятельности постепенно меняется социальный контекст и стиль профессиональной активности. Если в социально-производственной сфере работники объединяются в цеха и иные профессиональные сообщества, то в данной плоскости образуются иные площадки консолидации профессионалов. Все большую роль начинают играть клубные способы общения профессионалов (в том числе через Интернет), в которых темой для обсуждения становятся профессиональные ценности и интересы. Если на производственном уровне можно было говорить о политике занятости или повышении квалификации, то здесь речь идет уже о политике развития, субъектами которой становятся профессиональные ассоциации. Они выдвигают концепции социальной миссии профессии, выступают с инициативой различных социально значимых проектов, определяют ориентиры и стратегию развития профессии, формулируют свои профессиональные интере-

зать эту свободу на деле, принужден исполнять все обряды своей секты. <...> Никого не интересовало, был ли данный человек масоном, последователем Christian science, адвентистом, квакером или еще кем-нибудь. Важно было лишь то, что он принят посредством „ballot“ [рекомендации] после предварительной проверки и этического утверждения под углом зрения тех добродетелей, которые провозглашались обязательными мирской аскезой протестантизма, то есть старой пуританской традицией» (см.: Сенкевич Г. Письма из путешествия по Америке. СПб. : Электронпечатня, 1902. С. 64).

¹ «Родственник, стоявший рядом со мной... внезапно стал внимательно вглядываться в одного из погружавшихся в воду юношей и проронил: „Look at him. I told you so“. Когда я после окончания церемонии спросил его: „Почему ты это, как ты утверждаешь, предвидел?“ — он ответил: „Потому что он хочет основать банк в N“. — „Разве в этой местности так много баптистов, что они составят достаточную клиентуру для его банка?“ — „Нет, конечно. Но, крестившись, он заполучит клиентуру всей округи и побьет всех своих конкурентов“. Из ответов на последующие мои вопросы... выяснилось следующее: вступление в данную баптистскую общину, которая еще строго соблюдает верность религиозным традициям и принимает новых членов лишь после самой тщательной „проверки“ и педантичного изучения их „образа жизни“, начиная с самого раннего детства... самый факт этого вступления рассматривается как абсолютная гарантия этических качеств джентльмена, и прежде всего его деловых качеств. Поэтому-то и упомянутый будущий банкир может с полной уверенностью рассчитывать на вклады всей округи и на предоставление ему неограниченного кредита вне всякой конкуренции. Этому человеку успех гарантирован. Последующие наблюдения показали, что подобные или сходные явления повторяются в самых различных областях страны» (см.: Вебер М. Указ. соч. С. 280).

сы, защита и реализация которых могут в определенной степени гарантировать обществу высокий профессионализм без выхода за границы нравственности. Корпоративные сообщества становятся тем пространством, где человек получает дополнительные возможности самореализации. Здесь он функционирует не только как член профессионального сообщества, но и как социально ответственная личность, деятельность которой выходит за рамки бизнеса и получает социально-культурный или политический смысл и общественный резонанс. На базе корпоративных ценностей формируется доминирующий принцип корпоративной культуры постиндустриального капитализма — социальная ответственность, которая позволяет бизнесу активно позиционировать себя в нравственной плоскости. Именно благодаря активности профессиональных сообществ сформировалась и все громче заявляет о себе концепция социально-этичного бизнеса, которая исходит из декларации социальной ответственности производителя и требований сбалансированной увязки трех факторов: прибыли организации, удовлетворения запросов потребителей и учета интересов общества.

Однако впоследствии концепция социальной ответственности бизнеса, прежде всего в условиях усиления конкуренции, становится разновидностью PR-технологий — пиаровским мифом, с помощью которого решаются вполне очевидные инструментальные задачи. Чтобы убедиться в этом, можно провести аналогию с правовой, юридической ответственностью. Как известно, условиями последней являются: во-первых, кодифицированная система права, то есть наличие законов, в которых прописаны санкции за ненормативное поведение; во-вторых, вменяемость субъекта деятельности. Субъект правовой ответственности — это личность, которая осознает свою идентичность, удерживает как целостность события собственной биографии, признает себя как «автора» собственных поступков и способна предвидеть результаты своих действий (то есть связывать в сознании «я-действующее» и «я-ответствующее»). Иными словами, субъект права — это субъект самосознания, действия и ответственности. В современной модели бизнеса эти условия присутствуют не в полной мере, что не дает нам оснований говорить о социальной ответственности его субъектов. С одной стороны, субъект бизнеса не ориентирован на анализ и прогнозирование возможных социально-нравственных последствий от реализации своих бизнес-планов. С другой стороны, сегодняшнее общество не может выступать в роли института, предъявляющего какие-либо моральные санк-

ции по отношению к субъектам бизнеса. У общества нет ресурсов, чтобы отразить вероятные нравственные, культурные, экологические и иные последствия от реализации того или иного проекта, поскольку это требует специальных знаний и высокой профессиональной компетентности¹.

Субъект ответственности — это прежде всего субъект культуры, морали. Это личность, способная к духовно мотивированным поступкам, выбору, признанию своих действий как осознанных и готовности нести ответственность за последствия совершенного. Поэтому применительно к бизнесу говорить о социальной ответственности как реальном феномене можно лишь весьма условно². С точки зрения нравственности складывается парадоксальная ситуация: все прописанные в международных кодексах нравственные запреты маркетинговые коммуникации (прежде всего реклама) не просто игнорируют, но используют почти как методические рекомендации³.

Таким образом, проблема в данном случае обнаруживается в другой плоскости: в степени соответствия моделей бизнеса (маркетинга, рынка в целом) ценностно-нормативной природе той культуры, внутри которой он функционирует. Именно при условии такого соответствия субъект бизнеса и субъект морали — это единый субъект,

¹ Конечно, социально ответственные специалисты, понимающие пагубную сущность тех или иных бизнес-проектов, пытаются донести свое знание до общественности. Но у бизнеса есть финансовые возможности и PR-технологии, чтобы полностью дискредитировать вредную для его интересов точку зрения.

² Тем более что даже в системе права простой факт осознания возможной ответственности сам по себе не гарантирует морально ответственных поступков. Как правило, преступник просчитывает возможные варианты карательных санкций и субъективно готов к ним.

³ В частности, Международный кодекс рекламной практики устанавливает правило, согласно которому рекламное послание не должно содержать доказательств или свидетельств, не связанных с квалификацией и опытом того лица, которое дает такие свидетельства, а также не должно содержать ссылок на такие доказательства и свидетельства. Кодекс запрещает дискриминацию по признаку расы, религии или пола, по национальному признаку или по принадлежности к той или иной социальной группе. Реклама, сказано там, не должна обострять комплексы, связанные с внешностью, особенно у подростков. Федеральный закон запрещает рекламу, способную спровоцировать действия, нарушающие природоохранное законодательство, и требует от нее корректности, запрещая дискредитацию граждан и юридических лиц, не пользующихся рекламируемым товаром. Кроме того, запрещено использование терминов, обозначающих исключительность («самый», «лучший», «только», «абсолютный», «единственный»), если их невозможно подтвердить документально. В Российском рекламном кодексе сказано, что реклама не должна оправдывать насилие «в тех ситуациях или при действиях, которые могут противоречить законам и/или общепринятым правилам социального поведения». В сегодняшней рекламной практике можно обнаружить целенаправленные и систематические нарушения почти всех указанных требований.

профессиональное дело которого нравственно обусловлено и оправдано. Способность к ответственности здесь задается не столько возможными карательными санкциями, предусмотренными кодифицированным правом, сколько осознанием степени соответствия (или несоответствия) человеческого поступка нравственному идеалу. Моральная ответственность гораздо сложнее и фундаментальнее других форм ответственности. Морально ответственный человек уже на этапе свободного выбора предвидит нравственные результаты и последствия своего поступка. В моральной плоскости образным аналогом общественного мнения или института судебной власти является совесть как духовно-нравственное переживание разрыва реального и должного, индикатор соответствия свершившегося и возможного, как внутренняя со-настроенность на голос-весть другого. Суд совести для морального человека по глубине переживаний несравним с каким-либо «внешним» судом (судом чести, судом старейшин и т. д.). Признаком высокой нравственности и духовной зрелости человека является согласие действий, ответственности и вменяемости.

Во второй половине XX века средствами утверждения социальной ответственности стали инициирование и поддержка социально значимых программ, а также разработка и продвижение культурно-символических атрибутов корпоративной культуры, выполняющих функции внешней маркировки и позиционирования организации с целью привлечения потенциальных сотрудников, клиентов и партнеров, мотивации персонала самой компании.

Вторым элементом корпоративной культуры Нового времени становится усиление мотивационной нагрузки общности «мы» — путем создания оптимального социально-психологического климата, выполняющего нормативные и стимулирующие функции. Ключевым фактором оптимизации социально-трудовых отношений во второй половине XX века становится благоприятный социально-психологический климат.

Данный атрибут корпоративной культуры активно и непротиворечиво встраивается в советскую модель трудовых отношений. Проблема оптимизации социально-психологического климата в трудовом коллективе становится приоритетом социологических исследований 1980–1990-х годов¹. Высокая функциональная нагрузка данного атрибута обусловлена фундаментальной характеристикой русской

¹ Лидером и автором методологии таких исследований стал ленинградский философ Б. Д. Парыгин.

культуры — ее социальной направленностью, глубоким чувством солидарности, доминированием социальных ориентаций над индивидуально-личностными. Невыделенность человека из общности «мы», неосознанность своей отдельности является одной из ведущих ценностных (духовных) доминант российской ментальности.

Третьим элементом корпоративной культуры выступает «социально ориентированная» миссия организации, воплощающая принципы социальной ответственности трудовой этики, выполняющая функции внешнего позиционирования имиджа или бренда организации и стимулирования трудовой активности сотрудников, которой придается оболочка «общественной значимости». Такое стимулирование предполагает вовлечение сотрудника в выработку стратегии действий, обеспечивающих «прозрачность» компании, ее «дружественный» характер к внешней аудитории.

Таким образом, постиндустриальный капитализм, в ценностном, религиозном смысле утративший связи с протестантскими корнями, сохранил их в структурных элементах корпоративной культуры — в принципе социальной ответственности, позволяющей бизнесу активно позиционировать себя в нравственной плоскости, в системе внешнего позиционирования компании (имидж, бренд, миссия, фирменный стиль, корпоративные ритуалы), в мотивационных функциях общности «мы» и социально-психологического климата, выполняющего нормативные и стимулирующие функции. Все эти составляющие корпоративной культуры в ситуации переноса в иную социокультурную среду требуют адаптации к этосу и ментальности национальной культуры.

Существенной составляющей корпоративной культуры постсоветской России становится фирменный стиль компании, способствующий формированию у аудитории нужного впечатления об организации, включая ее облик, способ существования, характеристику общения сотрудников¹. Фирменный стиль включает: логотип компании — индивидуально разработанный графический символ, выражающий суть компании, ее направленность; торговый знак в графическом и текстовом исполнении, который регистрируется в соответствии с действующим законодательством; рекламный символ, ассоциирующийся у потребителя с компанией; слоган — фраза или девиз компании, выражающий основное кредо организационной структуры;

¹ Капитонов Э. А., Капитонова А. Э. Корпоративная культура. Ростов н/Д : Ростиздат, 2001. С. 348.

униформу сотрудников, которая играет роль внешнего атрибута компании, выгодным образом отличая ее от других организаций: от униформы компании зависит представление о ней окружающего мира, лояльность и доверие к ней¹. Ключевые элементы фирменного стиля находят материальное воплощение в фирменном блоке, который объединяет в общую композицию товарный знак, слоган, логотип и фиксируется на бланках, визитках и иных материальных носителях².

Важным атрибутом корпоративной культуры являются корпоративные ритуалы — повторяющаяся последовательность совместных акций, которая выражает ценности организации³, выполняет консолидирующие и мобилизационные функции, поддерживает высокий уровень корпоративной культуры, разрешает конфликтные ситуации, обеспечивает профилактику нарушений, поддерживает корпоративный дух в кризисных ситуациях⁴. Командный дух в сегодняшней концепции корпоративной культуры рассматривается как необходимое условие делового успеха, предполагающее наличие морально-этических и ценностно-нормативных устоев — морального кодекса компании, выражаемого в корпоративной миссии. «Ритуалы поощрения» демонстрируют одобрение достижений сотрудников, успешную реализацию проекта, позитивную оценку нормативного стиля поведения, соответствующего корпоративной системе ценностей⁵. «Ритуалы порицания» свидетельствуют о неодобрительной оценке человека, поведение которого не соответствует нормам корпоративной культуры (увольнение, понижение в должности или снижение заработка). Их задача — сохранение стабильности организации путем демонстрации возможных последствий ненормативного поведения. «Ритуалы объединения» (конференции, семинары, деловые игры, праздничные мероприятия и вечеринки) позволяют работникам осознать общность с компанией. Совместное времяпровождение сплачивает людей в команду, формирует и поддерживает командный дух, тем самым способствуя успешному функционированию корпорации.

Существенными внешними атрибутами корпоративной культуры, в которых сохранилась религиозная символика, является корпоратив-

¹ *Ягер Д.* Деловой этикет: как выжить и преуспеть в мире бизнеса. М. : Джон Уайли энд Санз, 1994. С. 35.

² *Капитонов Э. А., Капитонова А. Э.* Указ. соч. С. 348.

³ *Карташова Л. В., Никонова Т. В., Соломоницина Т. О.* Организационное поведение. М. : Инфра-М, 2000. С. 200.

⁴ *Тесакова Н. В.* Миссия и корпоративный кодекс. М. : РИП-холдинг, 2004. С. 103.

⁵ *Крылов Н.* Поощрение и порицание — это вам не хухры-мухры, это ритуалы // Капитал (Москва). 1997. № 6.

ная миссия и мораль, стандарты внешнего вида и поведения сотрудников, организационные ритуалы¹. Миссия понимается как целевое начало в управлении организацией², она демонстрирует статус партнеров, технологические и деловые возможности фирмы³. Миссия — это «философия и предназначение компании, утверждение о смысле ее существования, которое может включать в себя описание вневременной цели компании, ценности, верования и принципы», а в узком смысле — «сформулированное утверждение относительно того, для чего или по какой причине существует организация, ее общественно-социальная значимость»⁴. В этом качестве она позиционирует интеллектуальный образ среды деятельности организации, то есть представление руководителей, менеджмента и сотрудников об окружающей действительности, настоящей или будущей, выступает тактическим средством позиционирования компании во внешней среде, фиксирует отличие данной организации от другой⁵.

Фундаментальным нормативным требованием, предъявляемым к корпоративной миссии, является ее ясность и понятность внутренней и внешней среде. «Четко сформулированная миссия воодушевляет персонал фирмы и способствует формированию корпоративной культуры, объединяющей и мобилизующей сотрудников компании для реализации обозначенной миссии»⁶. Миссия выступает не только атрибутом корпоративной культуры, но и инструментом ее формирования, способствуя воплощению позитивного настроения и корпоративного поведения, формируя корпоративную идентичность (corporate identity), утверждая базовые ценности, философию и цели организации, с которым соотносит себя весь персонал компании⁷. Осознание миссии способствует формированию социальной ответственности организации, усилению мотивации сотрудников к участию в разработке и реализации социально ориентированных программ.

В структуре внешней презентации корпоративной культуры особую роль играют персонафицированный образ и глубинный образно-символический ряд, отражающий мифологию организации.

¹ Шайн Э. Организационная культура и лидерство. СПб. : Питер, 2002. С. 34.

² Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. М. : Экономика, 2003. С. 204.

³ Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации для анализа. М. : Вильямс, 2006. С. 36.

⁴ Виханский О. С., Наумов А. И. Указ. соч. С. 205.

⁵ Argenti P. Corporate communication. McGraw Hill, 2009. P. 119.

⁶ Кантонов Э. А., Кантонова А. Э. Указ. соч. С. 288.

⁷ Argenti P. Op. cit. P. 71.

Персонафицированный образ референтной для аудитории личности отражает корпоративную индивидуальность, являет собой идеальные характеристики «жизненного стиля». «Коммуникация может быть более эффективной, если организация опирается на устойчивую корпоративную легенду (corporate story) как источник вдохновения (inspiration) для всех внешних и внутренних программ коммуникации. Эту легенду сложно исказить, и она добавляет весомости всем сообщениям компании»¹.

На уровне организации корпоративная культура фиксирует уникальность коллектива, его способность противостоять враждебному влиянию внешней среды. Корпоративные сообщества должны стать институтом выработки и «производства» чувства принадлежности к коллективу, формировать горизонтальную солидарность работодателя и работника². Корпоративный дух делает сотрудников компании носителями неповторимого чувства общности «мы», обеспечивает сопричастность общему делу, внутреннюю атмосферу организации, ее социально-психологический климат. Корпоративный дух — это «общее чувство» персонала, ощущение — единой команды «мы»³. Он является сильным мотивирующим ресурсом и средством стимулирования работников, целью и результатом мотивационного менеджмента. Общность «мы» дополняет традиционные формы материального стимулирования и внешнего контроля (зарплата, принуждение, наказание) моральным фактором — высокой ответственностью, инициативностью, организованностью, стремлением к самореализации.

В этом контексте ключевая задача корпоративных сообществ — утверждение в структуре ценностей российских бизнес-структур корпоративной социальной ответственности. Понятие корпоративной социальной ответственности (КСО) встречается в мировой научной литературе уже в 1950–1960-х годах. «Социальная ответственность бизнесмена состоит в реализации такой политики, принятии таких решений либо следовании такой линии поведения, которые

¹ *Van Riel C. B. M. Corporate communication orchestrated by a sustainable corporate story // Schultz M., Hatch M. J., Larsen M. H. The Expressive Organization. Oxford : Univ. Press, 2000. P. 163.*

² Когда-то эти функции взяла на себя община староверов-странников, в недрах которой «разворачивался процесс „альтернативной социализации“» (см.: *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 118.*

³ *Капитонов Э. А., Капитонова А. Э. Указ. соч. С. 299.*

были бы желательны для целей и ценностей общества»¹. «Корпорации не могут быть изолированными экономическими субъектами, действующими в отрыве от общества, поскольку они вплетены в социальную и экономическую системы и несут социальную ответственность перед всеми участвующими сторонами. Соответственно корпорация должна брать на себя и нести социальную ответственность в отношении всех заинтересованных сторон, которая заключается в неразрывном взаимодействии и удовлетворении интересов трех основных субъектов социально-экономического взаимодействия — бизнеса, государства и общества»². «Необходимость внедрения принципов КСО в повседневную деятельность предприятий обусловлена нарастающими процессами глобализации, экономической интеграции, важностью создания положительного имиджа корпорации в регионах присутствия, получения дополнительных конкурентных преимуществ с помощью проведения социально ответственной политики»³. В 2004 году Ассоциацией менеджеров в Докладе о социальных инвестициях в России было дано расширенное толкование корпоративной ответственности, под которой понимают философию поведения и концепцию выстраивания деловым сообществом, компаниями и отдельными представителями бизнеса своей деятельности с акцентом на следующие ориентиры: производство качественной продукции и услуг для потребителей; создание привлекательных рабочих мест, выплата легальных зарплат и инвестиции в развитие человеческого потенциала; неукоснительное выполнение требований законодательства: налогового, трудового, экологического; построение добросовестных отношений со всеми заинтересованными сторонами; эффективное ведение бизнеса, ориентированное на создание добавленной экономической стоимости и рост благосостояния своих акционеров; учет общественных ожиданий и общепринятых этических норм в практике ведения дел; вклад в формирование гражданского общества через партнерские программы и проекты развития местного сообщества⁴.

Социальную базу носителей корпоративной социальной ответственности могут составить работодатели с высоким чувством чести

¹ См.: Корпоративная социальная ответственность : учебник для бакалавров / под ред. Э. М. Короткова. М. : Юрайт, 2012. С. 53.

² Карпухина О. К. Корпоративная социальная ответственность как составляющая репутационной стратегии корпорации // Учен. зап. СПб ИВЭСЭП. СПб. : Знание, 2015. Т. 28 : Социокультурные коммуникации : материалы учеб.-практ. семинара.

³ Там же.

⁴ Там же.

и аристократическим мышлением, способные подчинить «финансовые выгоды любой ценой и максимизацию собственной прибыли» целям национального благосостояния и строительства сильной и процветающей страны. К сожалению, в постсоветской России аристократизм как «ответственность за общественное целое» разошелся с богатством и властью. «В отсутствии аристократического слоя, сочетающего в себе ответственность и могущество, пожалуй, и заключается главная проблема сегодняшней России»¹. Национально ориентированная трудовая этика будет возможна лишь в том случае, если удастся расширить сегмент национальной аристократии, «способной подняться над частными эгоистическими интересами, служить общему делу и защищать неделимое „коллективное наследие“ (и прежде всего природу, культуру, историческое прошлое). И если под давлением каких-то неодолимых обстоятельств народам случается отказываться и от территорий, и от языка, они в подавляющем большинстве случаев просто перестанут существовать — если их не сохранит какая-нибудь фанатичная, не считающаяся с реальностью аристократия, как это случилось, скажем, с евреями и не случилось, скажем, с римлянами: никакого народа „римляне в рассеянии“ не осталось. Не хватило имперского сознания. Предались коррупции, утехам, не хотели ничем жертвовать — и их место заняли благородные, ответственные, самоотверженные варвары»².

4.4. ВОСТРЕБОВАННОСТЬ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ МАТРИЦ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ — УСЛОВИЕ СОЛИДАРНОСТИ И СОГЛАСИЯ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

История русской цивилизации в XX веке показывает, что в основе экономического прорыва лежит мобилизационная идеология, которая, в свою очередь, опирается на понимание смысла самоотверженного труда.

Этот смысл становится результатом коллективного соучастия в национальном проекте строительства будущего, который в русской цивилизации воплощается в форме национальной идеи, фиксирующей «моральное призвание нации — ту особую идею, которую Мысль

¹ Мешков А. М. Толерантность — нужда или добродетель? // Учен. зап. СПб ИВЭСЭП. СПб. : Знание, 2015. Т. 28 : Социокультурные коммуникации : материалы учеб.-практ. семинара.

² Там же.

Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг». Национальная идея есть такая же «роковая необходимость», как и законы физического мира — «эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это она двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места». Ни человек, ни нация как моральное существо не могут освободиться от власти идеи, являющейся выражением смысла их бытия, но от них зависит, «носить ее в сердце своем и в судьбах своих как благословение или как проклятие»¹. К вопросу о смысле бытия народа «приводят те же запросы, которые являются перед нами в отношении нашей личной жизни. Человек спрашивает себя: зачем он явился на свет, с чем уйдет из него, что связывает начало жизни, ее течение и ее конец? Эти вопросы возникают и при размышлении о коллективной жизни людей. Жизнь личная и жизнь коллективная так тесно между собой связаны, что мы не можем их понимать без освещения жизни личной общественными условиями и общественных условий — свойствами личности!»²

Понимание собственного предназначения во многом определяется (и стимулируется) характером и интенсивностью социально-культурной проблематики в микро- и макромасштабе и открывается как ответ на «свои» трудности, обнаруживается в диалоге и противопоставлении «мы—они». Повышенное и напряженное внимание к проблемам, отличиям и достоинствам своего народа вполне естественно и неизбежно в период политического, экономического и культурного кризиса общества. Воинственность национальной идеологии в этом случае определяется и в социально-психологическом смысле оправдывается остротой и значительностью проблем национального существования. В сегодняшней ситуации понимание миссии русской цивилизации в мире становится актуальнейшей проблемой. «Что сегодня? Нанотехнологии? Инновации? Благосостояние? Процветание?.. Но ведь это все совершенно не Идея. Массам в принципе не нужны модернизации и инновации — ни при Романовых, ни при Ленине—Сталине, ни при Путине—Медведеве. Требуется что-то качественно иное. Однако, вопреки исторической логике, одной из главных причин всех

¹ Соловьев В. С. Русская идея. С. 187.

² Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М. : Москва, 1997. С. 15.

проблем Кремль объявляет сегодня патернализм. То есть чувство Отечества, чувство Родины, чувство семьи, чувство причастности к социальному целому — парадоксальным образом объявлены Злом. Увы, власть по-прежнему не понимает свой народ, не умеет говорить на его языке, не видит в нем подлинного субъекта истории. Следовательно, смута в России не закончилась»¹.

Роль национальной идеи уникальна не только в формировании идеологии, но и в создании здорового духовно-нравственного климата в обществе. «Каждый народ может существовать лишь до тех пор, пока ощущает себя избранным, хотя бы в собственном воображении (впрочем, никакой другой избранности не бывает). А тот круг народов, внутри которого существует согласие об их совместной избранности, сегодня и можно назвать пышным словом „цивилизация“»². Попытка понять и описать русскую идею подобна интеллектуальным усилиям по выявлению основы генотипа: в обоих случаях надо постичь «некую скрытую сущность, которая воспроизводится во времени через внешние признаки»³. В ситуации кризиса самосознания гиперболизация национальной идеи является компенсаторным механизмом, позволяющим снять чувство национальной неполноценности, обрести национально-культурную идентичность и утвердиться в собственной самобытности.

Хранилищем смыслообразующих сценариев, обеспечивающих взаимосогласованность подсистем общества как необходимое условие для нормального функционирования социального организма (Т. Парсонс), является базовый «культурный текст», «социальной оболочкой» которого выступают «организационные, коммуникативные и дискурсивные практики, обуславливающие трансляцию и эволюцию конфессиональных идей, норм поведения, стратегий реагирования на импульсы извне»⁴. Смыслообразующие функции

¹ *Марченя П. П.* [Доклад на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте»] // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. И. И. Марченя, С. Ю. Разина. М. : АПР, 2012. С. 331 (Научный проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации» ; Вып. 3).

² *Мелихов А. М.* Русское гетто и производство гениев // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 407.

³ *Кара-Мурза С. Г.* Русская идея: реальность и фантом // Проблемы национальной идеологии : стеногр. 8-го заседания Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

⁴ *Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007. С. 21.

«поддержания образца» выполняет система гуманитарной культуры и гуманитарного образования, а также референтные образы, транслируемые религией, искусством, народным творчеством.

В системе гуманитарного знания русская идея имеет несколько модификаций.

1. Славянофильский проект возник в интенсивном социальном и духовном «энергетическом поле» первой половины XIX века. Русское общество все еще переживало (правда, уже на исходе, по инерции) национальный подъем, вызванный победой над Наполеоном, которая воспринималась как подвиг всего народа. В то же время в общественном самосознании начал усиливаться комплекс национальной неполноценности на фоне западноевропейских социальных и политических институтов. Славянофилы ввели в консервативный комплекс сугубо национальные элементы, «развивали свои идеи в идеологическом пространстве между западным консерватизмом и зачаточным евразийством», вырабатывали «еще один образ Руси, еще одну формулу Национальной идеи», которая «существенно отличалась от формулы XVIII века» — Россия осмысливалась как «оплот европейского консерватизма», «могучая и своеобразная восточно-христианская держава, сохранившая систему фундаментальных ценностей, значительно растраченных „прогрессистским“, „просвещенческим“ Западом»¹. Концепция славянофилов утвердила культурологический смысл русской идеи «Москва — Третий Рим», дополнив ее религиозный мессианиззм мессианизмом культурным. Социально-культурное содержание концепции славянофильства определялось их особым подходом к задачам и путям духовного преображения России: достижение социального идеала путем пробуждения и общественного воспитания русского общества на началах, «угаданных» в русском народе.

2. Антизападный проект славяно-азиатской цивилизации зародился и развивался со второй половины XIX века — в ситуации, когда духовные поиски были стимулированы очередным «стрессом» национального «унижения и позора», в котором Россия оказалась после Крымской войны. Крупнейшие представители консервативного крыла русской мысли того периода (К. Н. Леонтьев и Н. Я. Данилевский) отвергали понятие общечеловеческого как лишенное культурологического смысла и утверждали абсолютную самобытность

¹ См.: Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах : докл. в Институте философии РАН, февраль 2002 г. URL: <http://med.org.ru/article/818>.

и самоценность русской культуры и путей ее развития. В рамках этой концепции славянство рассматривалось как особый культурно-исторический тип, который еще не развернул своих творческих потенций, но у которого в перспективе великое будущее.

3. Евразийская парадигма в значительной степени завершила леонтьевское (и отчасти соловьевское) направление русской идеи и развила различные аспекты «славяно-азиатской» модели российского прошлого, настоящего и будущего¹. Основные идеи евразийства, определившие специфику этой концепции: отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отрицание «универсалистского восприятия культуры», которое господствует в европейском самосознании и следствием которого является классификация народов на «культурные» и «дикие», «некультурные»; понимание России как особого культурного и духовного единства, географической и этнографической целостности — Евразии — и утверждение особых путей ее развития; обоснование органичной связи культуры народов России с православием как «вселенской» религией и одновременно обусловленности русской культуры «пространством», «месторазвитием»; концепция «симфонической личности» как совокупного субъекта — носителя культурных ценностей; учение об «идеократическом государстве» как о «вторичной форме» личного бытия культуры в ее единстве, в котором правящий слой, формируемый путем отбора лучших представителей народа, неразрывно связан с ним одной «культурно-государственной идеологией» и выражает его подлинные интересы.

4. Советский период стал историческим реваншем народной составляющей Русского мира. Прогрессистская марксистская риторика, обращение к Просвещению, атеистическая саморефлексия большевиков — все это можно рассматривать как «миллениаристское, хилиастическое, апокалиптическое движение, вызревшее в народной

¹ Русская цивилизация сочетает в себе черты европейской и азиатской цивилизаций, что позволяет ей претендовать на собственный путь развития, альтернативный господствующему на протяжении последних веков: «Постепенно изменилась и геополитическая самоидентификация великороссов. Они стали на многие вещи смотреть „монгольскими глазами“». Туранский элемент, осознававшийся до определенной поры через призму „средиземноморской эйкумены“, перестал быть чем-то внешним и чуждым, непознанным. Тюркско-монгольская Евразия стала „своей“ для русских XIII–XV веков. Именно этот существенный поворот в геополитической самоидентификации сделал возможной всю дальнейшую историю Руси, открыл беспрепятственный путь к освоению Востока» (см.: *Дугин А.* Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах).

среде, в сектантских и старообрядческих кругах, но оформленное с помощью радикально революционной марксистской доктрины, заимствованной с Запада <...> Национальная идея в СССР, образ Советской России... мыслится как мессианская реальность, часть мира, где отменены законы капиталистической энтропии, где реализованы на практике условия „земного рая“»¹.

Сегодня национальную идею призывают создать заново. Но этот призыв — профанация самой проблемы. «Любые идеи имеют одну особенность: они живут в вечности. Они не живут в историческом времени. Я могу даже сказать, вполне возможна такая ситуация, когда народ уйдет и страны не будет (так было в истории), а идея, ради которой жил народ, сохранится... Идея — это то, что останется после нас, когда нас не будет. Если идея нужна только для того, чтобы выжить, тогда идеи нет. А иногда, может быть, стоит отдать и жизнь за идею! Вот о чем идет речь. Поэтому Достоевский, который, по моему, первым поставил этот вопрос, правильно сказал в своих дневниках: „Нет ни великого человека, ни великой нации, если нет той идеи, ради которой он живет“»².

Проблематика «русской идеи» входит в репертуар «модных» проблем отечественной интеллектуальной элиты. Понимание и адаптация национальной идеи к сегодняшним реалиям осуществляются не только в русле идеального замысла славянофилов, Ф. Достоевского, Вл. Соловьева и евразийцев (хотя сегодняшняя востребованность российским самосознанием концепции последних достаточно велика), но и с учетом реалий российской истории, в том числе ближайшего социалистического прошлого, ибо подлинный идеал формируется и воплощается в «видимом социальном теле» как «осуществимое совершенство» реального³.

В частности, широкий спектр версий и модификаций русской идеи был представлен на заседании Русского интеллектуального клуба,

¹ «Советскую идею следует квалифицировать как универсализацию, обобщение московской идеи, экстремальное, пароксистическое социально-политическое воплощение того образа Руси, который предшествовал Санкт-Петербуржскому периоду, а в течение этого периода находился в подавленном состоянии. Республика Советов стала новым этапом „византийско-монгольского“ геополитического утверждения» (см.: *Дугин А.* Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах).

² *Межуев В. М.* [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии»] : стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

³ *Соловьев В. С.* Русская идея. С. 201.

посвященного проблемам национальной идеологии¹. Вот лишь несколько вариантов сегодняшнего понимания русской идеи.

«Под национальной идеей я буду понимать концентрированное выражение национального характера, духа и психологии, специфических интеллектуально-нравственных и обыденно-бытовых черт, сложившихся в процессе эволюции и ориентирующих нацию на решение самых судьбоносных задач... Для русских национальная идея состоит из трех компонентов: благородная, то есть некорыстная воля, справедливость и человеколюбие. Но в конкретных, особо ответственных ситуациях национальная идея должна выражать самые злободневные потребности и чаяния нации»².

«Русские всегда брали на себя миссию какого-то духовного объединения. Вот что такое русская идея. Русская идея о том, что спасти себя могу не индивидуально, а только в миру, вместе с этим миром... Это не политическая идея. Это не выбор между социализмом и капитализмом... Это идеология именно национальная, сохранение своего национального культурного лица»³.

Сегодня национальная идея «может быть выражена триадой: самосохранение, самовоспроизводство и самосовершенствование нации... Если проанализировать современную ситуацию, то за прошлый век людей увеличилось только вчетверо, а потребление ресурсов — в 30 раз... мы на тропе войны. Борьба за ресурсы в пределах одного биологического вида — это борьба не на жизнь, а на смерть. Выживут в такой борьбе только сильные и мощные нации. Поэтому нужны союзы». В основу объединения наций может быть положен «славяно-тюркский аскетизм (как противовес буржуазному потребительству) и угроза общего уничтожения восточных народов». Всем нам необходимо «исповедовать идею имперского возрождения», которая сможет «пробудить дремлющие инстинкты самосохранения нации, примирить наши народы, которые сейчас умышленно рассорили, и объединить их с целью спасения, иначе нам никак не выжить»⁴.

«Русская идея обязательно имеет цель мессианскую. То есть Россия надо не просто сохраниться и развиваться, но и дать миру неко-

¹ См.: Проблемы национальной идеологии : стеногр. 8-го заседания Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

² Белов П. Г. [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии»] : стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

³ Межуев В. М. Указ. соч.

⁴ Белов П. Г. Указ. соч.

торый урок, задать стандарты мироустройства на своем примере... Обязательна ценность цивилизационного масштаба... Обязательно должна быть поставлена цель на порядок выше цели собственной системы... Если мы ставим цель просто выживания России, то выживание России не обеспечивается, она распадается»¹.

В рамках другой публичной дискуссии национальная идея рассматривается как основа «идеологии гражданской нации», которая включает «принципы ответственного гражданства, версию общего прошлого, патриотизм и лояльность государству». Эта формула была высказана В. Тишковым на страницах газеты «Известия» в рамках дискуссии «Русский проект: каким ему быть». Участники обсуждали в основном проблемы, возникающие в контексте вопроса «чей проект?», при этом попытки понять сущность самого проекта выглядели как влостепенные. Трудно не согласиться с авторами опубликованных материалов, что проблема «чей проект?» чрезвычайно важна и ее решение зависит не только от успеха национального строительства, но и от самосознания российского народа как единой нации. Но не менее важной задачей является понимание сути самого проекта как «замысла будущего», его стержневой идеи, исторической перспективы бытия, без осознания которой теряется смысл существования как отдельного человека, так и народа в целом. В определении В. Тишкова фиксируются ключевые признаки национальной идентичности (версия общего прошлого, патриотизм, ответственность, лояльность — это все явления субъективного порядка, факты самосознания коллективного субъекта). Но в этом перечне признаков отсутствует важнейшая составляющая национально-культурной идентичности: осознание нацией своего будущего, того, что фиксируется понятием «национальная идея».

Учитывая духовные истоки и основания «русской цивилизации», позитивный и негативный опыт воплощения русской идеи, а также совокупность мнений на эту тему, можно предположить, что в перспективе мировоззренческие ориентиры русской идеи будут складываться из «кирпичиков» трех проектов (которые одновременно можно рассматривать в качестве «строительного материала» для национальной идеологии).

Во-первых, это традиционный (и судьбоносный) для русской культуры и истории вариант русской идеи «Москва — Третий Рим», восходящий к XV веку, когда впервые осознается и формулируется

¹ См.: *Капа-Мурза С. Г.* Указ. соч.

историческая миссия Руси. Идея, обеспеченная авторитетом православной церкви, со временем приобрела национально-политический, государственный характер и успешно выполняла объединительные и экспансионистские задачи. Ее основные составляющие: государственность как форма сохранения национальной самобытности и территориальной целостности; ценности православия, органично и глубоко вплетенные в ткань русской культуры; понимание национально-культурной уникальности и духовной самобытности России, ее судьбы. Не исключено, что ценности русской идеи, которые сегодня начинают активно востребоваться обществом, будут скорректированы и содержательно дополнены «социалистической аксиологией», которая для значительной части населения не потеряла актуальности. Трудно не согласиться с тем, что принцип справедливости есть норма отношений, отражающая «онтологический закон гармонических соотношений частей в единстве целого», а социализм, понимаемый как форма осуществления социальной справедливости, как писал С. А. Аскольдов, «имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической, и даже с религиозной точки зрения, имеющим на себе некоторое историческое благословение».

В качестве адаптированной к современным реалиям разновидности этой мессианской идеи предлагается проект «Россия как духовный центр гармонии цивилизаций» (пространство духовной консолидации народов и государств на основе принципов сотрудничества и максимального развития). Дело в том, что проблема возрождения национальной идеи напрямую связана с геополитической миссией России, с ее статусом в строящемся мире, в котором Русский мир может «выступить с геополитической инициативой и предложить альтернативу тупиковому процессу унификации и глобальной унификации». Вариантом русской идеи может быть концепция строительства мира на основе «цивилизационной гармонии», в основе которой глобализация будет рассматриваться как новый этап развития «единого живого организма человеческой цивилизации во всем многообразии ее цивилизационных типов и планеты как среды обитания», цель которого должна состоять не в унификации, а в сохранении и расширении культуры каждого народа, в расширении общего поля развития человеческой цивилизации. Консолидирующая парадигма мира может стать цивилизационной альтернативой сегодняшней глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых, она позволит обеспечить «переход от взаимоподавления и противоборства цивилизаций к сотрудничеству и взаимоподдерж-

ке, когда благополучие и успех одной из них определяются развитием и поддержкой со стороны других»¹.

Во-вторых, это евразийская концепция русской цивилизации, характеризующая Россию как уникальный и самодостаточный духовный центр евразийского континента, особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуры. Зародившаяся в начале 1920-х годов в трудах философов и культурологов Трубецкого, Флоровского, Бицилли, Савицкого, Сувчинского, она нашла продолжение и развитие в работах Н. Рериха, Н. Гумилева и ныне начинает оказывать существенное влияние на формирование новой идеологии национальной консолидации.

В-третьих, это мессианская идея России как всемирного лидера народов-изгоев (ее концептуальное обоснование дал в своих работах А. С. Панарин). В качестве исходного положения автор этого проекта утверждает, что России по критерию могущественности уже не быть сверхдержавой. Соревноваться с лидерами «первого мира» по его главным критериям силы и успеха — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению всех ресурсов, в том числе духовных. Следовательно, Россия может и должна стать сверхдержавой неперспективных, достойных сострадания, должна стать сверхдержавой «людей неуспеха», уберігающей мир от либерального геноцида «золотого миллиарда». А исходящая оттуда опасность вполне реальна, ибо «расисты глобального мира готовятся к глобальной чистке, формируя при этом имидж спасителей цивилизации от «новых варваров». Реализация проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход в область социально-психологической, духовной борьбы за судьбы неприкаянных и нуждающихся в социальной реабилитации. России надо подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха, стать империей, открытой сердцем для всех «нищих духом». Как только все «второсортное» население мира поймет, что кроме России у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован. Успех этого проекта — в его мистической, религиозной энергетике. В свое время христианство совершило чудо — возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, возлюбило безнадежных — слабых, больных, бедных, дав им новую надежду. Сегодня требуется

¹ *Иваилов Л. Г.* [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии»] : стеногр. 8-го заседания, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, «неперспективные» по критерию успеха, силы, славы и богатства.

В контексте рассматриваемого проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных от либеральной церкви, новых изгоев мира сего. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от идеи большевизма, в которой изначально доминировал критерий «политического успеха»). И духовные ресурсы России здесь значительны, что прекрасно понимают идеологи «глобального мира» (не исключено, что именно такое понимание заставило их в предыдущее десятилетие сконцентрировать усилия на моральном растлении значительной части отечественной интеллигенции и политической верхушки: подстегивал страх, что Россия может стать реальным лидером и объединителем угнетенных и страждущих мира сего, в том числе мусульман). Культурным ресурсом этого проекта являются духовность и аскетизм.

Дух русской культуры, отмечает А. С. Панарин, всегда был обращен к неудачникам, а традиции русской школы — дарить человеку достоинство независимо от его социального статуса и экономического успеха. Ментальный ресурс проекта — солидарность, состраательность, эмпатия русского человека. Проблемно-цивилизационный контекст проекта — ограниченность ресурсов природы: планета не выдержит активности «эффективных» и «успешных», поэтому залог выживания человечества состоит в том, чтобы на арену цивилизации вышли культуры и народы, согласные довольствоваться малым, не считающие успех мерилom смысла жизни. Для таких культур Россия может стать образом надежды, особым метафизическим пространством, «обетованной землей бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия большей части мира, загоняемой в «социальные резервации».

В XX веке грандиозным воплощением русской идеи (по масштабу, достижениям, резонансу в мире, количеству человеческих жертв, в том числе добровольных) стал социалистический проект. Следует отметить, что «социалистическая идея» в российском самосознании тесно связана с православным мировосприятием русского народа, который «в огромном большинстве своем живет идеей православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею ответчиво и научно»¹.

¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. Т. 27. С. 18.

Для достижения социальной справедливости в России, по мнению Аскольдова, существовал путь, который мог бы закончиться успехом, но Россия в силу ряда обстоятельств его игнорировала, — путь органичного продолжения духовных традиций российской культуры, социальных преобразований на основе русской святости, когда «целесообразное достигается не ради его полезного эмпирического результата, а ради принципов потустороннего религиозного идеала... В порядке святости имеющий лишнее сам отдает свое жизненное преимущество другому»¹.

Не подошел для России и другой путь, по которому шли страны Западной Европы, — путь гуманизма, где справедливость устанавливается нейтральной инстанцией — законом. «В порядке гуманизма и пользы между имущим и неимущим появляется третий, который заставляет имущего отдать неимущему по юридическому закону». Россия избрала третий, «дьявольский» путь достижения полезности, когда «уравнение происходит не путем отдачи, а посредством насильственного захвата, провозглашения принципа „бери и отнимай“, неистового самоутверждения, разбуженного и распаленного страстями мести и наживы. Предложение уравнивать адресуется здесь не к имеющему излишнее, а к неимеющему, который преступает пределы справедливости, разрушая в конце концов и сам принцип полезности и целесообразности»².

Опора в процессе социального переустройства на «заветы святости», которые выше норм утилитарной пользы и эгоистического благополучия, позволила бы, считал Аскольдов, обрести новому порядку твердое основание в той народной психологии, которая связана с «добровольной отдачей и благодарным получением», перевести «социальные формы жизни в иную высшую форму существования, связанную с освобождением от законов косной материи и столь же косного эгоизма»³. Но это не более чем пожелание и видение идеальных путей воплощения национального предназначения. В реальности же русская идея избрала «третий путь», реализовавшийся в революции 1917 года с ее ожесточением и в последующей политике национально-культурной деформации и разложения духовных основ русской цивилизации.

¹ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Антихрист : антол. / сост., коммент. А. С. Гришина, К. Г. Исупова. М. : Высш. шк., 1995. С. 201.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 201.

Обозначенные выше модели национальной идеи не противоречат, а скорее дополняют друг друга, фиксируя ее религиозно-духовную, государственно-политическую, социально-культурную и миссионерскую грани. Востребованность цивилизационных и культурно-идентификационных ресурсов русской идеи предполагает сегодня не только вменяемую политику в области образования, культуры, адекватность в позиционировании России на международной арене. Она требует немалых интеллектуальных усилий и духовного напряжения общества, на общекультурном уровне предполагает активную работу национального самосознания, а в масштабах индивидуальной биографии — свободный и ответственный выбор каждого из нас.

Поиск национальной идеи в постсоветской России пока не выходит за рамки западных либеральных парадигм и консервативных ориентаций. Однако такая ситуация не способна предопределить образ России «в достаточно долгой исторической перспективе»¹. Общественное сознание большинства россиян мировоззренчески ориентировано на модель евразийского типа (А. Дугин), которая отражает глубинные архетипические слои национального этоса и ментальности. Конструктивная и консолидирующая парадигма национальной идеи станет цивилизационной альтернативой глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых. Она будет способствовать переходу цивилизаций от взаимоподавления и противоборства к сотрудничеству и взаимоподдержке, к расширению общего поля развития, построению такой модели диалога, в которой благополучие и успех каждого народа и государства будут определяться развитием всех других. Всемирная по радиусу устремленности национальная идея с ее духовно-нравственной доминантой, с одной стороны, вытекает из духовных глубин, исторических традиций и ценностей Русского мира, с другой — не противоречит чаяниям других народов, каждый из которых стремится сохранить себя в истории и максимально воплотить свое предназначение².

¹ См.: *Дугин А.* Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах.

² По мнению Л. Г. Ивашова, «составить мощное ядро альтернативы сегодняшним агентам глобализма и сформировать общее пространство реализации новой геополитической модели наряду с Россией могли бы Китай, Индия, Иран. С духовной точки зрения эти страны в совокупности представляют все ведущие идейно-религиозные системы: православие, ислам, индуизм, конфуцианство. Интеллектуальный потенциал такого блока достаточен, чтобы не только обеспечить свою научно-техническую независимость, но и самим фактом своего существования ответить на претензии Запада на право быть глобальным интеллектуальным центром, а значит, идейно нивелировать саму идею глобализации по западной модели. С геополитической точки зрения такой

Этап «дикого» капитализма 1990-х годов привел к рассогласованию новых форм организации труда и традиционных ценностей работников, усилил нестабильность в сфере социально-трудовых отношений. Высокий разрыв в доходах работников с самыми высокими и самыми низкими зарплатами существенно ослабляет мотивацию к эффективному труду, снижает производительность и тормозит экономический рост (Э. Н. Соболев). Низкая эффективность существующей системы поддержки наименее защищенных категорий трудящихся, массовая безработица и снижение уровня жизни значительной части населения, для которой наемный труд является основным источником дохода, стали причинами коллективных действий протестного характера широкого спектра в социально-трудовой сфере, в центре которых — трудовые споры и конфликты между наемными работниками и работодателями.

Особую остроту приобрела рассогласованность интересов основных субъектов хозяйственной жизни на всех ее уровнях. «Этический компонент кризиса социально-трудовых отношений связан, с одной стороны, с несправедливой, по мнению части их участников, политикой государства, с другой — с появлением новых идеологических альтернатив соответствующему порядку. „Идеологические новации“ расширяют „пространство культурных субэлит“, из которых „возникают политические партии, предлагающие те или иные доктрины, противопоставляющие себя существующему порядку“. Взаимодействии новых элит и их консолидированное давление на государство рождает „организационный кризис, который постепенно перетекает в кризис социальный“»¹.

Отсутствие должного государственного контроля за исполнением трудового законодательства, неразвитость институтов гражданского общества, преимущественное использование властью и бизнесом авторитарных механизмов управления социально-трудовой сферой, социальная пассивность рядовых работников, а также формальный (и нередко имитационный) характер деятельности профсоюзов по защите интересов трудящихся делает современного работника как бесправным и вынуждает его защищать свои социально-трудовые права в протестных формах конфликтного противостояния работодателям и государственным структурам.

¹ *Запесоцкий А. С.* Становление глобальной культуры... С. 306 (см. также: *Булдаков В. П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 53–64).

По результатам настоящего исследования разработана программа оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики конфликтов в сфере труда, адресованная ключевым субъектам, участвующим в концептуализации и регулировании данной области. Программа содержит рекомендации для участников социально-трудовых отношений, органов государственной власти, бизнеса, профсоюзов, корпоративных профессиональных сообществ.

Ключевым субъектам социально-трудовых отношений адресована национально ориентированная концепция оптимизации социально-трудовых отношений, способная обеспечить активизацию антропокультурных ресурсов нации, необходимых для мобилизационного рывка в экономическом развитии. В ее основу положены: а) учет национально-культурной специфики, фундаментальных культурных ценностей и ментальных качеств: солидарности (участия в общем деле), справедливости, социальной стабильности; б) приоритет духовно-нравственного единства перед западными ценностями индивидуальной свободы; понимание общего блага как формы проявления и утверждения солидарности, достижение которой требует от индивида ограничения индивидуальной свободы; в) использование передового европейского опыта усиления гуманитарной составляющей труда, отработки гибких механизмов регулирования, соответствующих динамизму рынка и специфике трудовой деятельности различных категорий работников.

«Очевидно, что необходима реабилитация в общественном самосознании личности, живущей по совести, морально ответственной за судьбу страны. Ресурсами такой жизненной стратегии могут стать: совесть как настроенность на другого, порядочность и нравственная репутация; „духовное стяжательство“, аскетизм и незначимость материальных благ; готовность к самопожертвованию; любовь к Отечеству и уважение к его истории. С помощью утверждения данной „антропологической модели“ можно отказаться от потребительской идеологии, заменив ее нравственной мобилизационной стратегией»¹. Созидателями этой стратегии должны стать все ответственные субъекты национальной идеологии и политики, прежде всего государство, которое в истории России всегда играло ключевую роль.

Условиями реализации национально ориентированной концепции оптимизации социально-трудовых отношений являются:

1) утверждение ведущей роли государства как субъекта инвестиционной и социальной политики, гаранта социально-трудовых прав,

¹ *Занесовский А. С.* Становление глобальной культуры... С. 321.

организатора и координатора социального партнерства (государство является гарантом социального партнерства, обеспечивая его нормативную базу, контролируя исполнение законодательных норм в сфере труда и принимаемых сторонами обязательств, участвуя в регулировании социально-трудовых конфликтов). Государственное правовое регулирование обеспечивает минимальный уровень социальных гарантий для работников, а его повышение можно реализовать на коллективно-договорной основе¹;

2) выстраивание многоуровневой системы партнерства государства, бизнеса и профсоюзов как непротиворечивой, взаимосвязанной структуры регулирования социально-трудовых отношений, определяющей на государственном и региональном уровнях общие гарантии для трудящихся, нормы и условия труда, приоритеты политики доходов и занятости, обеспечивающей обязательный характер программ социальной защиты трудящихся²;

3) конструктивный баланс интересов основных субъектов трудовых отношений, гарантирующий защиту социально-трудовых прав работников;

4) изменение критериев дифференциации в оплате труда путем включения в качестве основных уровня образования и профессионально-квалификационных характеристик, способных стимулировать возрастание творческой и интеллектуальной составляющих труда;

5) минимизация неформального сектора социально-трудовых отношений путем сочетания политики налоговых послаблений с существенным повышением рисков и цены потерь для тех предпринимателей, которые используют теневые расчеты с работниками³;

6) смещение акцента с разрешения трудовых конфликтов на их предупреждение;

¹ Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2018. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 11). С. 4.

² Согласовать социально-экономические интересы работников и работодателей позволят равноправие сторон; свобода обсуждения вопросов и выбора их тематики; полномочность представителей сторон; законность действий сторон; государственное содействие развитию социального партнерства на демократической основе; заинтересованность сторон; уважение сторонами друг друга; учет интересов сторон; добровольность принятия решений; реальность выполнения решений; обязательность достигнутых соглашений; контроль за соблюдением достигнутых соглашений; ответственность за невыполнение достигнутых соглашений (см.: Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Ст. 24).

³ Доказательством эффективности таких мер может служить банковская система, в которой угроза лишения лицензии свела к нулю практику теневых выплат.

7) развитие системы социального партнерства, выстраиваемого на принципах взаимовыгодного сотрудничества, на основе доверительных отношений, обеспечивающих искренность, взаимопонимание, свободу и безопасность коммуникации, разграничение сфер компетенции государства, бизнеса и профсоюзов.

В рамках программы *органам государственной власти* адресованы: 1) приоритеты государственной политики в области оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики социально-трудовых конфликтов; 2) задачи государственного регулирования социально-трудовых отношений.

1. Приоритеты государственной политики в области оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики социально-трудовых конфликтов:

1) корректировка концепции права с учетом национально-культурной специфики. Органичное встраивание института права в духовно-нравственный и ментальный контекст русской цивилизации предполагает синтез индивидуальной свободы и социальной солидарности, закона и справедливости, права и правды. Неотъемлемыми составляющими полноценного бытия современного человека, его «достойного существования» являются право и закон¹. Но правосознание человека определяется не только доступностью закона (смысловой, информационной), но и его культурной легитимностью и «моральной оправданностью». Ценностно ориентированная концепция права может стать главным условием преодоления взаимного отчуждения человека, общества и государства, снижения конфликтного потенциала основных участников социально-трудовых отношений;

2) формирование общенациональной системы социально-экономических гарантий в сфере труда, законодательно регламентирующей нормы поведения бизнеса в отношении наемных рабочих и прописывающей меры по принуждению к их исполнению: минимальный уровень оплаты труда; введение единого норматива минимальной (и почасовой) заработной платы²; продолжительность рабочего дня

¹ Чиркин В. Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права : эссе // Право и политика. 2001. № 4. С. 90–93.

² Широко распространенный либеральный миф о том, что на Западе заработная плата есть результат исключительно рыночной самонастройки, не имеет реальной основы. Даже в условиях жесткого западного капитализма регулирование минимума заработной платы в качестве социальной гарантии и нижней границы оплаты труда практически во всех развитых странах, независимо от типа экономики, осуществляет государство. В частности, часовая ставка заработной платы, обеспечивающая воспроизводство наименее квалифицированного труда, отслеживается десятками институ-

и оплачиваемого отпуска; оплата сверхурочной работы, определенные гарантии занятости;

3) расширение инвестиционных стратегий развития рабочей силы — как методами стимулирования, так и механизмами институционального принуждения (путем введения законодательных норм, регламентирующих поведение бизнеса в отношении наемных рабочих, и мер принуждения к их исполнению);

4) обеспечение эффективного использования человеческого капитала в целях инновационного развития России путем разработки трудосберегающих национальных программ, сокращения стихийного рынка рабочей силы и усиления дифференцированных критериев миграционной политики, разработки антидемпингового законодательства, лишаящего работодателя возможности намеренно снижать заработную плату.

2. Задачи государственного регулирования социально-трудовых отношений:

1) разработка социально-правовых механизмов, способствующих эффективной занятости населения, гарантирующих защиту человека труда;

2) взаимодополнение рыночных и государственных механизмов регулирования в соответствии с реальным многообразием форм собственности и занятости;

3) формирование общенациональной системы социально-трудовых гарантий и создание условий для реализации человеческого потенциала на основе гуманизации основных параметров трудовой деятельности;

4) утверждение справедливой практики оплаты труда за счет жесткой зависимости заработка от профессионально-квалификационных характеристик и результативности работника, изменения характера дифференциации оплаты труда, устранения дисбаланса в зарплате путем законодательного обеспечения защиты интересов работников как наиболее уязвимого субъекта социально-трудовых отношений, приведения в соответствие норматива МРОТ и дохода, способного обеспечить минимально достойный жизненный уровень, корректируя его размер в соответствии с динамикой средней заработной платы;

тов и экспертных центров, которые анализируют ее по разным критериям в зависимости от «потребительских корзин». Регулирование зарплаты в зависимости от спроса и предложения не распространяется на цивилизованную часть экономики, а возможно только в теневом секторе экономики, где задействованы массы бесправных и нелегальных мигрантов.

5) возвращение регулирующей роли налоговой системы путем перехода к прогрессивной шкале подоходного налогообложения (включая фиксацию необлагаемой базы ниже официально установленного прожиточного минимума и увеличивающийся процент подоходного налога по мере роста доходов), которая позволит обеспечить справедливое соотношение доли труда и бизнеса в валовом национальном продукте;

б) обеспечение финансовой стабильности экономики, которая должна стать приоритетом трудовой политики государства.

Работодателям, профсоюзам, корпоративным профессиональным сообществам адресованы: 1) принципы и технология проектирования программ регулирования социально-трудовых отношений и профилактики социально-трудовых конфликтов; 2) концепция корпоративной культуры организации; 3) условия совершенствования института социального партнерства государства, бизнеса и профсоюзов, выступающего организационной формой выражения и сохранения общественной солидарности, площадкой консолидированного взаимодействия социальных сил и структур в решении жизненно важных проблем; 4) модель коллективно-договорных отношений как ключевого элемента социального партнерства.

1. Принципы и технология проектирования программ регулирования социально-трудовых отношений и профилактики социально-трудовых конфликтов: а) обеспечивают квалифицированную разработку федеральных, региональных и локальных программ; продуктивное смещение акцента с разрешения трудовых конфликтов на их предупреждение; б) вырабатывают условия эффективного функционирования института партнерских отношений путем системного анализа ситуации, позволяющего конкретизировать социально-трудовые стандарты и показатели объема и качества удовлетворения основных потребностей граждан, возникающих в социально-трудовой сфере, а также четко прописать договоренности и обязанности ключевых субъектов по их реализации (включая уровень заработной платы, процент безработицы, параметры безопасности условий труда и т. д.)¹.

¹ Социальное партнерство представляет собой важнейшую форму социально-трудовых отношений, является особой подсистемой общественных отношений, поэтому процесс и результаты построения моделей социального партнерства выполняют функцию специфического социального проектирования (см.: Социально-трудовые отношения в современной России: перспективные модели социального партнерства / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2017. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 2). С. 14).

2. *Корпоративная культура организации* выступает пространством солидарности работодателя и работников, средством формирования общности «мы» трудового коллектива. Она стимулирует социально ответственное поведение бизнеса; фиксирует уникальность коллектива, его способность противостоять агрессивному влиянию внешней среды; мотивирует сотрудников к участию в разработке и реализации социально ориентированных программ путем совершенствования институционального и социального уровня производственной организации, создания благоприятного социально-психологического климата, утверждения принципа справедливости, имеющего особое значение для российского менталитета; формирует корпоративную среду, репродуцирующую конструктивную трудовую мотивацию. Корпоративный дух как необходимое условие делового успеха предполагает наличие морально-этических и ценностно-нормативных устоев — морального кодекса компании, выражаемого в корпоративной миссии. Он делает сотрудников компании носителями неповторимого чувства общности «мы», обеспечивает сопричастность общему делу, внутреннюю атмосферу и социально-психологический климат организации. Осознание миссии способствует формированию социальной ответственности организации, усилению мотивации сотрудников к участию в разработке и реализации социально ориентированных программ.

Важнейшими функциями корпоративного сообщества и критерием социальной ответственности бизнеса являются:

а) политика эффективной и справедливой заработной платы, устраняющая основной фактор социально-трудовых конфликтов — несправедливую дифференциацию в зарплате путем установления связи заработка с базовым критерием человеческого капитала — профессиональными характеристиками работников;

б) разработка стратегий инвестирования в развитие человеческого капитала путем разработки и финансирования программ повышения квалификации, охраны здоровья, обеспечения безопасности труда;

в) финансирование социальных программ, расширяющих систему льгот, включая материальную помощь и оплату дошкольных учреждений, финансирование программ обучения и повышения квалификации, дополнительное медицинское страхование, льготные путевки в санатории и дома отдыха, оплату занятий спортом, дотации на транспорт и субсидии на питание.

Критериями социально ответственного поведения бизнеса (которое постепенно встраивается в повседневную практику российских

корпораций и становится условием конкурентоспособности на международных рынках, особенно для бизнес-структур, инкорпорированных в мировое бизнес-сообщество) должны стать:

1) гарантии стабильной системы оплаты труда, связывающей размер заработной платы с профессионально-квалификационными характеристиками и результативностью труда (гарантированность ее основной части, устойчивость и прозрачность систем оплаты труда, в которых величина заработка зависит от образования, квалификации и опыта работников, а также от результатов их работы на предприятии);

2) инициирование стратегий и программ социальной направленности, наращивание инвестиций в развитие рабочей силы и повышение квалификации работников;

3) высокий профессионализм менеджмента, способного создать благоприятную институциональную среду, обеспечить высокую мотивацию участия персонала в управлении корпорациями путем закрепления минимальных гарантий и форм участия персонала предприятий в управлении, а также устойчивое финансово-экономическое положение предприятий.

Высокая социальная ответственность бизнеса в определенной степени препятствует достижению конкурентоспособности и росту прибыльности фирмы, особенно в условиях стагнационного варианта экономического поведения предприятий, ориентированных на стратегию минимизации, обеспечивающую выживание на рынке. Это противоречие можно ослабить путем широкого распространения социальной ответственности как формы гуманного отношения к «человеческому капиталу», которая должна войти в мировоззренческие матрицы трудовой этики.

Формирование социально ответственного поведения работодателей предполагает культурную легитимацию бизнеса путем утверждения в общественном сознании референтных представителей бизнес-сообщества — харизматичных лидеров и пассионарных элитных групп, позиционирующих себя в качестве приверженцев ценностей справедливости, социальной ответственности и патриотизма. «Предпосылки новых цивилизационных проектов появляются либо на основе фундаментальных религиозных ценностей, либо на базе таких идеологий, которые либо превратились, либо способны превратиться в новую религию (именно так и произошло с „красным проектом“). Но и в том и в другом случае ядром цивилизационного проекта оказывается не текст и не набор текстов, а некая интеграция, консолидация

группы харизматичных лидеров и пассионарных элит, объединяющих в дальнейшем вокруг цивилизационного „общего дела“ все более значимые социальные легионы. Реальным субъектом нового цивилизационного проекта как раз и становятся эти три прочно консолидированных компонента: харизматические лидеры, пассионарные элиты и контрэлиты, большие группы людей, воспринимающих такой проект как „свой“¹.

Духовная «фундаментализация» российского бизнеса предполагает формирование национально ориентированной трудовой этики, усиление базовых оснований национально-культурной идентичности, активное использование медиаресурсов как институтов формирования мировоззрения, соединяющих в себе мозговые центры и медиамощности, которые обязаны вести постоянную и нарастающую «накачку» медиаресурсами актуальной повестки; работу с лидерами общественного мнения и профессиональными медиаторами для создания информационных поводов.

3. *Институт социального партнерства государства, бизнеса и профсоюзов* выступает организационной формой выражения и сохранения общественной солидарности и утверждения справедливости, площадкой консолидированного взаимодействия социальных сил и структур в решении жизненно важных проблем, связанных с доходами, занятостью, образованием, медицинским обслуживанием, пенсионным обеспечением и т. п. Создание полноценной системы социального партнерства выступает как направление социальной политики государства, поскольку договорные процедуры и механизмы позволяют максимально учесть и сбалансировать интересы работника и работодателя.

Основные задачи социального партнерства: повышение эффективности работы трехсторонних комиссий и утверждение их в качестве реального механизма выработки социально-экономической политики; гуманизация условий трудовой деятельности на основе конструктивного баланса интересов основных субъектов трудовых отношений; выстраивание устойчивых и продуктивных взаимоотношений с человеком труда; защита прав работников в социально-трудовой сфере, профилактика и разрешение трудовых конфликтов в системе социально-трудовых отношений; стимулирование участия персонала в управлении корпорациями; создание условий для реализации способностей, сохранения и выращивания «человеческого капитала»,

¹ *Фурсов А.* Воля побеждать. URL: <https://izborsk-club.ru/14651>.

обеспечивающего развитие и процветание страны. Базовым инструментом, реализующим принципы социального партнерства, является коллективный договор, обеспечивающий на уровне организации достижение справедливых отношений между работниками и работодателями, где и опредмечиваются различные аспекты социально-трудовых отношений¹. Утверждение в рамках партнерских соглашений широких полномочий института посредничества в ситуации возникновения социально-трудовых конфликтов является реальным средством превращения коллективно-договорных форм разрешения трудовых конфликтов в способ их предупреждения².

Развитие и совершенствование системы социального партнерства предполагает консолидированные усилия на нескольких уровнях.

Мировоззренческий уровень социального партнерства включает:

— утверждение в общественном сознании и деловой практике важнейших принципов и ценностей справедливости, солидарности, ответственности;

— понимание социально-трудовых конфликтов как совокупного результата взаимодействия и взаимообусловленности основных субъектов и структур производства и национальной культуры;

— повышение авторитета профсоюзов, гарантией которого является их реальная независимость от власти и бизнеса, практическое участие в решении жизненно важных проблем трудящихся, существенное усиление функций и прав (в том числе путем обязательного включения представителей профсоюзов в консультативные комитеты в рамках подготовки проектов бюджета, инициирования и поддержки органов представительства коллективов предприятий — наблюдательных советов, комиссий, — которые должны стать реальным средством участия работников в управлении, формой сотрудничества с администрацией)³.

Организационный блок предполагает:

— согласованность интересов всех участвующих сторон, повышение качества коллективных договоров и соглашений, разрабаты-

¹ Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов. С. 4.

² Основанием для изменения условий коллективного договора могут быть изменение трудового законодательства, если оно затрагивает условия коллективного договора; улучшение условий договора, принятое совместным решением сторон; признание коллективного договора не соответствующим условиям законодательства.

³ Культура социально-трудовых отношений в современной России / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2018. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 9). С. 86.

ваемых и утверждаемых в рамках коллективных переговоров и взаимных консультаций;

— корректировку организационных процедур коллективного договора¹ и нормативной базы, регулирующей порядок и характер функционирования системы социального партнерства, которая должна гарантировать права и налагать обязанности на субъектов данного процесса;

— совершенствование форм и методов работы профсоюзов в рамках отраслевых и региональных трехсторонних комиссий по рассмотрению острых разногласий, а также принятию конкретных мер воздействия на владельцев и руководство тех фирм и компаний, где наиболее часто нарушаются положения коллективных договоров и соглашений;

— развитие субъектного состава партнерских отношений, стимулирование участия институтов гражданского общества, привлечение к развитию системы социального партнерства экспертных сообществ;

— разработку действенных механизмов общественного контроля за деятельностью органов социального партнерства на всех уровнях.

В нормативно-правовой плоскости развитие института социального партнерства предполагает:

— совершенствование механизма взаимодействия двухсторонних и трехсторонних органов, формируемых сторонами социального партнерства и их представителями, осуществляющих функции партнерства на локальном, территориальном, отраслевом, региональном и федеральном уровнях;

— расширение функций и полномочий общегосударственного уровня социального партнерства, в компетенцию которого входят выработка предложений в рамках государственной экономической и социальной политики, направленных на профилактику невыплаты заработной платы и предотвращение массовой безработицы; обоснование приоритетов общегосударственной политики доходов и занятости; опре-

¹ Сегодня переговорный процесс нередко блокируется схемой выдвижения требований. В соответствии с Трудовым кодексом, чтобы инициировать коллективный трудовой спор, необходимо реализовать весьма сложную процедуру. Это открывает для работодателя возможность долго не принимать главные условия соглашения, в то же время подписывая наиболее незначительные пункты, тем самым получая соглашение плюс протокол разногласий. Законную забастовку в такой ситуации применить нельзя, так как отсутствует юридический факт коллективного трудового спора. Такая схема лишает процесс коллективных переговоров его сути — отстаивания прав и интересов трудящихся, а также блокирует механизмы стачечной борьбы.

деление минимальной заработной платы и разработка критериев ее повышения с учетом отраслевых показателей; посредническая функция в случаях масштабных региональных и общенациональных забастовок и конфликтов;

— внедрение коллективных договоров и соглашений на предприятиях всех форм собственности независимо от численности работников;

— предоставление профсоюзным организациям юридических гарантий для защиты от действий органов государственной власти или работодателей, которые противоречат интересам наемных работников;

— внедрение системы мониторинга напряженности социально-трудовых отношений с целью предотвращения и контролирования конфликтных ситуаций;

— развитие системы консультационных пунктов и трудовых арбитражей во всех субъектах Федерации с широким полем конфликтов;

— ратификацию международно-правовых документов в области социального партнерства.

В сфере образовательной политики: подготовка специалистов в области практической конфликтологии для работы по профилактике и урегулированию конфликтных ситуаций; повышение профессионализма и компетентности субъектов социального партнерства в сфере досудебного регулирования и разрешения трудовых конфликтов, предотвращающих их трансформацию в открытые конфликты и акции коллективного протеста.

4. *Модель коллективно-договорных отношений* выстраивается на базе функций данного ключевого института социального партнерства, который: а) обеспечивает взаимовыгодный характер отношений; б) реализует принцип социальной справедливости во всех сферах и на всех уровнях социально-трудовых отношений (включая размер заработной платы, использование «социального бюджета», справедливое распределение корпоративных социальных фондов и т. д.); в) формирует гуманитарную социально-психологическую среду, стимулирующую производительность труда.

Ключевым документом коллективно-договорных отношений является *коллективный договор*. Этот документ отражает достигнутые договоренности по различным аспектам социально-трудовых отношений (заработная плата, гарантии занятости, социальные гарантии и т. д.) и удостоверяет готовность сторон к конструктивному диалогу; демонстрирует уровень социально-трудовой и предпринима-

тельской культуры работников и работодателей; развивает переговорную культуру социально-трудовых отношений; снижает уровень социальной напряженности и содействует урегулированию конфликтов на производстве; способствует вовлечению трудящихся в жизнь предприятия.

Важнейшими критериями эффективности коллективного договора являются: а) ресурсная эффективность, отражающая степень использования имеющихся в распоряжении профсоюза и работодателя ресурсов: кадровых, финансовых, материально-технических, научно-методических, информационных; б) экономическая эффективность, определяемая на основе анализа объективных показателей, отражающих достижения предприятия и улучшение материального положения работников (зарплата, премии, различные льготы и выплаты); в) социально-психологическая эффективность — критерий, отражающий ценности коллектива, отношения и морально-психологический климат в коллективе, удовлетворенность работников трудом, развитие их потребностей и мотивов, уверенность в завтрашнем дне¹.

Ключевым субъектом социально-трудовых отношений является государство, определяющее приоритеты инвестиционной и социальной политики, гарантирующее социально-трудовые права, обеспечивающее нормативную базу социального партнерства, выступающее его организатором и координатором.

Роль государства существенно возрастает на этапе технологической революции, «большая волна развития» которой «ведет к структурным изменениям в производстве, распределении, коммуникации и потреблении, а также к мощным изменениям в устройстве общества»². «Для перемен во власти требуются не только серьезное ослабление финансового капитала в результате коллапса бумажных ценностей, но и вмешательство политических сил. К концу периода становления волны поляризация, как правило, достигает неприемлемых уровней и вызывает протест обездоленных. Это как раз те силы, которые способны оказать давление на политиков, дабы те начали необходимые структурные изменения, стимулирующие реальную экономику»³. К сожалению, процесс модернизации российской экономики искусственно сдерживает «политика удорожания и сжа-

¹ Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов. С. 59.

² *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания : пер. с англ. М. : Дело, 2011. С. 46.

³ Там же. С. 51.

тия денежного предложения», которая переводит экономику «в стагфляционную ловушку, определяющую отставание на фоне быстрого расширения нового технологического уклада в других странах... В результате такой макроэкономической политики Россия обрекается на поражение в конкурентной борьбе за освоение ключевых технологий новой длинной волны экономического подъема, зарождающейся в настоящее время»¹.

В сегодняшней ситуации, которая характеризуется особой противоречивостью групповых интересов в секторе экономики, государство должно использовать экономические и организационные меры принуждения субъектов социально-трудовых отношений к конструктивному партнерству. Выработанные на общедоказательном уровне коллективные соглашения должны носить обязательный характер и рассматриваться в качестве фундаментальной основы для выстраивания конструктивных форм социального партнерства на уровне отрасли и регионов, которые должны обеспечить обязательность выполнения коллективных соглашений. Партнерские отношения как неотъемлемый элемент социально ориентированной экономики должны стать институтом системного согласования интересов бизнеса, власти, трудящихся, средством обеспечения социальной направленности производства и усиления заинтересованности трудового коллектива в росте его эффективности.

В условиях общественных трансформаций особая миссия возлагается на духовную элиту общества, которая способна создать духовный контекст процессов модернизации, актуализировать мобилизационные ресурсы, опирающиеся на человеческую энергию и энтузиазм, обеспечивающие осмысленное и сознательное участие всех сил общества в общем деле национального спасения и развития. Во имя будущего России духовная элита должна стать инициатором реабилитации национальной идеи как мировоззренческой платформы государственной идеологии, ценностной основы возвращения смысла труда как призвания и способа личностной самореализации.

Значимым ресурсом совершенствования современной системы социального партнерства является опора на отечественный духовный опыт и учет императивов современной социально ориентированной экономики. В качестве стратегических задач оптимизации социально-трудовой сферы следует рассматривать сохранение и возвращение

¹ См.: Глазьев С. Какие инновации обеспечат опережающее развитие российской экономики. URL: <https://izborsk-club.ru/14936>.

«человеческого капитала», обеспечивающего развитие и процветание страны; создание конкурентоспособной экономической модели (важнейшего условия социальной стабильности и спасения страны «в бурях и грозах наступающей эпохи» — Г. Малинецкий), ключевым гуманитарным условием которой может стать воодушевляющая массы национальная идея, предлагающая оптимистические и реалистичные сценарии будущего, а также идеология, утверждающая приоритет духовного над материальным, общего над личным, ценности справедливости, солидарности и социальной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия вошла в критический период, когда проблема «быть или не быть» будет решаться в ближайшее время на основе выбора оптимального сценария развития и путей его воплощения. В контексте динамично меняющегося мира сроки модернизационного рывка сжимаются, по мнению специалистов, до десятилетия. Сложность ситуации обуславливается тем, что кризис, который мы сейчас переживаем, «исключительно рукотворный — сделан руками неолибералов, засевших в финансово-экономическом блоке правительства и в присоединившемся к нему Центробанке. При этом управленческие решения формируются людьми либо фатально некомпетентными в комплексных экономических вопросах, либо глубоко и искренне верующими, например, в рынок или демократические институты межстрановой конкуренции»¹.

Форсированное инновационное развитие требует особых усилий трудоспособного населения. Однако сегодня на пути инноваций стоят серьезные преграды: некритичное копирование чиновничеством западных моделей; размывание традиционных ценностей; слабость государственного планирования; безответственность многих ключевых субъектов экономики, политики, гражданского общества; переход госаппарата от созидательного труда к имитации деятельности; влияние криминалитета². Низкая эффективность модернизационных инициатив государства в значительной степени связана с инерцией бизнеса, мировоззренческие принципы которого пока остаются в плену псевдолиберальной логики. Характерно, что подавляющее большинство участников социально-трудовых отношений в современной России считает, что их интересы и цели недостаточно учитываются и поощряются³.

¹ Шмаков М. В. Защита прав и интересов трудящихся России — ответ профсоюзов на новые глобальные вызовы // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 187.

² Малинецкий Г. Инновация — последняя надежда России. URL: <http://izborskiyclub.livejournal.com/341943.html>.

³ См.: Занесоцкий А. С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений). СПб. : СПбГУП, 2018. С. 311.

Позитивные перемены в стране сдерживает и сектор неформальных трудовых отношений, препятствуя формированию социально ориентированной экономики, развращая бизнес безнаказанностью, разрушая веру в социальную справедливость. Существование этого сектора связано с коррупцией контролирующих органов, слабой системой правоприменения и правовым нигилизмом субъектов экономической деятельности. Ориентация на дешевую нелегальную рабочую силу дает работодателю сиюминутную выгоду, но ухудшает качество человеческого капитала, не способствует инновационному развитию.

Проблема выбора варианта модернизационной стратегии, перехода на инновационные рельсы развития обостряется под воздействием факторов глобального порядка: во-первых, в ситуации мирового экономического кризиса передовые страны «приняли серьезные долгосрочные меры по стимулированию отношений, рассчитывая за счет этого укрепить свои позиции в мире»¹. Во-вторых, мир переживает получившую активное развитие после кризиса 2008 года «четвертую промышленную революцию», которая опирается на робототехнику и искусственный интеллект, 3D-технологии и Интернет, мобильный Интернет, квантовые компьютеры, синтетическую биологию, а также на экономику, основанную на переработке отходов, на возобновляемые источники энергии, развитие цифровой экономики и электронных государств². Ее характеризует экспоненциальное ускорение происходящих перемен, нарастающие процессы конвергенции в физической, социальной и биологической сферах. «Согласно прогнозам, в течение следующего десятилетия все это приведет к нескольким фундаментальным последствиям, которые кардинально изменят мировую экономику и политику»³. «Четвертая промышленная революция», с одной стороны, «увеличивает масштабы уязвимости, незащищенности и ставит государства и отдельные учреждения перед дилеммой, как реагировать на вызовы цифрового общества риска — изолировать себя и максимизировать цифровой суверенитет, чтобы избежать нападений и атак, или резко усилить контроль за каждым

¹ *Королев И. С.* Цивилизационный фактор модернизации российской экономики // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 100.

² *Проданов В.* Четвертая промышленная революция и восход цифрового общества риска // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 168.

³ Там же. С. 168.

индивидуумом, прекратив тем самым традиционное разделение жизни на общественную и личную»¹. С другой стороны, она дает шанс отстающим экономикам прорваться в группу лидеров. «Предыдущие технологические революции изменили пространства, в которых велась основная часть войн, — от наземного к морскому и воздушному до космического. Сегодня основным полем битвы становится цифровое пространство. Вхождение в цифровую сеть сопряжено с крайностями, оно открывает новые возможности благодаря сетям, в которые мы включаемся, но в то же время делает государства и остальные субъекты более уязвимыми»².

В современной России негативным феноменом социально-политического процесса, дестабилизирующим ситуацию в стране, являются трудовые конфликты. Коллективные действия протестного характера становятся естественной реакцией на системный кризис 1990-х годов, симптомами которого стало бедственное положение многих отраслей экономики и депрессивных регионов страны, массовая безработица, инфляция и резкое сокращение фактических доходов подавляющей части трудящихся. С другой стороны, конфликтное выражение несогласия с существующим положением дел оказывается почти единственным и эффективным средством защиты прав и интересов наемных работников.

Исследование показало, что базовым источником социально-трудовых конфликтов является дисбаланс основных составляющих капиталистической модели хозяйствования: института частной собственности, неустойчивость которого связана с дисфункцией института отечественного права; рыночно-ценового механизма координации интересов и формирования договорных отношений между производителем и потребителем; национально-культурной неукорененности человеческого фактора хозяйствования — максимизации дохода, легитимность которой определяется в нравственных матрицах культуры.

Не оправдывает ожиданий институт партнерства государства, бизнеса и профсоюзов, на который были возложены функции регулятора ключевых параметров социально-трудовой сферы. Усиливается скептицизм относительно способности партнерских отношений эффективно отстаивать интересы работников. Причины низкой

¹ *Нигматулин Р. И.* Россия и мировая цивилизация // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 170.

² Там же.

эффективности действующих механизмов партнерства связаны с формальной организацией данного института, преимущественным использованием властью и бизнесом авторитарных механизмов определения ключевых параметров развития социально-трудовой сферы, исключающих гармонизацию интересов субъектов трудовых отношений, имитационным характером деятельности профсоюзов по защите прав и интересов работников, а также социальной пассивностью рядовых работников.

Фактором социально-трудовых конфликтов также является эгоистическая и социально безответственная политика бизнеса в сфере социально-трудовых отношений, основу которой составляют стратегия минимизации затрат на рабочую силу, в том числе путем снижения уровня заработной платы ниже стоимости воспроизводства рабочей силы (занижение оплаты квалифицированного труда, сведение к минимуму социальных фондов предприятия, сокращение предусмотренных законом выплат и льгот); недопустимо высокая дифференциация зарплаты между высшим управленческим персоналом и работниками, отсутствие или нерегулярность ее индексации; сокращение доли гарантированной (тарифной) составляющей заработной платы; невыплаты и натурализация заработной платы, широкое распространение теневых выплат; целенаправленное расширение неформальных связей, вытесняющих систему формализованных отношений; превращение института социального партнерства в средство реализации интересов бизнеса. Социально-трудовые отношения деформировала очевидная диспропорция основных элементов концепции социальной ответственности бизнеса, в которой до последнего времени доминировала внешняя благотворительная деятельность и сотрудничество с властями в решении острых проблем регионального характера в ущерб инвестированию в развитие рабочей силы.

Сохранению конфликтного потенциала способствует низкий уровень владения технологиями диагностики причин возникновения конфликта, методами профилактики и снижения уровня конфликтного противостояния, приемами социального управления трудовыми конфликтами и ведения переговорного процесса, создания атмосферы диалога и сотрудничества и перевода статуса конфликтующих сторон и субъектов партнерских отношений.

Рост конфликтного потенциала в сфере труда обусловлен также низкой эффективностью институтов и механизмов, регулирующих социально-трудовые отношения в рамках либеральной парадигмы. Низкая эффективность мер по профилактике и разрешению

трудовых споров и конфликтов между наемными работниками и работодателями связана с копированием западных моделей социально-правовых и экономических институтов, регулирующих социально-трудовые отношения, которые были сформированы на иных мировоззренческих матрицах католичества и протестантской трудовой этики. Формирование модели социально-трудовых отношений последних десятилетий происходило путем переноса в российские реалии западных принципов и форм корпоративной организации производства. Эта политика до сих пор строится на отрицании национальных традиций, игнорировании системообразующих ментальных матриц и духовного опыта народа. Утверждаемая в рамках либеральной концепции модель корпоративной этики рассматривается как ключевой критерий «цивилизованности», который навязывается экономическими гигантами населению стран третьего мира. Результаты развития социально-трудовых отношений в последние десятилетия свидетельствуют о кризисе либеральной классической доктрины, ограничивающей вмешательство государства в сферу отношений между трудом и капиталом. Государственное вмешательство в социально-трудовую сферу последних десятилетий было весьма ограниченным: практически не осуществлялось регулирование минимальной оплаты труда, произошел отказ от прогрессивной шкалы подоходного налогообложения.

Усиление деструктивных тенденций в сфере социально-трудовых отношений обусловлено отторжением института права в его сегодняшнем кодифицированном варианте. Пренебрежение к закону демонстрируют все ключевые фигуры социально-трудовой сферы: государство, бизнес, наемные работники. Негативное отношение к праву усилила реформа 1990-х: неправовая приватизация предопределила деформацию системы политико-правовых отношений постсоветской России.

Ключевым условием модернизации отечественной экономики становится преодоление деструктивных тенденций в сфере социально-трудовых отношений. «Обществу необходимо установить баланс между интересами предпринимателей, работодателей и работников. Если в общественном мнении не возобладает идея социального мира, то это может спровоцировать нарастание глубоких социальных конфликтов»¹.

¹ Шмаков М. В. Профсоюзное движение как явление мировой культуры в контексте глобализации // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 171.

В стратегическом плане оптимизация социально-трудовых отношений предполагает скоординированные усилия общества по нескольким направлениям.

Первое. Утверждение в сознании общества, политической элиты, представителей корпоративных бизнес-сообществ, широких слоев населения ключевых мировоззренческих доминант национальной культуры, ядро которой составляют ценности справедливости, правды, солидарности, милосердия, нестяжательства, духовной свободы¹ (их истоки — в глубинах религиозно-философской антропологии византийско-московского православия); соборно-коллективистской ментальности, лишенной буржуазного накопительского инстинкта и обеспечивающей способность к самопожертвованию неистребимый дух русской цивилизации; возрождение национальной идеи в единстве ее мессианской, цивилизационно-культурной и геополитической составляющих.

Модернизационный рывок предполагает высокий уровень самоотверженности и пассионарной энергии народа, которая станет реальностью при условии осмысленного труда во имя блага общества, утверждения ценности социальной справедливости. Единая для всех регионов России система гарантий и защиты прав трудящихся станет значимым фактором обеспечения социального единства страны и утверждения фундаментальной для русской цивилизации ценности социальной справедливости. Мировой опыт XX века показывает, что экономический взлет происходит в условиях национального согласия по вопросам морали, в первую очередь гражданской и трудовой. Консенсус охватывал все слои общества, кроме криминальных, стоящих вне закона (с последними же шла беспощадная борьба). Западная Германия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань, Китай — все эти страны добивались «экономического чуда» с применением моделей экономики, обладающих национальным своеобразием. И в каждом случае своеобразие было основано на глубоком понимании национальной культуры, традиций, характера и ментальности населения. Экономические успехи были бы невозможны в условиях тотальной эрозии морали и нравственности, существования у разных слоев общества различных базовых ценностей².

¹ Данная аксиологическая матрица национальной культуры обеспечивала исконно русское умение выживать в тяжелейших обстоятельствах, сохранять духовность и человеческое достоинство в бесчеловечных условиях внешней среды.

² См.: *Запесоцкий А. С.* Трудовая этика в системе трансформаций постсоветской России // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 79.

Ресурсами оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики конфликтов в постсоветской России выступают востребованность смыслообразующих матриц отечественной культуры как пространства солидарности и согласия субъектов социально-трудовых отношений; усиление консолидирующей роли духовно-нравственного фактора; консервативное мировоззрение как условие минимизации антагонизма в социально-трудовых отношениях; усиление роли государства как ключевого фактора профилактики и минимизации пространства конфликтов; корректировка концепции права с учетом национально-культурной специфики; утверждение нормативной функции корпоративной культуры как элемента социальнотрудовых отношений и пространства солидарности работодателей и работников.

Второе. Повышение социально-культурной легитимности института права в глазах общества. Правосознание человека и общества определяется не только доступностью Закона (смысловой, информационной), но и его моральной оправданностью. Органичное встраивание института права в духовно-нравственный и ментальный контекст русской цивилизации предполагает синтез: с одной стороны, «римской идеи» абстрактного, обезличенного, всеобщего формально-правового равенства, с другой — «русской идеи» солидарности, всемирной отзывчивости и ответственности каждого за всех; с одной стороны, западного формально-правового равенства, с другой — приоритета общего блага над индивидуальными интересами; а также индивидуальной свободы и социальной солидарности, закона и справедливости, права и правды. Ценностно ориентированная концепция права может стать ведущим условием преодоления взаимного отчуждения человека, общества и государства, снижения конфликтного потенциала основных участников социально-трудовых отношений.

Третье. Совершенствование системы социально-трудовых отношений предполагает: востребованность основными социально-экономическими институтами мировоззренческих моделей национальной трудовой этики; учет национально-культурных особенностей, императивов современной социально ориентированной экономики, а также формирующегося технологического уклада, основанного на достижениях четвертой промышленной революции; создание социально ответственными силами общества политико-правового и духовного контекста, обеспечивающего социально-культурную основу модернизационных процессов, осмысленное и сознательное участие в общем деле национального спасения и развития; сохранение ведущей роли

государства как главного субъекта социальной политики и организатора социального партнерства.

Четвертое. Ключевым фактором корректировки модели социально-трудовых отношений с учетом национальной духовной специфики является востребованность исторического опыта ответа Русского мира на цивилизационные вызовы времени. В этом плане особый интерес представляют модели корпоративности этапа русской реформации XVIII–XIX веков, а также трудовая этика и социально-трудовые отношения на этапе форсированной модернизации советского периода. Массовый самоотверженный труд на благо Родины свидетельствует о возможности выстраивать эффективные социально-трудовые отношения, опирающиеся на философию «общего дела», освященную национальной идеей справедливости, солидарности и социальной ответственности. В основе энтузиазма 1930–1950-х годов лежит трудовая этика, которая востребовала мировоззренческие доминанты и ментальные матрицы Русского мира, утвердила принципы рабочей солидарности и социальной справедливости («от каждого по способностям, каждому по труду»), подчеркивающие моральные преимущества социализма и во многом обеспечившие невиданные темпы развития страны в послевоенный период. Социально-трудовые отношения советского периода создали уникальную и эффективную систему стимулирования труда и повышения его эффективности, основанную на методах материального и морального поощрения работника.

Пятое. В решении стратегических задач оптимизации модели социально-трудовых отношений особая роль принадлежит государству, миссия которого — не только выработка мер ограничения силового противостояния труда и капитала, но и формирование общенациональной системы социально-экономических гарантий в сфере труда, законодательные регламентирующие нормы поведения бизнеса в отношении наемных работников и предписывающей меры принуждения к их исполнению. В ситуации ресурсного неравенства участников социально-трудовых отношений государство обязано компенсировать статусные и ресурсные дефициты профсоюзов и работников путем выработки механизмов законодательного принуждения к социальному партнерству со стороны бизнеса (в том числе за счет усиления функций института принудительного арбитража), к поиску взаимоприемлемых решений, снижающих конфликтный потенциал в обществе.

Новая модель социально-трудовых отношений, соответствующая базовым ценностям национальной культуры, станет основанием для замены западноевропейской парадигмы максимизации дохода как

«человеческого фактора» хозяйствования концепцией нравственной порядочности и взаимной ответственности всех субъектов социально-трудовых отношений; позволит адаптировать к специфике русской культуры рыночный механизм координации интересов и формирования договорных отношений между производителем и потребителем, гармонизировать основные составляющие капиталистической модели хозяйствования, дисбаланс и конфликт которых являются базовым источником социально-трудовых конфликтов и усиления социальной напряженности. Утверждение национально ориентированных ценностных доминант трудовой этики и корпоративных бизнес-сообществ сделает принцип социальной справедливости реальной действующей силой во всех сферах и на всех уровнях социально-трудовых отношений, включая использование «социального бюджета», справедливое распределение корпоративных социальных фондов и заработной платы, формирование благоприятного психологического климата, стимулирующего повышение производительности труда и проведение политики инвестирования в развитие персонала. Создаваемый социально ответственными силами политико-правовой и духовный контекст будет содействовать обеспечению социальной инфраструктуры процессов модернизации, запустит мобилизационные антропологические ресурсы — человеческую энергию и энтузиазм, осмысленное и сознательное участие в общем деле национального спасения и развития.

Ключевым условием успеха отечественного проекта модернизации становятся опора на собственную духовную традицию, обретение будущего на основе понимания ошибок и величия прошлого. Отечественная история известно немало примеров, когда основную роль в национальном возрождении играли русская культура и русский характер, которые позволяли добиться успеха в, казалось бы, безнадежных ситуациях. И сегодня Россия способна совершить свое «экономическое чудо» — стать «ядром притяжения нового интегрального мирохозяйственного уклада», в том числе путем реализации политики опережающего развития на основе нового технологического уклада, сочетания стратегического планирования и рыночной конкуренции, формирования дееспособного экономического союза на постсоветском пространстве, востребованности исторических и политических традиций советской системы хозяйствования, органичного использования эффективных институтов и механизмов, отработанных мировой управленческой практикой¹.

¹ *Запесоцкий А. С.* Становление глобальной культуры... С. 322.

ЛИТЕРАТУРА

Александров Ф. О. Социально-трудовой конфликт: понятие и подход к урегулированию / Ф. О. Александров // Социальный протест и трудовой конфликт ; под ред. В. В. Козловского. — СПб., 1999.

Александрова Е. В. Социально-трудовые конфликты: пути их разрешения / Е. В. Александрова. — М., 1993.

Асадов А. Н. Влияние эффективности и оценок справедливости систем заработной платы на трудовые конфликты. Социально-экономические проблемы становления рыночных отношений / А. Н. Асадов. — СПб., 1993.

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. — 2-е изд., перераб. и доп. — Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997. — Т. 1 : От прошлого к будущему. — 504 с.

Бабаков В. Г. Национальное самосознание и национальная культура (методологические проблемы) / В. Г. Бабаков, В. М. Семенов. — М. : Ин-т философии РАН, 1996. — 70 с.

Багдасарьян Н. Г. Культура как среда выживания / Н. Г. Багдасарьян // На пути к культурологической парадигме современного образования : учен. зап. — СПб. : СПбГУП. — Вып. 1.

Байдаченко П. П. Конфликтотенные факторы социально-трудового конфликта / П. П. Байдаченко // Социальные конфликты: многообразие, пути и способы преодоления : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Белгород, 1993.

Барабанов Е. В. Россия — Запад: взгляд издалека / Е. В. Барабанов // Вопросы философии. — 1991. — № 10. — С. 59–66.

Бухонова С. М. Трудовые конфликты процессов и пути их решения / С. М. Бухонова, В. В. Шелькова, И. М. Лычева // Социальные приватизационные конфликты: многообразие, пути и способы преодоления : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Белгород, 1993.

Введение // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. — М. : Наука, 1993. — С. 4–19.

Вейдле В. Е. Три России / В. Е. Вейдле // Смена. — 1991. — № 8. — С. 78–92.

Воейков М. И. Трудовые отношения в трансформационной экономике: российская идентичность / М. И. Воейков, Г. В. Анисимова, Э. Н. Соболев. — М. : ИЭ РАН, 2010.

Гранин Ю. Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» / Ю. Д. Гранин // Вестн. РАН. — 2012. — Т. 82, № 9. — С. 807–813.

Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. — СПб. : Питер, 2001. — 464 с.

Громов М. Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии / М. Н. Громов // Вопросы философии. — 1994. — № 1.

Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. — М., 1989. — Вып. 1. — С. 75–89.

Давыденко В. А. Экстремальные ситуации в системе трудовых отношений: структурный, функциональный и динамический аспекты (Теоретико-социологический анализ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук / В. А. Давыденко. — М., 1992.

Давыдов Ю. Н. Две бездны — два лица России / Ю. Н. Давыдов // Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 84–96.

Данакин Н. С. Конфликты и технология их предупреждения / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, В. И. Сперанский. — Белгород, 1995.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — М. : Книга, 1991. — 704 с.

Деревянченко А. А. Конфликты в социально-трудовой сфере реформируемой России : моногр. / А. А. Деревянченко, А. Н. Крестьянинов, В. И. Сперанский. — М., 2003. — 158 с.

Дмитриев А. В. Введение в общую теорию конфликтов (юридическая конфликтология / А. В. Дмитриев [и др.]. — М., 1993. — Ч. 1.

Дмитриев А. В. Социальный конфликт: общее и особенное / А. В. Дмитриев. — М., 2002.

Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р. А. Додонов [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://donntu.edu.ua/russian/strukt/kafedrs/phil/works/etn_mental/title.html.

Долгопятова Т. Г. Российские предприятия в переходной экономике: экономические проблемы и поведение / Т. Г. Долгопятова. — М. : Дело, 1995.

Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию / А. Г. Дугин. — М. : Академ. проект : Трикта, 2010. — 564 с.

Ершов А. А. Личность и коллектив: межличностные конфликты и их разрешение / А. А. Ершов. — Л. : Знание, 1976. — 174 с.

Жутиков М. А. Демонтаж цивилизации? / М. А. Жутиков // Наш современник. — 2009. — № 9. — С. 213.

Забастовки 1989–1993 гг. в России: (социологический аспект) / под ред. А. К. Зайцева. — Калуга, 1996.

Зайцев А. К. Социально-трудовой конфликт — это норма / А. К. Зайцев // Социс. — 1993. — № 8.

Зайцев А. К. Социальный конфликт / А. К. Зайцев. — М., 2000.

Запесоцкий А. С. Культура: взгляд из России / А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП; М. : Наука, 2014. — 848 с.

Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика / А. С. Запесоцкий. — М. : Наука, 2002. — 456 с.

Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры / А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2010. — 360 с.

Запесоцкий А. С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизации (По материалам Международных Лихачевских научных чтений / А. С. Запесоцкий). — СПб. : СПбГУП, 2018. — 608 с.

Запесоцкий А. С. Становление культурологической парадигмы / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков. — СПб. : СПбГУП, 2007. — 54 с.

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса / А. Г. Здравомыслов. — М., 1995.

Зигерт В. Руководить без конфликтов : пер. с нем. / В. Зигерт, Л. Ланг. — М. : Экономика, 1990.

Зиновьев А. Гибель «империи зла» (очерк российской трагедии) / А. Зиновьев // Социс. — 1995. — № 2. — С. 70–82.

Зиновьев А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. — М. : Алгоритм, 2006. — 528 с.

Зобнин Ю. В. Н. Гумилев — поэт православия / Ю. В. Зобнин. — СПб. : СПбГУП, 2000. — 386 с.

Иванов О. Социальное партнерство: некоторые вопросы теории / О. Иванов, Д. Гавра. — СПб., 1994.

Идентичность и конфликт в постсоветских государствах : сб. ст. / под ред. М. Б. Опкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. — М. : Центр Карнеги, 1997. — 490 с.

Ильин В. В. Философия политики / В. В. Ильин, А. С. Панарин. — М. : Прогресс, 1994. — 271 с.

Ильин И. А. За национальную Россию. Манифест русского движения / И. А. Ильин // Слово. — 1991. — № 7. — С. 80–89.

Ильин И. А. О новом человеке / И. А. Ильин // Слово. — 1993. — № 1–2. — С. 16–21.

Иустин (Попович), преп. Философские пропасти / Иустин (Попович), преп. — М., 2005. — 278 с.

Каган М. С. Философия культуры / М. С. Каган. — СПб. : Петрополис, 1996. — 491 с.

Кара-Мурза С. Г. Русская идея: реальность и фантом / С. Г. Кара-Мурза // Проблемы национальной идеологии : стеногр. 8-го заседания Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

Карпентер С. Урегулирование споров в обществе (реф.) : пер. с англ. / С. Карпентер, У. Кеннеди. — М., 1992.

Катульский Е. Д. Регулирование трудовых отношений в переходный период к рыночной экономике : автореф. ... д-ра экон. наук / Е. Д. Катульский. — М., 1996.

Кацва А. М. Социально-трудовые конфликты в современной России / А. М. Кацва. — М. ; СПб. : Летний сад, 2002.

Киселев Я. Международно-правовое регулирование труда (международные стандарты труда) / Я. Киселев. — М., 1995.

Клейнер Г. Б. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность / Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов. — М. : Экономика, 1997.

Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства / А. Г. Ковалев. — 2-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1978.

Ковалев А. Г. Конфликты в трудовом коллективе и пути их разрешения / А. Г. Ковалев // Психологический журнал. — 1983. — № 4.

Кодекс законов о труде Российской Федерации (в ред. от 10 июля 2001 г.) // СЗ РФ. — 2001. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.

Ковачик П. Предупреждение и разрешение конфликтов : метод. рек. для руководителей / П. Ковачик, Н. Малиева. — М., 1994.

Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. — М. : Идея-Пресс, 2000.

Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество / П. Козловски ; пер. с нем. и ред. М. Н. Грецкого. — СПб. : Эконом. шк., 1996.

Коллективный договор как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2018. — (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 11).

Конфликтный менеджмент в политических и экономических структурах. — М., 1994.

Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е. И. Степанова. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 175 с.

Крестьянинов А. Н. Социальная напряженность: роль профсоюзов в ее регулировании / А. Н. Крестьянинов. — М. : Русская новь, 2003.

Крылов И. В. Маркетинг (Социология маркетинговых коммуникаций) : учеб. пособие / И. В. Крылов. — М. : ЦЕНТР, 1996. — 192 с.

Кудрявцев В. Н. Проблемы и перспективы российской конфликтологии / В. Н. Кудрявцев // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. — М., 1994. — Вып. 7.

Культура социально-трудовых отношений в современной России / науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2018. — (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 9). — 232 с.

Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : моногр. / В. В. Лапаева. — М. : Рос. академия правосудия, 2012.

Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : СПбГУП, 2015. — 540 с.

Макаров Е. И. Применение официальной статистической информации для мониторинга, анализа и прогнозирования социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации / Е. И. Макаров О. Н. Никифоров // Финансы и бизнес. — 2014. — № 4. — С. 90–96.

Макаров Е. И. Социально-трудовые отношения и ценность «человека труда» в контексте российских перемен / Е. И. Макаров // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. — СПб. : СПбГУП, 2013.

Макаров Е. И. Трудовые конфликты: история, теория, методы мониторинга : учеб. пособие / Е. И. Макаров, Д. В. Лобок. — СПб. : СПбГУП, 2014 (Б-ка гуманитар. ун-та ; Вып. 54).

Марков А. П. Отечественная культура как предмет культурологии : учеб. пособие / А. П. Марков. — СПб. : СПбГУП, 1996. — 288 с. (Б-ка гуманитар. ун-та).

Марков А. П. Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность : учеб. пособие / А. П. Марков. — СПб. : СПбГУП, 2005. — 400 с. — (Б-ка гуманитар. ун-та ; Вып. 23).

Марков А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования : моногр. / А. П. Марков. — СПб. : СПбГУП, 2017.

Марков А. П. Основы социокультурного проектирования / А. П. Марков, Г. М. Бирженюк. — СПб., 1998.

Мартиросян А. В. Роль руководителя в формировании трудовых отношений на предприятии / А. В. Мартиросян. — М. : АТиСО, 2000.

Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации : пер. с англ. / У. Мастенбрук. — М. : Инфра-М, 1996.

Материалы круглых столов по проблемам конфликтологии // Социс. — 1991. — № 1, 2; 1994. — № 3.

Межуев В. М. [Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба] / В. М. Межуев // Проблемы национальной идеологии : стеногр. 8-го заседания Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

Межуев В. М. Культурология и философия культуры / В. М. Межуев // Культурология сегодня: основы, проблемы, перспективы. — М. : Знание, 1993. — С. 54–62.

Митрофанова Ю. Н. Ценностные ориентиры корпоративной культуры в контексте национальной ментальности : автореф. дис. ... канд. культурологии / Ю. Н. Митрофанова. — СПб., 2013.

Митрохин В. И. Сущность и критерии социальной напряженности / В. И. Митрохин. — М. : РГАТиЗ, 2000.

Модернизация России и конфликт ценностей. — М. : Рос. ин-т культурологии, 1995. — 169 с.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании / А. П. Назаретян. — М. : Аргамак-Медиа. — 512 с.

Осеев А. А. Переговоры как регулятор социально-трудовых отношений. Начальная фаза переговоров / А. А. Осеев. — М., 2001.

Панарин А. С. Горизонты глобальной гражданской войны / А. С. Панарин // Наш современник. — 2003. — № 9.

Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств / А. С. Панарин // Вопросы философии. — 2003. — № 6.

Пападопулос М. Русофобия: прочно укоренившаяся и неофициальная политика Запада / М. Пападопулос // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. — СПб. : СПбГУП, 2015. — С. 145–148.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания : пер. с англ. / К. Перес. — М. : Дело, 2011. — 231 с.

Пригожин А. И. Анатомия организационного конфликта / А. И. Пригожин // Организация: системы и люди. — М., 1983.

Пригожин А. И. Методы развития организаций / А. И. Пригожин. — М., 2003.

Проблемы национальной идеологии : стеногр. 8-го заседания Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. акад. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.gikmosgu.ru/publications/3658/3724>.

Рекомендация Международной организации труда от 29 июня 1951 г. № 92 «О добровольном примирении и арбитраже» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. — Женева : Международное бюро труда. — Т. I.

Решетникова К. В. Конфликты и изменения в организационных системах: методологические и методические аспекты исследования : автореф. дис. ... канд. социол. наук / К. В. Решетникова. — М., 1998.

Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый / В. В. Розанов // Уединенное. — М. : Политиздат, 1990. — 591 с.

Рудык Э. Н. Рабочий протест в России: опыт и проблемы / Э. Н. Рудык, Я. Н. Керемецкий, Л. А. Булавка. — М., 2000.

Силластэ Г. Г. Экономическая социология : учеб. пособие / Г. Г. Силластэ. — М. : Гардарики, 2005. — 383 с.

Соболев Э. Н. Профсоюзы и власть: проблемы взаимодействия / Э. Н. Соболев // Политическая и партийная система современной России. — М. : Научный эксперт, 2009.

Соболев Э. Н. Регулирование социально-трудовых отношений в России: генезис, механизмы, направления трансформации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Э. Н. Соболев. — М., 2010.

Соболев Э. Н. Социально-трудовые отношения в России: история, современное состояние, перспективы / Э. Н. Соболев. — М. : ИЭ РАН, 2008.

Соловейчик В. Забастовки в Италии — урок для России / В. Соловейчик [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.rpk.len.ru/docs/2002/jul11002.html>.

Соловьев В. С. Русская идея / В. С. Соловьев // Русская идея. — М. : Республика, 1992.

Соловьев Вл. Оправдание добра / Вл. Соловьев. — М. : Республика, 1996. — 479 с.

Социально-трудовые отношения в современной России: перспективные модели социального партнерства / науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2017. (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 2). — 120 с.

Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. — М. : ЛЕНАНД, 2005. — 664 с.

Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. — М., 1993. — Вып. 4.

Социальный конфликт: современные исследования : реф. сб. / ИНИОН АН СССР. — М., 1991.

Социальный протест и трудовой конфликт на российских предприятиях / под ред. В. В. Козловского. — СПб., 1999.

Сперанский В. И. Конфликтология для каждого и на каждый день / В. И. Сперанский. — М. : Русская новь, 2002. — 352 с.

Стародумов А. А. Символический обмен как феномен современной массовой культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии / А. А. Стародумов. — СПб. : СПбГУП, 2012.

Степанов Е. И. Актуальные проблемы методологического обеспечения конфликтологических исследований / Е. И. Степанов // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия : тез. докл. и выступ. на II Междунар. конгр. конфликтологов. Москва — Санкт-Петербург, 30 сентября — 2 октября 2004 г. — СПб. : Наука, 2004.

Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы / Е. И. Степанов. — М., 1996.

Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.

Степун Ф. А. Мысли о России / Ф. А. Степун // Новый мир. — 1991. — № 6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // Рос. газета. — 2009. — 19 мая. — № 4912.

Струве Н. Б. Интеллигенция и революция / Н. Б. Струве // Вехи. Интеллигенция в России. — М. : Мол. гвардия, 1991.

Тернер Дж. Структура социологической теории : пер. с англ. / Дж. Тернер. — М. : Прогресс, 1985. — 471 с.

Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. — М. : Москва, 1997. — 592 с. (Пути русского имперского сознания). — Прил. к журн. «Москва».

Тишков В. А. Образ страны и национальная идентичность / В. А. Тишков // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. — СПб. : СПбГУП, 2009.

Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. — М. : Прогресс, 1991. — 369 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. — М. : Издат. группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — 624 с.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

Трунова Н. П. Управление разрешением социально-экономических конфликтов в российских фирмах : дис. ... канд. социол. наук / Н. П. Трунова. — М., 2000.

Учебное пособие для подготовки кадров высшей квалификации по специальности 22.00.08 «Социология управления» / под ред. О. А. Уржа. — М. : Изд-во РГСУ, 2008.

Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» // СЗ РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2.

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 48.

Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» // СЗ РФ. — 1995. — № 48.

Флоренский П. У водораздела мысли / П. Флоренский // Флоренский П. Соч. : в 2 т. — М. : Просвещение, 1990. — Т. 2. — С. 287.

Флоренский П. Автореферат. Мировоззрение / П. Флоренский // Флоренский П. Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1994. — Т. 1. — С. 37–43.

Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский // Социс. — 1990. — № 8–10, 11.

Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины / П. А. Флоренский // Флоренский П. Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1994. — Т. 1.

Франк С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк ; сост., отв. ред. А. А. Ермичев. — СПб. : Наука, 1996. — 730 с. (Слово о сущем).

Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. — М. : Республика, 1993. — 438 с.

Цой Л. Н. Организационный конфликт-менеджмент / Л. Н. Цой. — М., 2007.

Черепухин А. В. Система альтернативного разрешения конфликтов : учеб.-метод. пособие / А. В. Черепухин. — Харьков : Торнадо, 2001. — 208 с.

Чумиков А. Б. Управление конфликтом / А. Б. Чумиков. — М., 1995.

Шаленко В. Н. Трудовые конфликты: методология, теория и управление : моногр. / В. Н. Шаленко. — М. : Academia, 2008.

Шаленко В. Н. Конфликты в трудовых коллективах / В. Н. Шаленко. — М., 1992.

Щербина В. В. Современные концепции структурных изменений в организациях / В. В. Щербина [и др.] // Социс. — 1996. — № 1.

Шмаков М. В. Защита прав и интересов трудящихся России — ответ профсоюзов на новые глобальные вызовы / М. В. Шмаков // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. — СПб. : СПбГУП, 2015.

Шмаков М. В. Профсоюзное движение как явление мировой культуры в контексте глобализации / М. В. Шмаков // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. — СПб. : СПбГУП, 2009. С. 169–171.

Яницкий О. Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» / О. Н. Яницкий // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / под ред. Т. И. Заславской. — М. : Аспект-пресс, 1997. — С. 37–48.

Янов А. Русская идея и 2000 год / А. Янов // Нева. — 1990. — № 9–11.

Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. / К. Ясперс. — М. : Политиздат, 1991. — 527 с.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ,
РЕСУРСЫ И СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ**

Ответственный редактор *Я. Ф. Афанасьева*
Редакторы: *В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*
Дизайнер *А. В. Костюкевич*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *С. А. Зинченко, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-1039-6

Подписано в печать с оригинал-макета 13.05.19
Формат 60х90/16. Гарнитура Times New Roman
Усл.-печ. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 19086

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

В новой серии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Социально-трудовые конфликты», открытой в 2017 году, публикуются труды видных специалистов в области конфликтологии и представителей российских профсоюзов

1. МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ТЕХНОЛОГИИ

Рассматриваются концептуальные подходы к изучению социально-трудовых конфликтов, обобщается отечественный и зарубежный опыт мониторинга социальных процессов, раскрываются организационные и технологические аспекты функционирования автоматизированной системы сбора и обработки информации о социально-трудовых конфликтах.

Подготовлено в развитие исследовательского проекта, осуществленного на базе Научно-мониторингового центра «Трудовые конфликты» СПбГУП.

2. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Рассматриваются теоретические и методологические проблемы построения моделей социального партнерства в контексте социально-трудовых конфликтов, обобщается отечественный и зарубежный опыт моделирования социальных процессов, раскрываются организационные и технологические аспекты функционирования автоматизированной системы сбора и обработки информации о социально-трудовых конфликтах и перспективных моделях социального партнерства.

Подготовлено в развитие исследовательского проекта, осуществленного на базе Научно-мониторингового центра «Трудовые конфликты» СПбГУП.

3. ТРУДОВОЙ АРБИТРАЖ В СФЕРЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ СПОРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография отражает исследование деятельности трудовых арбитров на этапах посредничества и трудового арбитража, содержит анализ роли государства как гаранта обеспечения соблюдения и защиты прав и свобод граждан, в частности трудовых прав и свобод.

Рассмотрены история зарождения трудового арбитража, правовые и организационные условия деятельности трудовых арбитров и посредников, опыт разрешения коллективных трудовых споров в правовых рамках.

4. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2005–2015)

В монографии представлен комплексный взгляд на тенденции развития и последствия трансформации российского профсоюзного движения в 2005–2015 годах. Особое внимание уделено влиянию профсоюзов на развитие социального партнерства. Авторы проводят сравнительный анализ эффективности деятельности различных профсоюзных объединений страны по защите социально-трудовых интересов работников.

5. ПРОФСОЮЗЫ НА ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ: ОПЫТ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Монография отражает исследование деятельности профессиональных союзов, связанной с контролем за исполнением трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, содержит анализ влияния профессиональных союзов на исполнение трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Рассмотрены особенности правозащитной деятельности Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, способы реализации защитной функции профессиональными союзами, пути совершенствования трудового законодательства и усиления влияния профсоюзов на исполнение трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

6. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ СПОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография отражает исследование судебной практики разрешения социально-трудовых споров в современной России, содержит анализ правозащитной деятельности профессиональных союзов, в частности анализ судебной защиты как способа обеспечения этой деятельности.

Рассмотрены основные тенденции совершенствования правового регулирования и развития судебной практики по рассмотрению социально-трудовых споров в России.

7. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Монография посвящена исследованию системы социального партнерства в субъектах Российской Федерации на современном этапе. В исследовании рассмотрены особенности становления и развития социального партнерства в России, проведен анализ деятельности трехсторонних комиссий в регионах субъектов РФ, выявлены проблемы и проведена оценка эффективности их работы, разработаны рекомендации по совершенствованию социального партнерства на региональном уровне.

8. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2010–2017)

Монография отражает тенденции развития профсоюзного движения в двух крупнейших регионах России — Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В исследовании, охватывающем период с 2010 по 2017 год, анализируются эффективность защиты профсоюзными объединениями социально-трудовых интересов работников, их место и роль в системе социального партнерства, динамика изменения профсоюзного членства.

9. КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография подготовлена по материалам научного исследования на одноименную тему. В работе анализируется широкий круг феноменов, отражающих различные стороны трудовых отношений и определяющих культуру мотивации трудовой деятельности, социальной справедливости, социального и человеческого капитала, социального партнерства.

10. СМИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (Конфликтологический анализ)

В монографии анализируется актуальная проблема участия СМИ в социально-трудовых конфликтах. Работа построена на обобщении значительного объема эмпирического материала, отражающего различные аспекты и модели влияния СМИ на социально-трудовые конфликты — как конструктивного, так и деструктивного. Рассматривается специфика освещения социально-трудового конфликта на различных этапах его протекания.

11. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК МЕХАНИЗМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии анализируется исторический опыт становления и развития коллективно-договорных отношений, рассматриваются различные аспекты реализации потенциала коллективного договора как механизма и формы социального партнерства на уровне предприятия, виды и содержание коллективных договоров в России и зарубежных странах, направления оптимизации содержания и процедур заключения и оценки выполнения коллективного договора.

12. ПЕРЕГОВОРЫ КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНЦЕПЦИЯ, МЕТОДИКА, ТЕХНОЛОГИИ

В монографии рассматриваются различные аспекты переговорного процесса в системе социально-трудовых отношений. Основное внимание уделяется анализу субъектов переговоров, в качестве которых выступают участники социального партнерства — работодатели, профсоюзы, органы государственного управления; технологическим аспектам переговоров. Центральное место в работе занимают технологии разрешения социально-трудовых конфликтов, основанные на переговорных методиках.

13. УЧАСТИЕ РАБОТНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии анализируются актуальные вопросы включения работников в процесс управления организацией в контексте профилактики социально-трудовых конфликтов. Рассматриваются отечественный и зарубежный опыт участия работников в управлении организацией, правовые и организационные аспекты управления с участием персонала на различных уровнях — от предприятия (организации) в целом до рабочего места.